

к 06
нзч
21266-к

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСТОРИИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

З А П И С К И

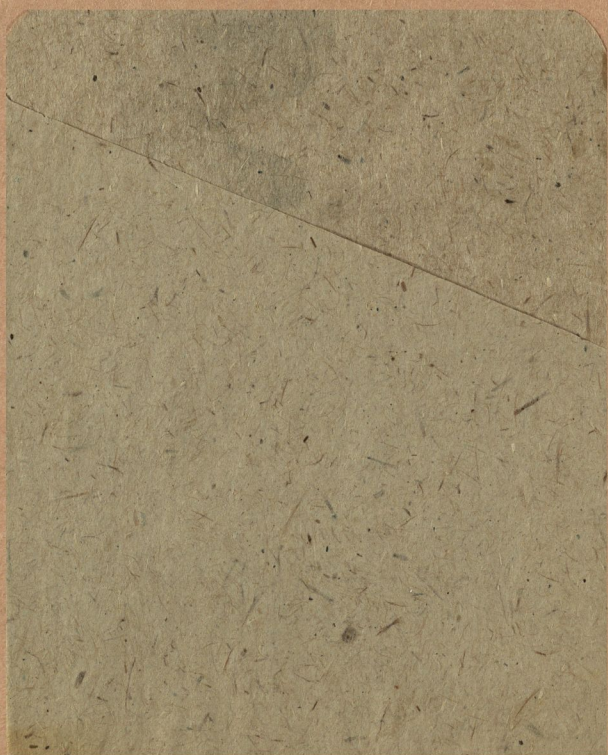
ВЫПУСК VII

ЧЕБОКСАРЫ — 1953

Национальная библиотека ЧР

k-021266

06
H34
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСТОРИИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

З А П И С К И

ВЫПУСК VII

ЧЕБОКСАРЫ — 1953

*Печатается по постановлению Ученого Совета
Научно-исследовательского института языка, ли-
тературы и истории при Совете Министров Чу-
вашской АССР.*

ПРОВЕРЕНО
20 10

21266-10
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ЧУВАШСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

ИЗ ИСТОРИИ РЕАЛИЗАЦИИ ЛЕНИНСКОГО ДЕКРЕТА О ЗЕМЛЕ В ЧУВАШИИ

В октябре 1917 года пролетариат России под руководством Коммунистической партии в союзе с беднейшим крестьянством свергнул власть эксплуататоров и установил власть Советов.

Важнейшим из первых актов социалистического советского государства был написанный В. И. Лениным декрет „О земле“, принятый 26 октября 1917 года на II съезде Советов. Этот исторический декрет отменил частную собственность на землю, передал землю в пользование крестьянам, национализировал все земли в стране. „Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа“,—гласила статья 1-я декрета¹. Все помещичьи, удельные, монастырские, церковные земли со всем живым и мертвым инвентарем и усадьбами постройками и всеми принадлежностями подлежали немедленной конфискации. Аграрный переворот, за который крестьяне боролись в течение нескольких столетий, совершился.

Великая Октябрьская социалистическая революция передала крестьянам более 150 млн. десятин бывших помещичьих, капиталистических, удельных, монастырских, церковных земель; она освободила крестьянство от ежегодной уплаты дани крепостникам-помещикам в размере более 500 млн. руб. золотом. При чем эта сумма включает в себя арендную плату не всей России, а только большинства губерний России. Кроме того, как указывает И. В. Сталин, крестьянство освободилось не только от арендной платы, но и от ежегодных расходов на покупку земли². Все недра земли, леса, воды переходили в собственность народа.

В декрет, принятый II съездом Советов, был включен крестьянский наказ о земле („Наказ 242-х“). Этим самым Советская власть с первых же дней своего возникновения показала, что она последовательно и до конца будет считаться с волей многомиллионного трудящегося крестьянства.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26., стр. 226.

² И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 42—43.

Важнейшим разделом декрета является параграф об отмене частной собственности на землю.

„Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема.

Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней“¹.

Таким образом, земля из орудия эксплуатации и угнетения трудящихся вместе с фабриками, заводами, банками стала государственной собственностью и основной экономической базой для ликвидации всякой эксплуатации и угнетения человека человеком.

Декрет о земле явился крупным шагом по пути ликвидации наемного труда в земледелии. Хотя при наличии мелко-товарнокрестьянского хозяйства, где ежедневно и ежечасно рождался капитализм, было невозможно полностью ликвидировать наемный труд, однако переход земли в руки государства, организация совхозов, коммун, артелей создавали необходимые предпосылки и условия для массового перевода крестьянства на путь крупного социалистического сельскохозяйственного производства в будущем, когда с ликвидацией кулачества как класса на основе сплошной коллективизации могли быть уничтожены остатки наемного рабства и эксплуатации человека человеком.

Декрет о земле обращал большое внимание на создание крупных государственных советских хозяйств, а также организацию сельскохозяйственных коммун и артелей. В декрете говорится, что

„Земельные участки с высоко-культурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. под. не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от размера и значения их... Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа“².

Конфискуемый у помещиков и капиталистов хозяйственный инвентарь прежде всего передавался в распоряжение коммун и артелей, возникших в первые же годы после Октябрьской социалистической революции.

В. И. Ленин и И. В. Сталин еще до Октябрьской революции придавали исключительно большое значение созданию крупного социалистического земледелия, указывая на то, что выходом из экономической нужды для крестьянства является только лишь переход к крупному социалистическому сельскохозяйственному производству.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 226—227.

² В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 227.

Однако конфискация частновладельческой земли и отмена частной собственности на землю не смогли еще создать все необходимые условия для непосредственного перехода к крупному социалистическому земледелию сразу же после революции. Следовательно, перевод всех трудящихся крестьян на путь социалистического земледелия не мог стать задачей дня в первые годы после революции. Для этого нужно было превратить Россию сохи в Россию тракторов и машин. Требовалось значительное время на создание высокой машинной техники, на создание условий и предпосылок для перевода основной массы крестьянства на путь коллективизации и для ликвидации кулачества как класса.

В этих условиях партия большевиков и советское государство должны были согласиться с требованием крестьян об уравнительном разделе земли. В статьях 7 и 8 „Крестьянского наказа“, включенного в декрет о земле, имеется пункт об уравнительном землепользовании с проведением периодических переделов. Раздел декрета об уравнительном землепользовании более подробно был развит в „Основном законе о социализации земли“ от 19 февраля 1918 года.

„Основной закон о социализации земли“ подтвердил отмену всякой частной собственности на землю, недра, воды, леса и живые силы природы, что право пользования землей принадлежит лишь тем, кто обрабатывает ее собственным трудом, и что право пользования землей не может быть ограничено ни полом, ни вероисповеданием, ни национальностью, что земля без всякого выкупа переходит в пользование всего трудового народа. Закон о социализации земли требовал, чтобы распределение земли между трудящимися производилось „на уравнительно-трудовых началах“ в рамках особо разработанных норм по районам, не превышающих производственные возможности хозяйства и обеспечивающих нормальное существование крестьянского хозяйства.

Следует подчеркнуть, что закон о социализации земли предусматривал также организацию социалистического сельскохозяйственного производства, т. е. „развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов за счет хозяйства единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству“.

Враги революции, особенно эсеры и меньшевики, подняли яростный вой против ленинского декрета о земле. Указывая на включение в декрет крестьянского наказа о земле и введение уравнительного землепользования, эсеры и меньшевики обвиняли партию большевиков в отказе от национализации земли. Так как закон о социализации земли был направлен прежде всего против помещичьего и кулацкого землевладения, эсеры на деле показали, что они фактически стоят против уравнительного землепользования, что их шумиха о „социа-

лизации" земли накануне Октябрьской революции в действительности была только грубым обманом крестьянства, что они давно уже отказались от проведения уравнительного передела земли.

Указывая на реакционно-утопический характер эсеровской программы „социализации" земли с точки зрения уничтожения эксплуатации и движения к социализму, партия большевиков, Ленин и Сталин уже задолго до революции признавали революционное значение крестьянских требований уравнительного землепользования в период буржуазно-демократической революции в борьбе за ликвидацию средневековых форм земельных отношений, за уничтожение помещичьего землевладения и доведения демократической революции до конца.

Основные принципы аграрных программ и теорий народнических партий—„социализация земли“, „трудовое начало“, „уравнительность"—несмотря на свою утопичность и мелкобуржуазную ограниченность, хотя в туманной форме, но *действительно* выражают нечто реальное и *прогрессивное* в данный исторический момент. Именно: они выражают истребительную борьбу против крепостнических латифундий“, — писал В. И. Ленин в 1907 году¹.

В. И. Ленин вместе с тем вел беспощадную борьбу против „народнического социализма" — „гнилой и смердящей мертвечины"².

В. И. Ленин и И. В. Сталин разоблачали реакционный мелкобуржуазный „социализм" народников и эсеров: их затуманивание процесса классовой дифференциации деревни, взгляд на „уравнительное землепользование" общинной земли как на „социализм", идеализацию мелкого хозяйства, противопоставление крестьянства рабочему классу в их революционной борьбе, мелкобуржуазный и утопический характер аграрной программы эсеров и т. д.

„Подумайте,—писал Ленин об аграрной программе трудящихся,—может ли быть речь о равенстве землевладения, о запрещении купли-продажи земли при существовании этой власти денег и власти капитала? Может ли избавиться русский народ от гнета и эксплуатации, если за каждым гражданином будет признано равное право на одинаковый участок земли, а в то же время кучка людей будет владеть десятками тысяч или миллионами рублей, масса же останется нищей? Нет, господа, пока держится власть капитала,—невозможно будет никакое равенство между землевладельцами, невозможны, смешны и нелепы какие угодно запрещения продавать и покупать землю. Все, не только земля, но и человеческий труд, и человеческая личность, и совесть, и любовь, и нау-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 213.

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 524.

ка,—все неизбежно становится *продажным*, пока держится *власть капитала*¹.

После февральской революции эсеры полностью отказались даже от своих двойственных и туманных обещаний, встав на путь проведения открытой соглашательской политики с помещиками и с буржуазией, совершив подлую измену по отношению к трудящемуся крестьянству. Более того, эсеры не только не ограничивались словесным отказом от своих обещаний, а в союзе с помещиками и капиталистами с оружием в руках защищали помещичьи, кулацкие и другие формы частного землевладения, проводили гнусную борьбу против революционного крестьянства.

Только партия большевиков на основе свержения власти капиталистов и помещиков смогла провести в жизнь многовековые стремления и чаяния крестьянства—осуществить конфискацию помещичьей земли, национализацию земли, уравнительное землепользование, сделать всю землю достоянием трудового народа.

В. И. Ленин еще в августе 1917 года, в связи с опубликованием крестьянского наказа о земле, написал статью, заявив, что пролетариат во главе с партией большевиков будет бороться за выполнение крестьянского наказа. Он писал: „Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнильно его нормировать, периодически снова уравнивать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой. Если земли будут конфискованы, *значит* господство банков подорвано, если инвентарь будет конфискован, *значит* господство капитала подорвано,—то *при господстве пролетариата в центре*, при переходе политической власти к пролетариату, остальное приложится *само собою*, явится в результате „силы примера“, подсказано будет самой практикой.

Переход политической власти к пролетариату—вот в чем суть. И тогда все существенное, основное, коренное в программе 242-х наказов *становится осуществимым*².

Уравнительное землепользование, несомненно, не могло установить полного равенства в среде крестьянства, так как в деревне сохранялись еще товарно-капиталистические отношения. Буржуазное Временное правительство в союзе с эсерами сохраняло помещичье землевладение, и, следовательно, крестьянское требование об уравнительном землепользовании не потеряло своего революционного значения и в Октябре 1917 года.

Успешное завершение социалистической революции зависело, главным образом, от того, пойдет ли трудящееся кре-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 262—263.

² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 260.

стьянство за пролетариатом? Поэтому партия большевиков не могла не считаться с волей большинства крестьян, тем более, как писал Ленин в ноябре 1917 года, при победе социалистической революции „уравнительное землепользование было бы лишь одной из *переходных* мер к полному социализму“¹. Кроме того, Ленин всегда учил партию, чтобы „ни в коем случае не обгонять развития масс, а дожидаться, пока из собственного опыта этих масс, из их собственной борьбы вырастет движение вперед“².

Победа социализма в одной стране была возможна прежде всего потому, что трудящаяся масса крестьянства стала резервом революции.

Завоевание власти пролетариатом в Октябре 1917 года успешно разрешило вместе с тем и задачи буржуазно-демократической революции и заложило прочные основы строительства социализма в нашей стране. „Одно из самых величайших достижений диктатуры пролетариата состоит в том,— писал товарищ Сталин,— что она довела до конца буржуазную революцию и вымела дочиста грязь средневековья. Для деревни это имело самое главное и поистине решающее значение. Без этого не могло быть осуществлено соединение крестьянских войн с пролетарской революцией, о чем говорил Маркс еще во второй половине прошлого столетия. Без этого не могла быть упрочена сама пролетарская революция“³.

Трудящееся крестьянство Чувашии приняло ленинский декрет с исключительным восторгом. Хотя эсерово-меньшевистские предатели, сидевшие в Казанском губернском Совете крестьянских депутатов и в большинстве уездных земельных комитетах, сделали все, чтобы скрыть исторический декрет от крестьянства, но широкая большевистская агитация доходила до сознания большинства крестьян.

Чувствуя свое бессилие перед фактом революционного воздействия на трудящееся крестьянство ленинского декрета „О земле“, эсеры и меньшевики начали бешеную клевету на большевиков. Один из корреспондентов казанской меньшевистской газеты „Рабочее дело“ кричал, что, якобы подобный законопроект был подготовлен Керенским 23 октября, который должен был „превратиться в закон 26 октября. Но Ленин опередил Временное правительство на один день“. Однако память у крестьянства оказалась достаточно сильной, чтобы не забыть, как в течение 8-ми месяцев керенские и К° гнули его спину, как они расстреливали сотни и тысячи крестьян за их борьбу по завоеванию ленинского декрета.

Имея в руках величайший земельный акт, крестьяне повсюду начали проводить в жизнь аграрные мероприятия Совет-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 299.

² В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 121.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 210.

ской власти. Крестьяне организовано, через Советы и земельные комитеты, конфисковывали имения помещиков, отбирали частновладельческие земли.

Характеризуя общее настроение трудящегося крестьянства в связи с декретом о земле еще до выхода закона о социализации земли, Ядринская уездная земельная управа 1 января 1918 г. писала: „До уездной земельной управы доходят сведения, что граждане Ядринского уезда требуют, чтобы весною текущего года все земли, как казенные, монастырские, кабинетские, удельные, помещичьи, частновладельческие мелких хозяйств и хуторян, а также не исключая даже и те сельские общества, в которых паек или доля наделной земли на одну платежную душу по последней разверстке превышает размер душевой нормы соседних сельских обществ и волостей, были распределены поровну между всеми обществами волостей уезда, хотя доля по этому распределению далеко не хватает до подлежащей нормы. Причем распределение это граждане уезда требуют произвести поровну, по наличным душам обоюбого пола, без различия возраста, но только с тем расчетом, чтобы земля была предоставлена лицам, изъявившим желание обрабатывать таковую личным своим трудом, отнюдь не прибегая к найму, за исключением уважительных причин, требующих найма, как-то: болезнь, смерть членов трудовой семьи и т. п.“¹.

Почувствовав большую угрозу, надвигавшуюся на помещиков и буржуазии в связи с опубликованием декрета о земле и реализацией его в деревне, Казанская губземуправа поторопилась в спешном порядке разослать в уездные земельные комитеты чудовищное распоряжение „об отмене декрета о земле, изданного Советом народных комиссаров за подписью Ульянова (Ленина)“². Однако как щедринскому герою не удалось закрыть Америку, так и эсеровской губземуправе не удалось отменить великий декрет о земле.

Сразу же после принятия декрета о земле перед Советским правительством встала непосредственная задача немедленного проведения его в жизнь, начав реализацию декрета с конфискации помещичьих земель и имений и других крупных частновладельческих земель. Важнейшими распорядительными органами в осуществлении декрета должны были стать уездные Советы крестьянских депутатов, а исполнительными органами — волостные земельные комитеты. Для помощи местным Советам посылались специальные эмиссары по земельным делам.

Проведение великого аграрного переворота в условиях Чувашии непосредственно переплеталось с процессом советизации деревни.

¹ Центральный Государственный Архив Татарской АССР (ЦГА ТАССР), ф. 780, д. 93, л. 38.

² ЦГА ТАССР, ф. 780, д. 93, л. 7.

Установление Советской власти в Чувашии началось уже в первые же месяцы после победы Октябрьской социалистической революции в центре. Начиная с января 1918 года движение за Советы на местах приобрело широкий размах, Советы стали возникать повсеместно—как в волостях, так и в селениях. К июню 1918 г. процесс установления Советской власти в Чувашии в основном был завершен, и с этого времени начался период борьбы трудящихся Чувашии за упорочение Советской власти в деревне.

Немедленно после II Всероссийского съезда Советов партия большевиков развернула среди крестьянства кипучую работу по разъяснению и реализации декрета о земле. Несмотря на свою исключительную занятость, В. И. Ленин находил время принимать крестьян-ходоков, которые прибывали к нему со всех концов Советской России. Важное значение в реализации декрета имели широко известные в крестьянстве „Ответы на запросы крестьян“, где Ленин дал разъяснение методов и форм проведения в жизнь декрета о земле. В ответах Ленин указывал, что Советы крестьянских депутатов, в первую голову уездные, затем губернские являются „полномочными органами государственной власти на местах“¹. Далее Ленин подчеркивал, что „Волостные земельные комитеты должны тотчас же брать все помещичьи земли в свое распоряжение, под строжайший учет, охраняя полный порядок, охраняя строжайше бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общенародным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять“².

Вооружившись указанием Ленина и большевистской партии, чувашское трудящееся крестьянство в первые же дни после Октября приступило к проведению в жизнь великого революционного аграрного закона советского государства. В течение с ноября 1917 года по март 1918 года почти все помещичьи, купеческие, церковно-монастырские земли, имения и имущество были взяты в распоряжение земельных комитетов. Конфискация помещичьих и других частновладельческих земель и имущества проводилось на основе решения II съезда Советов. Так, в решении Балдаевского волземкома Ядринского уезда от 19 ноября 1917 года говорится: „На основе закона о земле съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, принятого на заседании 26 октября в 2 часа ночи, волземком постановил: имение, принадлежащее торговому дому „Братья Таланцевы“, так равно весь живой и мертвый инвентарь вместе с усадебными постройками и всеми принадлежностями немедленно принять в свое распоряжение“³. Кроме того, вол-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 263.

² Там же.

³ Центральный Государственный Архив Чувашской АССР (ЦГА ЧАССР), ф. 37, д. 18, л. 679.

земком постановил немедленно освободить из-под ареста демобилизованного солдата из дер. Ярабайкасов Удейкина, арестованного в начале ноября в связи с аграрным движением¹.

В ноябре 1917 года были отобраны в пользу волземкома имение Зубова в Мало-Карачкинской волости Козмодемьянского уезда², имущество частновладельцев Андреева и Васильева в Цивильском уезде.³

Особенно широкого размаха конфискация частновладельческих земель и экспроприация помещиков, капиталистов и духовенства достигли в январе и феврале 1918 года. В январе 1918 года было отобрано имущество землевладельцев Верцелиуса, Курбатова, Абалымова в Цивильском уезде. 3 февраля Мало-Карачкинский волземком Козмодемьянского уезда постановил о взятии в свое распоряжение монастырской земли в количестве 140 десятин; 20 февраля Казанская губернская земельная управа утвердила приговор Тегешевского общества, Ново-Ковалинской волости Цивильского уезда, по делу об отобрании земельных угодий, находившихся в пользовании духовенства. В марте 1918 года Посадско-Сотниковский волземком Чебоксарского уезда решил передать в распоряжение губземкома лесопильный завод Ведерникова, лесопильный завод и мельницы Ефремова. Богородский волземком принял в свое распоряжение имение барона Жомини и имущество помещика Забродина, а фабрика гнутой мебели Курбатова на ст. Урмары была передана в распоряжение Губземкома⁴.

По данным земельного отдела Алатырского Совета рабочих и крестьянских депутатов, за время функционирования подотдела в 1918 г. в его распоряжение было принято 20 имений крупных землевладельцев: фон-Ренкуль, Тучкова, Кривцовых, Никольского, Рибоьера, Овчинникова, Фролова, Черенкова, Письмерова, Сазонова, Цишкевич, Бодрова, Панова, Красикова, Сурковой, Келлер, Владимирова, М. И. и С. П. Самойловых, Крестьянского поземельного Банка, Ардатовской городской Управы. Большинство построек было распределено между обществами под школы и другие общественные здания, а часть передана беднейшему населению. Сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь и орудия передавались населению, прокатным станциям. Часть хлеба и фуража была продана бедному населению, а часть передана с. х. подотделу для засева опытных полей⁵.

При этом следует указать на организованный характер борьбы крестьян в Чувашии по конфискации частновладельческих

¹ ЦГА ЧАССР, ф. 37, д. 18, л. 679.

² ЦГА ТАССР, ф. 780, д. 49, л. 213.

³ Там же, д. 76, л. 240.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 780, д. 76, лл. 47—49, 172, 240, 272—273; д. 77, л. 187, 190—192; д. 80, л. 36; д. 83, лл. 13—14; д. 107, л. 12; д. 124, лл. 170, 191.

⁵ Гос. Архив Ульяновской области, ф. 336, оп. 3, д. 7, лл. 10—11.

земель и экспроприации помещиков и капиталистов. Об этом, например, свидетельствуют многочисленные донесения волземкомов в губземуправу, в которых указывалось, что в волостях „разгромов имений и расхищений инвентаря не было“¹.

Даже широкая волна погромного движения, организованного кулачеством в ноябре 1917 г., почти не задела чувашских уездов. Только лишь в Акулевской волости Чебоксарского уезда были случаи неорганизованных захватов и расхищений помещичьего инвентаря, скота и хлеба². Инициаторами такого движения были деревенские кулаки.

Конфискация имущества, хлеба, скота и захваты земель касались не только помещиков и купцов, но они задевали иногда также и кулаков, особенно кулаков-хуторян, хотя в декрете о земле указывалось, что земли крестьян не конфискуются. Так, например, Казанская губземуправа в циркуляре в Цивильскую уездную земельную управу 25 ноября 1917 г. писала: „отовсюду идут сведения, что общинники предупреждают хуторян о возможности уничтожения их владений, давая 3-х недельный срок для выселения и ликвидации хозяйств“. Далее эсеровская губземуправа разъясняет, что хуторские владения „ни в коем случае не подлежат уничтожению или взятию в распоряжение Земельных комитетов. Поэтому все постановления Волостных земельных комитетов, клонящиеся к разрушению хуторского землепользования, подлежат безусловной отмене“³.

Насмерть перепуганные эсеров-кулацкие руководители Козмодемьянского уездного земельного комитета в донесении в губземуправу уже в начале декабря 1917 года отмечали, что Мало-Карачкинский волземком выступает инициатором захватов кулацких земель, который „в своих действиях руководствовался декретом о земле в редакции Петроградского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и инструкциями Совета Казанских депутатов“. „Кроме того,—пишется далее в донесении,—местный Совет рабочих и крестьянских депутатов, принявший явно большевистскую политическую физиономию, делегировал в уездный земельный комитет 10 комиссаров с правом решающего голоса“⁴.

Широкое распространение получили случаи конфискаций кулацких мельниц и другого имущества и инвентаря. В объяснительной записке в губземуправу по поводу отобрания кулацкой мельницы у И. Жаркова крестьяне дер. Кадыш Цивильского уезда писали: „Общество граждан деревни Кадыш на общем

¹ ЦГА ТАСР, ф. 780, д. 49, л. 115 (из сообщения Аликовского волземкома в Казанскую губземуправу от 18 декабря 1917 г.), см. также лл. 114, 119, 155, 156, 225, 282, 324, 435.

² ЦГА ТАСР, ф. 780, д. 41, л. 21.

³ ЦГА ЧАССР, ф. 158, оп. 1, д. 9, л. 83.

⁴ ЦГА ТАСР, ф. 780, д. 35, л. 22.

собрании 2 января 1918 года, выйдя из терпения, единогласно при 62 голосах решило на демократических началах отобрать мельницу на общую пользу граждан деревни Кадыш, а владельца выселить"¹.

Цивильский уездный земельный комитет 24 января 1918 г. принял решение о передаче земли и водяной мельницы кулака Гордея Улбуть крестьянскому обществу села Климово, а также решил передать часть хуторских и частновладельческих земель крестьянам деревень: Нюргечи Шихазановской волости, Янзакасы Цивильской волости, Индырчи и Беляева Янтиковской волости, села Хормалы Хормалинской волости, села Арабоси Арабосинской волости, деревень Нижних Кумаш, Атыкова Чуратчинской волости. Кроме того Цивильский уездный земельный комитет удовлетворил ходатайство крестьян деревни Тюнзыр, Цивильской волости, о передаче им монастырского дома для устройства школы².

Как ни старались сидевшие в губернском и уездных земельных комитетах эсеровские защитники кулака приостановить победоносное шествие аграрного переворота, революционная борьба беднейшего крестьянства против деревенской буржуазии развивалась все шире и глубже. Открыто защищая интересы кулаков, эсеры и буржуазные националисты теряли последние остатки своего бывшего влияния на трудящееся крестьянство.

Бессильные перед победоносным шествием Советской власти, проводившей национализацию земли, кулаки прибегали к террору. Например, 17 февраля 1918 года кулаки села Чебакова Ядринского уезда зверски убили демобилизованного солдата В. Григорьева. В своем заявлении в Ядринский уездный Совет рабочих и крестьянских депутатов отец В. Григорьева Г. Ильин писал, что кулаки убили его сына за то, что „все солдаты, как только приехали с фронта, очень горячо взялись за деревенских кулаков“³.

Таким образом, в борьбе за реализацию декрета о земле крестьянство натолкнулось на бешеное сопротивление эксплуататорских классов, их партий и организаций. Только помощь и руководство со стороны пролетариата во главе с Коммунистической партией обеспечили успех в борьбе деревенской бедноты против эксплуататоров.

Дальнейшее развертывание классовой борьбы в деревне в течение всего 1918 года было связано с распределением земель на основе „Основного закона о социализации земли“ от 19 февраля 1918 года и организацией комитетов деревенской бедноты.

Подготовительные работы по переделу земли начались еще в конце 1917 года. Крестьяне на сельских сходах выносили

¹ ЦГА ТАССР, ф. 780, д. 93, л. 48.

² ЦГА ТАССР, ф. 780, д. 113, лл. 2—4.

³ ЦГА ТАССР, ф. 238, д. 20, л. 1209.

решения о необходимости полного передела земли по наличным душам. Волостные и уездные Советы принимали меры и по технической организации передела: выделяли землемеров, посылали в деревню специальных представителей для окончательной проверки наличных душ и определения размеров земельных площадей.

При распределении земли учитывалось наличие в чувашских уездах сложных общин с чересполосицей и дальнеполосицей. Поэтому работа землемеров была направлена на ликвидацию этой запутанности в общинном землепользовании. Каждая деревня должна была получить землю вокруг себя.

Существовали два способа передела земли: передел по душам и дополнительное наделение малоземельных. При первом случае передел больше всех удовлетворял основную массу крестьянства, а при втором—кулачеству удавалось сохранить значительную часть излишков земли. В чувашских уездах преобладал передел земли по душам (едокам). Имела место и смешанная форма передела. Но в значительной части волостей встречался и второй способ передела, дополнительная вырезка земли малоземельным крестьянам, без коренной ломки общинных земельных отношений. Следует также отметить, что дополнительное наделение земель в основном происходило в масштабе уездов и волостей. Первоначально устанавливалась общеуездная норма, из расчета этой нормы выделялись земли из запасного фонда отдельным волостям. Однако кроме Цивильского уезда ни в одном уезде не была достигнута более или менее одинаковая норма в масштабе уезда. В большинстве случаев одинаковые „трудовые нормы“ были установлены только в рамках волостей. В свою очередь распределение запасного фонда и уравнивание земельных наделов между отдельными деревнями в рамках волости происходило путем отрезки излишков у одних деревень и передачи их другим и выделения земли из запасного фонда малоземельным обществам. На этой основе было несколько случаев земельных споров между отдельными деревнями. Так, например, земельные наделы у бывших помещичьих крестьян д. Крестникова Цивильского уезда намного превышали общеуездную норму, и особенно превышали наделы соседней деревни Урмаево. Поэтому Цивильский уездный земельный комитет предложил крестьянам дер. Крестникова передать эти излишки крестьянам д. Урмаево. Сначала крестниковцы от передачи своих излишков земель отказались, но потом, убедившись в несправедливости по отношению к соседним крестьянам, они согласились¹. Аналогичный факт имел место между Ново-Урюмовским и Ново-Бурженерским обществами того же уезда.² Однако

¹ ЦГА ТАССР, ф. 780, д. 257, св. 16, лл. 67—68.

² Там же.

такие факты встречались сравнительно редко. Основным вдохновителем подобных земельных споров была зажиточная верхушка деревни, которая, путем разжигания вражды между отдельными деревнями, стремилась отвлечь внимание беднейшего крестьянства от захвата кулацких земель.

Получив в свое распоряжение землю по волостной или даже уездной норме, крестьянская беднота в союзе со средним крестьянством приступила к полному переделу всей земли, лишив кулачество „своих коренных“ земель. Кулачество, не желая отдавать свои излишки, всячески старалось помешать переделу, прибегая иногда даже к террористическим актам. Так, например, крестьянская беднота дер. Мижуль, Воскресенской волости Чебоксарского уезда, в своем письме в Чебоксарский Совет рабочих и солдатских и крестьянских депутатов жаловалось на нарушение кулаками и подкулачниками принципа справедливого и законного распределения земли в обществе. Кулакам этой деревни удалось взять в свои руки дело передела земли. Тем, кто признавал советскую власть, они давали земли меньше, притом в отдаленности, в оврагах, а лица, настроенные против советской власти, получили хорошо удобренные участки в больших размерах. За активную борьбу против контрреволюционных элементов кулаки решили убить Н. Леонтьева. С этой целью они избили Леонтьева до полу-смерти, потом, привязав за шею веревкой, утащили на другой берег реки и тут бросили¹.

Одной из форм борьбы кулачества против реализации закона о перераспределении земли было недопущение к поземельной переписи, проводившейся в целях уточнения размеров земельных наделов и количества наличных душ. Как отмечала Казанская губернская земельная коллегия, сельскохозяйственная и поземельная перепись в губернии прошла неуспешно, так как кулаки отказывались давать необходимые сведения, проявляли враждебное отношение к переписи, выразившееся в некоторых случаях в открытом противодействии (напр. в Козмодемьянском уезде)².

Об этом же отмечалось на заседании съезда представителей волземотделов Козмодемьянского уезда 5 ноября 1918 г. В протоколе заседания говорится, что „означенному распределению земли во всех волостях противодействовали кулаки и вообще зажиточный элемент селений“³.

В начале мая 1918 г. председатель Акулевского волостного Совета крестьянских депутатов обратился к Чебоксарскому уездному Совету рабочих и крестьянских депутатов с просьбой

¹ ЦГА ЧАССР, ф. 7, оп. 1, д. 15, л. 176.

² ЦГА ТАССР, ф. 780, д. 126, л. 56.

³ ЦГА ТАССР, ф. 780, д. 107, лл. 57—58.

о командировке в волость вооруженной команды для проведения в жизнь декрета о земле, ибо, как пишет председатель Совета, деревенские кулаки „не допускают к разделу земельных угодий и угрожают нанесением побоев, говоря, что мы вас затопчем“¹.

Таким образом, проведение великого земельного переворота происходило в огне жестокой классовой битвы.

В Цивильском уезде, как мы уже отмечали, передел был проведен по одинаковой общеуездной земельной норме. Крестьяне на 222 000 едоков (мужского и женского пола) получили 246617,4 десятины земли, или по $1\frac{1}{8}$ дес. на каждого едока².

В Курмышском уезде, где в земельных нормах между волостями была очень большая разница, где не было возможности установить общую уездную норму (равную одной десятине), распределение земли происходило по районам. Уезд был разделен всего на 5 районов с таким расчетом, чтобы в каждый район входило несколько волостей с излишком и несколько—с недостатком земли. В результате этого были достигнуты более или менее одинаковые нормы земельных наделов для всех волостей³.

По сведениям, собранным землемерами, в Буинском уезде кроме лесов было 303014 десятин земли, а крестьянского населения обоего пола насчитывалось 259581 человек. Из этих 303014 десятин земли в уездном и волостных земельных фондах 1102,38 дес. были переданы под опытные поля, показательные участки и сельскохозяйственным школам. Средняя земельная норма в Симбирской губернии составляла 1,5 десятин, а в Буинском уезде, как малоземельном,—только 1,125 десятины⁴.

В каждом уезде для распределения создавались так называемые „запасные земельные фонды“ за счет помещичьих, казенных, удельных, монастырских и других частновладельческих земель. Из „запасного фонда“ в первую очередь наделялись малоземельные и безземельные крестьяне. Отрезывались также излишки земель у кулаков-хуторян и отрубников, которым оставляли наделы не более общей нормы данной местности. Отобрание излишков земли у хуторян усилило классовую борьбу в деревне, борьбу между беднотой и „стопыпинскими помещиками“.

Общий размер запасного земельного фонда по уездам вы-

¹ ЦГА ЧАССР, ф. 14, д. 15, л. 77.

² ЦГА ТАССР, ф. 780, д. 76, лл. 527—529.

³ Гос. Архив Ульяновской области, ф. 336, оп. 3, д. 6, лл. 15—21.

⁴ Гос. Архив Ульяновской области, ф. 336, оп. 3, д. 9, лл. 30—32.

ражался в следующих цифрах¹: в Козмодемьянском уезде—11.911 десятин, Чебоксарском—27.827 дес., Цивильском—25.385 дес., Ядринском около 10.000 дес., Алатырском—70.890 дес., Курмышском—73.315 дес., Буинском—43.367 дес. Если взять только волости, вошедшие в Чувашскую АССР из Алатырского, Буинского и Курмышского уездов, Симбирской губернии и Чебоксарского, Цивильского, Ядринского и половины Козмодемьянского уездов Казанской губернии, то мы видим, что в результате Великой Октябрьской социалистической революции трудящееся крестьянство Чувашии получило более 115.000 десятин земли².

Таким образом, многовековая борьба крестьянства за землю окончилась полной победой только лишь в результате свержения власти эксплуататоров передовым революционным классом рабочих в союзе с беднейшим крестьянством под руководством Коммунистической партии.

Приведенные выше факты убедительно показывают вздор и ложь утверждения чувашских буржуазных националистов о том, что якобы Октябрьская социалистическая революция чувашскому крестьянству не дала никакой земли.

Проведение в жизнь декрета о земле началось с реализации задач, входивших в программу буржуазно-демократической революции и не разрешенных ею: с конфискации помещичьего и других форм частновладельческого землевладения и уравнительного передела земли.

Однако проведение этих мероприятий в условиях диктатуры пролетариата получило новую форму и окраску, далеко выходя за рамки демократической революции. „Национализация

¹ Данные по Козмодемьянскому, Чебоксарскому и Цивильскому уездам взяты из материалов коллегии земледелия при Казанском Губсовете рабочих и крестьянских депутатов от 4 июня 1918 г. ЦГА ТАССР., ф. 780, д. 250, св. 16, лл. 73—75. Данные по уездам Симбирской губернии взяты из донесения Симбирского губернского комиссариата земледелия в ИЗТО (Москву). Гос. Архив Ульяновской обл., ф. 336, оп. 3, дело 13, л. 11 от 4 декабря 1918 г. За неимением данных по Ядринскому уезду, мы вынуждены брать размер частновладельческих земель в уезде из „Крестьянского землевладения Казанской губернии“, вып. 13, Казань, 1909 г., стр. 214, 215 и 217.

² Из-за отсутствия данных по отдельным волостям Алатырского, Буинского и Курмышского уездов Симбирской губернии, мы вынуждены были вычислить средние цифры, исходя из процентного соотношения волостей, вошедших в последующие годы в состав Чувашской АССР, к другим волостям вышеуказанных уездов. Следует отметить, что до сего времени в исторической литературе количество земли, полученной чувашским крестьянством в результате Октябрьской революции, определялось цифрой 70 — 75 тыс. десятин. Эта цифра была составлена только лишь из уездов Казанской губернии (Чебоксарского, Цивильского, Ядринского и половины Козмодемьянского), вошедших в состав Чувашской АССР, в то же время чувашские волости Алатырского, Буинского и Курмышского уездов Симбирской губернии оставались без внимания. Наши новые данные в некоторой степени исправляют эту ошибку, имеющуюся до сего времени в литературе по истории Чувашской АССР.

земли, проведенная в России пролетарской диктатурой,—писал В. И. Ленин,—наиболее обеспечила доведение до конца буржуазно-демократической революции,—даже на случай, что победа контрреволюции повернула бы от национализации назад к разделу (этот случай специально разобран был мной в книжке об аграрной программе марксистов в революции 1905 года). А кроме того национализация земли дала наибольшие возможности пролетарскому государству переходить к социализму в земледелии¹.

Осуществление уравнительного землепользования укрепило связь пролетариата со средним крестьянством, превратило середняка в резерв революции и, тем самым, укрепило диктатуру пролетариата.

Характеризуя историческое значение национализации земли, В. М. Молотов на XV съезде ВКП(б) подчеркивал, что национализация земли „есть вопрос самый кровный, самый основной всей нашей аграрной революции. Тот, кто прямо или косвенно покушается на нарушение национализации земли, тот злейший враг широких масс крестьянства и рабочего класса“².

Национализация земли и проведение на ее основе перераспределения земли уничтожили безземелье и малоземелье миллионов масс крестьянства, ликвидировали кабальную задолженность крестьян помещикам, кулакам, банкам, оказали значительное влияние на изменение классовой структуры в деревне. Кулаки потеряли значительную часть своих земель, а беднота, наоборот, получила возможность подняться до уровня середняков. Октябрьская революция впервые в истории России предоставила женщинам право на землю и обеспечила их землей. Этим самым она ликвидировала не только социально-бытовое и политическое неравенство женщин, но и экономическое.

Аграрные мероприятия Советской власти укрепили военнополитический союз пролетариата и крестьянства для борьбы против интервентов и белогвардейцев в годы гражданской войны. Они укрепили дружбу чувашского народа с русским пролетариатом, с великим русским народом.

Исключительно большую роль в развертывании социалистической революции в деревне и в аграрном перевороте сыграли комитеты деревенской бедноты, которые к концу ноября 1918 г. были созданы почти во всех селениях Чувашии. Комитеты бедноты с помощью рабочих и под руководством Коммунистической партии завершили реализацию декрета о земле. „Величайший земельный переворот—провозглашение в Октябре отмены частной собственности на землю, провозглашение социализации земли,—этот переворот остался бы неизбежно на бумаге, если бы городские рабочие не пробудили бы к жизни

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 291.

² „XV съезд ВКП(б)“. Стенографический отчет. М., 1928 г., стр. 1051.

деревенский пролетариат, деревенскую бедноту, трудящееся крестьянство, которое составляет громадное большинство, которое вместе со средним крестьянством не эксплуатирует чужого труда, не заинтересовано в эксплуатации, и которое способно поэтому идти и пошло теперь дальше, от совместной борьбы против помещиков к общепролетарской борьбе против капитала, против власти эксплуататоров, опирающихся на силу денег, на силу движимого имущества, пошло от очистки России от помещиков к образованию социалистического порядка", — писал В. И. Ленин, характеризуя союз трудящегося крестьянства с пролетариатом в борьбе за победу социалистической революции¹.

Национализация земли в СССР, указывал И. В. Сталин, освободила крестьянина от „рабской приверженности к своему клочку земли“, облегчив „тем самым переход от *мелкого* крестьянского хозяйства к *крупному*, коллективному хозяйству“².

При наличии диктатуры пролетариата уравнительное землепользование, проведенное на основе национализации земли, не могло помешать дальнейшему переходу сельского хозяйства к социалистическим формам производства.

Уже в 1918 году в Чувашии появились первые коллективные хозяйства — сельскохозяйственные артели и коммуны. Поддерживая мероприятия советского государства по организации социалистической формы производства в сельском хозяйстве, местные органы Советской власти проводили большую работу среди крестьянства. В деревню посылались коммунисты, агитколлективы, которые руководили борьбой крестьянской бедноты против кулаков, укрепляли Советскую власть на местах, доводили до сознания каждого крестьянина политику Коммунистической партии и Советского правительства.

В результате всего этого неизмеримо выросло влияние коммунистов в деревне. Характеризуя деятельность Ядринской организации коммунистов, Казанский губком РКП(б) в отчете в ЦК, составленном в ноябре 1918 г., отмечал, что по серьезности выполненной работы, по широте инициативы и правильности методов деятельности, Ядринская организация производит самое острое впечатление при сравнении с другими уездами, а в некоторых отношениях даже и с Казанью. Ячейка активно принялась за организационную работу по проведению политики Советской власти в деревне, посылая своих работников по уезду для организации комбедов и партийных ячеек. Далее в отчете говорится, что к концу октября 1918 года комбеды были организованы во всех волостях и почти во всех деревнях Ядринского уезда, а партийная организация насчитывала 21

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 316.

² И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 150.

ячейку с 350 чел. сочувствующих. В самом Ядрине к 1 октября насчитывалось 33 члена и 18 сочувствующих. Почти при каждой ячейке была библиотека и читальня, при 3-х—клубы. Ячейки взяли на себя задачу следить за комбедами и помогать им в борьбе с кулаками. Кроме того, организация проводила регулярное снабжение ячеек и комбедов брошюрами и газетами, организовывала лекции и доклады для населения по вопросам текущего момента¹.

Кроме массово-политической работы местные Советы во главе с коммунистами проводили большую работу по поднятию сельского хозяйства, по повышению урожайности и улучшению животноводства. Вот, например, круг мероприятий по улучшению сельского хозяйства, которым занимался земельный отдел Чебоксарского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов: 1) обязательный переход во многополье, 2) ранняя вспашка пара, 3) ранняя вспашка под яровое, 4) прекращение пастьбы скота по озимым, 5) обязательное удобрение полей естественным удобрением, 6) учет и пользование сельскохозяйственными орудиями и инвентарем, 7) обязательное улучшение кормодобывания и кормления скота и т. д.² Земельные отделы Советов занимались также обеспечением населения сельскохозяйственными машинами, семенами, организовывали прокатные станции, оказывали агрономическую и зоотехническую помощь крестьянам по улучшению садоводства, пчеловодства, животноводства, проводили доклады, лекции, собеседования, открывали сельскохозяйственные курсы, распространяли в деревне литературу и т. п.

О росте влияния коммунистов в деревне свидетельствует быстрый рост членов партии в уездах. Так, например, Чебоксарская уездная партийная организация, созданная в феврале 1918 г., к 1-му февраля 1919 г. насчитывала в своих рядах 114 членов, а к 1-му января 1920 года число членов достигло 500 человек. В Ядринской уездной организации в начале 1919 года было 72 члена, а в конце 1919 года число членов достигло 500 человек. На 1-е января 1920 года общее количество коммунистических ячеек в Чебоксарском уезде было 16, Козмодемьянском—19, Цивильском—18, Ядринском—15³. Большинство этих ячеек организовывалось в деревнях.

В результате широкой агитационно-массовой и революционной работы коммунистов в деревне всепобеждающая идея коммунизма доходила до сознания самых отсталых слоев крестьянского населения. Об этом ярко свидетельствуют анкетные листы, заполненные вступающими в ряды коммунистической партии в уездах Симбирской губернии. Отвечая на

¹ Партархив Татарского крайкома КПСС, ф. 868, св. 4, д. 22, лл. 127—128.

² ЦГА ЧАССР, ф. 7, д. 27, лл. 32—35.

³ Партархив Татарского крайкома КПСС, ф. 868, св. 7, д. 57, лл. 169—170.

вопрос „Что заставляет Вас войти в партию коммунистов (большевиков)“, вступающие писали: „Идея коммунизма, справедливее которой нет больше идей для крестьян и рабочих“. „Святая идея партии коммунистов (большевиков) и вера в то, что только эта партия является защитником пролетариата“. „Убеждение, что партия коммунистов (большевиков) единственная защитница рабочих и крестьян“¹.

Реальным результатом работы коммунистов в деревне было то, что трудящиеся Чувашии грудью встали на завоевание и защиту Советской власти. Так, в резолюции 4-го Цивильского уездного крестьянского съезда от 26 сентября 1918 года говорится, что все население уезда стоит на платформе Советской власти и всемерно поддерживает ее в борьбе с чехословаками, от которых грозит угнетение трудового класса, спокойно примет мобилизацию и готово дать убежденных защитников Советской власти. Обсудив вопрос об организации комитетов деревенской бедноты, принимая во внимание продовольственный кризис, съезд находит необходимым немедленно организовать во всех селениях Комитеты деревенской бедноты, в организации которых видит единственную меру, дающую возможность сплотиться воедино для борьбы с буржуазией и для достижения заветной мечты—мира, равенства и братства².

Перед партийными и советскими органами стояла задача переделать сознание крестьянина в пользу коллективной обработки земли. При этом сказывалась мелкособственническая иллюзия крестьянства, внедрявшаяся в его сознание в течение столетий. Более того, получив значительный надел в результате уравнительного распределения земли, крестьяне старались „встать на собственные ноги“ на выделенных им участках земли. Требовалась весьма кропотливая работа со стороны коммунистов и местных органов Советской власти, чтобы перевести крестьянство на социалистическую форму производства.

Все же крестьянская беднота сравнительно быстро осознала выгоду коллективных хозяйств. Как описывала газета „Знамя революции“, 24 ноября 1918 года на сходе граждан Шихазанской волости Цивильского уезда было „постановлено немедленно организовать ячейку партии коммунистов, дабы влить действительных партийных работников в Совет крестьянских депутатов и в комитеты деревенской бедноты. По заслушании доклада Разумова об организации сельскохозяйственных коммун, (сход.—В. К.) постановил приветствовать Центральный всероссийский отдел земледелия за поддержку

¹ Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, св. 2, д. 28, лл. 38, 40, 49.

² Партархив Татарского крайкома КПСС, ф. 36, св. 49, д. 296, лл. 1—3.

трудящихся масс и приложить все усилия к скорейшему проведению в жизнь организации сельскохозяйственных коммун¹.

В решении 1-го Козмодемьянского съезда заведующих волземотделами, состоявшегося в 1920 году, говорится, что „первой задачей на местах является поддержание во всех отношениях возникших добровольно сельскохозяйственных коллективов и совхозов, как хозяйств, ведущих к массовому увеличению производительности труда и улучшению сельского хозяйства, а также вести всестороннюю агитацию по организации общественной обработки земель и уборки урожаев и всемерной помощи вновь возникшим коммунам и артелям, предоставляя им все удобства для ведения хозяйства, ибо только такие начинания помогут нам найти выход из того сельскохозяйственного кризиса, который создается во время войны“².

Важное значение для роста первых коллективных хозяйств имела материальная помощь Советского правительства. Помимо того, что коллективные хозяйства получали значительную часть экспроприированных у помещиков и капиталистов сельскохозяйственного инвентаря, орудий, семенного фонда и скота, 3 июля 1918 года СНК принял постановление об ассигновании 10 млн. руб. специально на организацию сельскохозяйственных артелей и коммун.

По официальным данным земотдела Казанского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов, на 1 ноября 1919 года в чувашских уездах было следующее количество артелей и коммун³.

У е з д ы	Кол-во коммун	Количество с. хоз. ар- телей	Среднее число лиц (едоков)
Козмодемьянский	2	—	36
Чебоксарский	5	9	95
Цивильский	1	—	141
Ядринский	7	2	42
Итого по 4-м уездам .	15	11	78,5

Кроме того, в 4-х чувашских уездах Казанской губернии к концу 1919 года было организовано 6 советских хозяйств. Из них 1—в Козмодемьянском уезде, 3—в Чебоксарском,

¹ Газета „Знамя революции“ № 249, от 29 декабря 1918 г., стр. 3.

² Партархив Татарского крайкома КПСС, ф. 36, св. 41, д. 242, лл. 37—38.

³ Таблица составлена по материалам Партархива Татарского крайкома КПСС, ф. 869, оп. 1, св. 52, д. 577, лл. 39—40.

1 — в Цивильском и 1 — в Ядринском, средний размер земли которых равнялся 261,3 десятинам¹.

Помимо сельскохозяйственных артелей и коммун почти во всех уездах Чувашии создавались промысловые (трудовые) артели. Так, например, в 4-х уездах Казанской губернии к 1920 г. насчитывалась 41 промысловая артель², в Тархановской волости Буинского уезда Симбирской губернии — 6 артелей, в Муратовской — 4³.

Несомненно, количество совхозов, коммун и сельскохозяйственных артелей в первые годы Советской власти было незначительно по сравнению с индивидуальными крестьянскими хозяйствами. Однако, несмотря на свой малый удельный вес, первые колхозы и совхозы являлись первыми очагами социалистического переустройства сельского хозяйства, и, тем самым, они приобретали большую политическую роль в подготовке будущего массового перехода крестьянства на социалистический путь развития.

Таким образом, национализация земли была первым шагом Октябрьской социалистической революции по переводу советского крестьянства на путь коллективизации. Вторым, в то же время решающим шагом по переводу сельского хозяйства на социалистический путь, явилась коллективизация, т. е. „глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года“⁴.

И. В. Сталин подчеркивает, что рабочий класс нашей страны „использовал закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, ниспроверг буржуазные производственные отношения, создал новые, социалистические производственные отношения и привёл их в соответствие с характером производительных сил“⁵.

„Никто не может отрицать колоссального развития производительных сил нашего сельского хозяйства за последние 20—25 лет, — указывает далее И. В. Сталин. — Но это развитие не имело бы места, если бы мы не заменили в тридцатых годах старые производственные капиталистические отношения в деревне новыми, коллективистическими производственными отношениями. Без этого производственного переворота производительные силы нашего сельского хозяйства прозябали бы так же, как они прозябают теперь в капиталистических странах“⁶.

¹ Партархив Татарского крайкома КПСС, ф. 868, св. 52, д. 577, л. 38.

² Там же, лл. 41—43.

³ Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1, св. 27, д. 453, л. 11.

⁴ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 291.

⁵ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952 г., стр. 49.

⁶ Там же, стр. 62.

Успешное проведение коллективизации навсегда разрешило аграрный вопрос, за который крестьянство боролось в течение нескольких столетий. В результате победы колхозного строя в сельском хозяйстве Чувашии произошел подлинный революционный переворот. Неузнаваемо изменилось лицо чувашской деревни. Темный, забитый, вечно страдавший от малоземелья в дореволюционное время чувашский крестьянин за годы Советской власти стал культурным и зажиточным хозяином своей земли. „Приятно и радостно знать,—говорил товарищ Сталин,—что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты“¹.

За освобождение от ига эксплуатации и капиталистического рабства чувашский народ выражает свою глубокую благодарность и признательность великому русскому народу с его революционным пролетариатом, Коммунистической партии — единственной защитнице его интересов, великим вождям революции — В. И. Ленину и И. В. Сталину. Только бескорыстная помощь русского пролетариата и совместная революционная борьба чувашского народа с русским народом дали желаемые результаты. Вековое стремление чувашского народа к дружбе с великим русским народом окончательно воплотилось в жизнь в результате социалистической революции 1917 года. Эта дружба скрепилась кровью в борьбе с иностранными интервентами и белогвардейцами в первые годы существования Советской власти, окрепла в борьбе за победу социалистического строительства и закалилась в огне тяжчайших военных испытаний, в борьбе против фашистских агрессоров в Великой Отечественной войне 1941—45 гг. Эта дружба вновь находит свое выражение в условиях послевоенного развития нашей страны. К выполнению величественных задач строительства коммунизма чувашский народ, вместе с другими народами Советской страны, приступил тесно сплоченным вокруг Коммунистической партии и Советского правительства.

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 534.

М. А. АНДРЕЕВ,

кандидат экономических наук

ПОДЪЕМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И УКРЕПЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА КОЛХОЗОВ ЧУВАШСКОЙ АССР В ГОДЫ ПЕРВЫХ ТРЕХ СТАЛИНСКИХ ПЯТИЛЕТОК

В единой братской семье народов многонационального Советского Союза, при постоянной заботе Коммунистической партии и Советского правительства и помощи великого русского народа крепнет и развивается хозяйство и культура Советской Чувашии.

За годы Советской власти Чувашская АССР превратилась из отсталого района в прошлом в передовую социалистическую республику с непрерывно развивающимися промышленностью и сельским хозяйством.

Сельское хозяйство дореволюционной Чувашии характеризовалось своей чрезвычайной отсталостью. Сама система землепользования: чересполосица, вклинивание, дальнотемелье определяли очень низкую культуру земледелия. Дальнотемелье не позволяло трудящимся крестьянам своевременно производить обработку полей и уход за посевами. Самые лучшие земли были захвачены помещиками, монастырями, церквями, кулаками. В то же время 6 процентов крестьянских хозяйств вовсе не имели своего посева, 62,7 процента крестьянских хозяйств имели посевы лишь от 1 до 3 десятин.

Сельское хозяйство дореволюционной Чувашии велось самым примитивным образом. Земля обрабатывалась самодельной сохой и деревянной бороной. Безраздельно господствовала трехпольная система земледелия с односторонним зерновым направлением. Рутинная техника, пресловутая трехпольная система земледелия, низкое качество обработки почвы, ручной сев, отсутствие удобрений, несвоевременное выполнение сельскохозяйственных работ и отсутствие агротехнических мероприятий — характерные черты сельского хозяйства Чувашии до революции.

При такой низкой культуре земледелия урожаи получались низкие. Средняя урожайность зерновых не превышала 40—45

пудов с гектара. Наделы бедняков давали еще более низкий урожай, бедняцкие хозяйства получали менее 30 пудов хлеба с гектара.

У сотен семей своего хлеба нехватало даже до декабря. Основная масса крестьян в чувашских деревнях, как и в других местах царской России, хронически голодала. На уплату налогов беднота вынуждена была занимать деньги у кулаков и купцов, в результате чего на долгие годы попадала к ним в кабалу.

На очень низком уровне находилось животноводство. Истощенность почвы, низкие урожаи хлебов и отсутствие травосеяния в совокупности привели к тому, что животноводство в крестьянском хозяйстве и количественно и качественно было развито чрезвычайно слабо. Около 10 процентов крестьянских хозяйств не имело никакого скота, до 35 процентов хозяйств было безлошадными. Имеющийся крестьянский скот был низкого качества. Среднегодовой удой молока на корову не превышал 500 литров. Настриг шерсти в год на одну голову овцы составлял всего один килограмм. Средняя носкость курицы равнялась 35—40 яйцам в год.

Крайне отсталыми были и другие отрасли сельского хозяйства, как, например, садоводство и огородничество.

Несмотря на то, что большинство крестьянских хозяйств было потребительским, с территории современной Чувашии вывозилось немало хлеба, битой птицы и яиц. Вывоз шел исключительно за счет недоедания и ухудшения положения трудящихся крестьян.

Царизм поставил трудящихся крестьян-чуваш в тяжелое экономическое положение. Двойной гнет при царизме, жестокая эксплуатация со стороны помещиков и кулаков, непосильные налоги, выкупные платежи, земельные и всевозможные другие сборы все больше и больше истощали хозяйство чувашского трудящегося крестьянина и привели его к разорению. Один из царских сатрапов вынужден был признать, что "... инородцы эти живут у нас едва ли не хуже, чем домашний скот в хороших хозяйствах".¹

Чрезвычайная отсталость сельского хозяйства Чувашии, социальный и национальный гнет со стороны царского самодержавия, опиравшегося как на российских, так и на "своих", местных капиталистов, кулаков и помещиков—все это поставило трудящихся крестьян-чуваш на грань полного вырождения, вымирания и гибели.

Великая Октябрьская социалистическая революция, навсегда сбросившая с плеч народа гнет помещиков и капиталистов,

¹ ЦГА ЧАССР, ф. 15, оп. 1, д. 902, л. 20.

освободила трудящиеся массы крестьянства Чувашии от векового рабства и национального гнета, спасла их от физического вырождения и вымирания.

Великая Октябрьская социалистическая революция передала всю землю трудящимся крестьянам. Беднейшие и средняцкие хозяйства Чувашии, кроме той земли, которой они владели, получили от Советской власти более 100 тысяч десятин лучшей пахотной земли, принадлежавшей раньше помещикам, монастырям, церквям; сокращение кулацких хозяйств также увеличило размеры землепользования бедняцко-средняцких хозяйств. Октябрьская социалистическая революция не только дала крестьянству землю, но она, ликвидировав остатки крепостничества, расчистила путь для социалистической переделки сельского хозяйства. Исключительно важное значение при этом имело осуществление в нашей стране национализации земли.

После окончания гражданской войны, разгрома интервентов и белогвардейцев, успешно восстановив разрушенное империалистической и гражданской войнами народное хозяйство, партия и Советская власть быстрыми темпами стали развивать социалистическую индустриализацию страны. Заводы и фабрики строились и в Чувашской АССР.

Наметились сдвиги и в сельском хозяйстве. Сельское хозяйство республики, как и все сельское хозяйство страны, уже к началу первой пятилетки перешагнуло за довоенный уровень. В 1928 году посевные площади республики составляли 101 процент к 1913 году. За это время произошел некоторый сдвиг и в структуре посевных площадей. Удельный вес зерновых культур сократился на 2,9%, в то же время удельный вес кормовых культур увеличился на 0,7% и технических культур—на 0,6%. Несколько улучшилась техника крестьянского хозяйства. Советское правительство через кооперацию организовало снабжение крестьян сельскохозяйственными машинами, оказывало помощь в их освоении и внедрении в производство. Были организованы прокатные пункты сельскохозяйственного инвентаря, которые проводили обработку земельных участков бедняков и середняков. Количество плугов в 1928 году стало больше по сравнению с 1913 годом в 750 раз, конных сеялок—в 14,6 раза, уборочных машин—в 29 раз и молотилок—в 16 раз. Значительный сдвиг в развитии получили садоводство, огородничество и хмелеводство. Было восстановлено и поголовье скота за исключением свиней. Поголовье лошадей в 1928 году к 1916 году составляло 101,9%, крупного рогатого скота—106,5%, овец и коз—105,7%. Однако качественные показатели все еще оставались низкими, ибо мелкокрестьянское хозяйство в силу своей ограниченности не в состоянии было использовать агрозоотехнические приемы в таком размере, в каком это возможно в крупном производстве.

Несмотря на то, что после Великой Октябрьской социалистической революции создались благоприятные условия для небывалого подъема урожайности, в 1928 году средняя урожайность зерновых дошла лишь до довоенного уровня. Единоличное, мелкое, раздробленное крестьянское хозяйство оказалось не в состоянии справиться с задачей всемерного повышения урожайности сельскохозяйственных культур.

Как видно, подъем сельского хозяйства был несомненен. Но темпы этого подъема были медленные. Производительные силы сельского хозяйства росли лишь в тех пределах, на какие было способно мелкое и мельчайшее производство. Несмотря на ряд положительных сдвигов в сельском хозяйстве в период, предшествующий первой пятилетке, сельское хозяйство Чувашской АССР, как и всей страны, продолжало отставать. Культура земледелия все еще была низкой. Мелкокрестьянское хозяйство не обеспечивало необходимых накоплений для расширенного воспроизводства. Оно не в состоянии было выгодно применять усовершенствованные орудия труда. Сельское хозяйство, основанное на мелком крестьянском производстве, несмотря на то, что зерна производилось в Чувашии почти столько же, сколько и в довоенное время, давало очень мало товарного хлеба: немногим более десятой доли валового сбора. Так же низка была и товарность сельского хозяйства всей страны.

Мелкое раздробленное крестьянское хозяйство стало тормозом развития индустрии, задерживало победу социализма в нашей стране.

Советская власть не могла далее базироваться на двух разных основах: с одной стороны, социалистическая индустрия, а, с другой стороны, частнособственническое, мелкое крестьянское хозяйство, рождавшее капитализм стихийно и в массовом масштабе. Материальные потребности развития советского общественного строя требовали коренной реконструкции миллионов крестьянских хозяйств.

Выполняя ленинско-сталинский план преобразования сельского хозяйства, коммунисты Чувашии развернули большую работу по строительству сельскохозяйственной и других простейших форм кооперации. На базе снабженческой и сбытовой кооперации стали возникать и развиваться коллективные хозяйства в республике. Они особенно усиленно создавались после XV съезда партии, вынесшего решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства.

В начале второй пятилетки коллективизация в основном была завершена, а в течение этой пятилетки чувашская деревня сплошь стала колхозной.

Чувашии в деле социалистической переделки сельского хозяйства большую помощь оказали Горьковская краевая партийная организация и рабочие Горьковского края, в сос-

тав которого входила Чувашская АССР с 1929 по 1936 год. Непосредственное руководство Горьковского краевого комитета партии во главе с товарищем А. А. Ждановым и постоянная помощь рабочих предприятий Горького и других городов края сыграли решающую роль в тех успехах, которых добилась Чувашия в годы первых трех сталинских пятилеток.

1. ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Период, наступивший после победы колхозного строя, был в чувашской деревне периодом неуклонного повышения культуры земледелия и животноводства, периодом интенсификации сельского хозяйства. Это стало возможно лишь благодаря осуществлению сталинской национальной политики нашей партии, благодаря безраздельному господству не только в промышленности, но и в земледелии социалистической системы хозяйства и вооружению его на базе новой машинной техники.

Социализм впервые в истории открыл возможность создания рационального земледелия на основе широкого применения науки и техники в сельскохозяйственном производстве.

Основным средством производства в сельском хозяйстве является земля. Маркс говорит, что земля существует как всеобщий предмет и всеобщее средство труда. „Все предметы, которые труду остается лишь вырвать из их непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда“; она дает рабочему основу, на которой он стоит, а его процессу—сферу действия¹.

Земля в дореволюционной, царской России находилась в частной собственности. Частная собственность на землю служила основной помехой правильному использованию земли. Большим тормозом в использовании земли в Чувашии являлась и та причудливая чересполосица в землепользовании, которая существовала до Октябрьской социалистической революции.

В СССР частная собственность на землю отменена. Этим самым были ликвидированы преграды, которые ставила частная собственность в использовании земли как основного средства производства. В нашей стране земля, ее недра, воды, леса являются государственной собственностью, т. е. всенародным достоянием. В Советском Союзе нет купли и продажи земли; ею пользуются только трудящиеся. Общественная всенародная собственность на землю обеспечивает ее наиболее полное использование. Об этом свидетельствует, прежде всего, расширение посевных площадей колхозов. За годы Советской

¹ К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 185—187, изд. 1949 г.

власти, особенно с момента завершения сплошной коллективизации, за счет уничтожения меж, освоения целины, осушения болот посевная площадь к 1941 году увеличилась на 109 тысяч гектаров. Этот прирост составляет 18,7 процента всей удобной земельной площади.

Таким образом, трудящееся крестьянство Чувашии, объединенное в сельскохозяйственные артели, не только получило от Советской власти бывшие помещичьи, монастырские, казенные, а также кулацкие земли, но и получило возможность значительно увеличить площадь обрабатываемых земель. Вместе с тем были созданы наиболее благоприятные условия для освоения этих земель. Были ликвидированы мешавшие ранее рациональному использованию земли дальноземелье, чересполосица и узкополосица, а также межи, являвшиеся рассадниками сорняков.

При единоличном ведении хозяйства, когда преобладающей формой землепользования была общинная, крестьянину приходилось все время переезжать с участка на участок, с одного поля на другое, иногда за десять и более километров. На эти переезды непроизводительно тратилось много времени. При таком землепользовании крестьянин был не в состоянии вывозить навоз на свои удаленные участки. Кроме того, при общинном землепользовании, когда часто производились переделы, крестьянин, поскольку он тем или иным участком земли владел временно, не был и заинтересован в проведении необходимых агротехнических мероприятий и во внесении удобрений.

При колхозном строе все эти непреодолимые в условиях мелкого крестьянского землепользования препятствия к повышению культуры земледелия были ликвидированы окончательно. Победа колхозного строя создала новые условия, позволяющие рационально использовать землю. Колхозные земли сведены в большие массивы, чем созданы условия для широкого применения современных сельскохозяйственных машин и передовой агротехники.

Советское правительство издало специальное постановление „О создании устойчивого землепользования колхозов“, по которому предлагалось „...закрепить за каждым колхозом землю, находящуюся в его трудовом пользовании в существующих ныне границах, запретив всякие переделы“¹.

Это постановление помогло устранить обезличку в использовании земли. Устав сельскохозяйственной артели, принятый в 1935 году, окончательно ликвидировал обезличку в колхозном землепользовании, закрепив за колхозами земли навечно.

¹ Из постановления ЦИК и СНК СССР от 3. IX—1932. г „О создании устойчивого землепользования колхозов“.

Закрепленная за колхозами земля используется под общественное производство колхозов, что говорит о социалистическом характере колхозного землепользования. Лишь очень небольшая часть колхозной земли в республике—6,8%, согласно Уставу сельскохозяйственной артели отведена в личное пользование членов колхоза.

В 1940 году на душу населения в колхозах республики приходилось 0,92 га пашни, а на одного наличного трудоспособного (от 16 лет и старше)—1,84 га. Из этих данных видно, что обеспеченность пашней в колхозах республики, несмотря на ее значительное расширение, является невысокой. Тот прирост пашни, который происходил в колхозах за счет раскорчевки и расширения целинных земель, освоения залежей и осушения болот полностью поглощался приростом колхозного населения. Это требовало от колхозов более полного и рационального использования закрепленных за ними земель.

До революции земледелие в Чувашии носило резко выраженный односторонне зерновой характер и велось экстенсивно. Полевой клин на 95 и более процентов засевался зерновыми культурами. Все было подчинено зерну. В числе зерновых наибольшее место занимали такие малоценные культуры, как овес и полба. Наоборот, ценные технические культуры, как лен и конопля, занимали в посевах ничтожное место. Овощные культуры и картофель получили также слабое развитие, и то преимущественно на приусадебных землях. Только при Советской власти стали расти посевные площади под новыми культурами. Однако единоличному крестьянскому хозяйству было не под силу изменить односторонне зерновое направление хозяйства. Оно сохранилось вплоть до сплошной коллективизации.

Укрепившийся в советской деревне колхозный строй, окончательная победа социалистической системы хозяйства в земледелии создали все необходимые условия для рационального использования земли. Колхозы стали внедрять передовую культуру земледелия, вводить правильные севообороты, увеличивать посевы многолетних и однолетних трав, расширять площадь пропашных и технических культур. Односторонне зерновое направление уступило место сочетанию производства зерна с производством ценных технических, а также овощных и кормовых культур, картофеля. В полевых севооборотах эти культуры стали занимать все более значительный удельный вес. Это привело к изменению структуры посевных площадей.

Общий рост сельского хозяйства Чувашской АССР отражает, прежде всего, расширение посевных площадей. К 1941 году, по сравнению с 1913 годом, посевная площадь увеличилась на 18,7 процента. Следует отметить, что при царизме в трех чувашских уездах Казанской губернии общая площадь удобной земли с 1858 по 1906 гг., т. е. за 48 лет не только

не увеличилась, а уменьшилась на 902 десятины, или на 0,1 процента¹.

Наибольшего роста посевы в колхозах достигли в 1937 году. После 1937 года происходит некоторое временное сокращение посевных площадей за счет внедрения правильных севооборотов, расширения площади чистых паров, строительства улучшенных дорог и т. д. Тем не менее в 1941 году площадь посевов была на 18,7 процента выше 1913 года и на 29 процентов выше уровня 1928 года.

В отчетном докладе на XVII съезде партии, анализируя динамику посевных площадей, товарищ Сталин говорил, что она отражает линию развития сельского хозяйства, а именно:

„1) Линию на всемерное расширение посевных площадей в период разгара реорганизации сельского хозяйства, когда колхозы создавались десятками тысяч, когда они сгоняли кулаков с земли, захватывали освободившиеся земли и прибирали их к рукам.

2) Линию на отказ от огульного расширения посевных площадей, линию на переход от огульного расширения площадей к улучшению обработки земли, к внедрению правильного севооборота и пара, к поднятию урожайности и, если этого потребует практика,—к временному сокращению существующих посевных площадей.

Как известно, вторая линия,—единственно правильная линия в сельском хозяйстве,—была провозглашена в 1932 году, когда реорганизационный период в сельском хозяйстве подходил к концу и вопрос о поднятии урожайности стал одним из основных вопросов подъема сельского хозяйства².

Это относится в полной мере и к Чувашии, хотя здесь реорганизационный период, по сравнению с передовыми районами Советского Союза, продолжался дольше. После 1937 года, как было уже сказано, посевы несколько сократились. Но если взять всю севооборотную площадь (посев + чистый пар), то несмотря на выделение большой площади на строительство железной дороги Канаш—Чебоксары и улучшенных грунтовых дорог, а также расширение селений, строительство новых усадеб МТС,—площади обрабатываемых земель не только не сократились, а, наоборот, увеличились.

Более полную картину о характере и объеме земледельческого производства дает анализ состава посевных площадей и урожайности.

Победа колхозного строя привела к серьезному изменению структуры земледелия и к росту уровня его интенсивности. Площадь под зерновыми культурами, по сравнению с 1913

¹ Данные Оценочно-статистического бюро Казанского губернского земства, приведенные в сборнике „Крестьянское землевладение Казанской губернии“ за 1907-й год.

² И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 319.

годом, сократилась на 18 процентов, но зато резко увеличилась площадь под картофелем и кормовыми культурами. Площадь под техническими культурами, по сравнению с 1913 годом, увеличилась на 50 процентов, под овощами—в 7 раз, под картофелем—в 13 раз, а под кормовыми культурами—в сто с лишним раз. Такой рост посевной площади под кормовыми культурами для Чувашии, где мало сенокосных угодий, имеет очень важное значение. В числе кормовых культур 70 процентов занимает укосная площадь многолетних трав. Правда, общий уровень их еще очень мал, и он пока что не мог разрешить кормового вопроса в республике, но сам факт роста посевов под многолетними травами имеет исключительное значение.

При колхозном строе появились такие культуры и отрасли хозяйства, о которых раньше чувашская деревня не знала. В 1913 году овощные культуры в Чувашии занимали площадь всего около ста гектаров, при чем большая часть этой площади была занята капустой. Редко можно было встретить огурцы, лук, морковь. В 1940 году под овощами было занято уже 4 тысячи 600 гектаров. В ассортименте овощных культур, наряду с капустой, прочное и довольно солидное место заняли помидоры, огурцы, морковь, столовая свекла и прочие ранее неизвестные или малоизвестные культуры. Расширилось строительство парников и теплиц. В начале 1940 года было 7 теплиц и 1.293 парника с 11.723 рамами, а на 1 января 1941 года парниковых рам насчитывалось уже 25.182¹.

В 1913 году среди технических культур преобладающее место занимали лен-долгунец и конопля. Обуславливалось это бытовыми условиями чуваш. Конопля и лен шли на приготовление холста, а холст использовался для приготовления мешков, белья и даже верхней одежды.

Среди технических культур широкое распространение на полях Чувашии в годы колхозного строительства получила махорка. Ранее эта культура выращивалась на приусадебных участках для личных потребностей крестьян. Колхозы стали культивировать махорку как товарную культуру для снабжения местной табачной промышленности. Основными районами производства махорки являются Алатырский, Вурнарский, Кувакинский, Порецкий, Шумерлинский, Красно-Четайский, Ибресинский, Комсомольский, Калининский. Площадь под махоркой в 1941 году, по сравнению с 1930 годом, увеличилась более чем в 17 раз².

К техническим культурам, возделывающимся в полевых условиях, относится также хмель. Посадкой хмеля занимаются колхозы Октябрьского, Марпосадского, Козловского, Урмарского, Цивильского, Чурачического районов.

¹ Архив Министерства сельского хозяйства Чувашской АССР.

² Там же.

Произошли серьезные изменения в структуре посевных площадей и внутри группы зерновых культур. Выросли посевные площади под более ценными зерновыми, продовольственными культурами, как озимая и яровая пшеница, горох, чечевица и крупяными культурами—просо, гречиха, а также вика на зерно. Сократилась площадь под полбой. Снизился удельный вес и абсолютный размер посевов ржи. За счет снижения посевов относительно менее ценных культур и общего прироста посевной площади, по сравнению с 1913 годом, посевы пшеницы увеличились почти в 5 раз, гороха и чечевицы—почти в 6 раз, крупяных культур—в 2,5 раза. Значительную площадь заняла новая для Чувашии культура—вика. В 1928 году на полях Чувашии впервые появились посевы озимой пшеницы, уборочная площадь которой тогда составила 0,1% озимого клина. В 1940 году клин озимой пшеницы составил 7 процентов всей посевной площади.

Удельный вес пшеницы среди зерновых поднялся с 1,28 процента в 1928 году почти до 16 процентов в 1940 году.

Таким образом, при колхозном строе произошло расширение посевных площадей под всеми культурами, но больше всего под ценными зерновыми, кормовыми, огородно-бахчевыми и техническими культурами. „Это значит,—говорил товарищ Сталин на XVIII съезде партии,—что наше земледелие становится более квалифицированным и продуктивным, а внедрение правильного севооборота получает под собою реальную почву“.¹

Важное значение имеет садоводство. До революции садоводство в Чувашии было развито лишь в помещичьих и кулацких хозяйствах, да и то в очень слабой степени. С организацией совхозов и колхозов были созданы благоприятные условия для широкого развития садоводства. Если в 1930 году под садами было занято 3.670 га, в 1932—4.400 га, в 1937—6.294 га, то в 1940 году—уже 8.944 га.² За десять лет площадь садов и ягодников увеличилась более чем вдвое. Отдельные колхозы обзавелись садами размером 35—40 га. В 1931—32 гг. в совхозе Садвинтреста был заложен сад на площади 450 га. Этот совхоз стал основным питомником посадочного материала для колхозов. На территории Чувашии было создано еще несколько крупных питомников. В 1934 году заложен ряд колхозных питомников. При Цивильской сельскохозяйственной опытной станции создан мичуринский опорный пункт. Этот питомник стал центром селекционной работы в плодово-овощном хозяйстве, изучения и внедрения мичуринских сортов в колхозные сады и огороды. Тогда же в республике было организовано 13 мичуринских участков, которые, начиная с 1934

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 580.

² Архив Министерства сельского хозяйства Чувашской АССР.

года, ведут работу по испытанию и внедрению мичуринских сортов в садах.

Земледелие республики стало разнообразнее. Оно обогатилось новыми, ранее отсутствовавшими в Чувашии отраслями. В целом земледелие из узко зернового и малопродуктивного в прошлом начало становиться более квалифицированным и продуктивным, более интенсивным.

Жизнь показала, что переход к рациональному земледелию возможен лишь при социалистической системе хозяйства. Вся практика социалистического земледелия блестяще подтвердила указания классиков марксизма-ленинизма о том, что никакого так называемого „закона убывающего плодородия почвы“, который сочинили и упорно отстаивают апологеты капитализма, в природе, в жизни не существует. В нашем социалистическом обществе созданы все условия для прогрессирующего повышения плодородия почвы, для получения высоких и устойчивых урожаев всех сельскохозяйственных культур, для неуклонного роста производительных сил в земледелии и животноводстве, так же как и во всем народном хозяйстве.

Энгельс писал, что производительность земли „...может быть бесконечно повышена приложением капитала, труда и знания“¹. В этом отношении важное значение имеют: 1) удачный подбор культур и сортов, введение в посевы интенсивных товарных культур; 2) наведение порядка в использовании земли, освоение правильных севооборотов; 3) повышение интенсивности земледелия. Все эти меры нашли применение в колхозах республики.

Не только земледелие, но и все отрасли сельского хозяйства республики, развивающиеся на основе познанных объективных экономических законов социализма, за годы первых трех сталинских пятилеток становились интенсивными.

2. НОВАЯ СИСТЕМА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ПОВЫШЕНИЕ УРОЖАЙНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР

Внедрение научных методов ведения хозяйства и, прежде всего, восстановление и непрерывное увеличение плодородия почвы—этого основного средства производства в сельском хозяйстве—стало возможным лишь с победой колхозного строя. С ростом технического вооружения и организационно-хозяйственным укреплением колхозов систематически повышался уровень агротехники.

В 1932 году ЦК ВКП(б) и СНК СССР указали на необходимость ведения борьбы за лучшую обработку земли, борьбы за повышение урожайности как главной задачи в области сельского хозяйства на данной стадии развития².

¹ Ф. Энгельс. Очерки критики политической экономии. (К. Маркс. Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 312).

² Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1932 года „О мероприятиях по повышению урожайности“.

Главная задача в деле получения высоких урожаев—это создание высокого плодородия почвы, что, в свою очередь, зависит от уровня развития земледельческой химии и механики. В результате проведения в жизнь политики индустриализации страны, сельское хозяйство Чувашии, как и все сельское хозяйство страны, было вооружено первоклассной техникой, из года в год получало все больше и больше минеральных удобрений.

Товарищ Сталин в докладе на XVII съезде партии в 1934 году, дав развернутый анализ состояния сельского хозяйства, определил основные задачи колхозов и совхозов в борьбе за повышение урожайности, наметил пути внедрения в колхозное и совхозное производство системы агрономических мероприятий по обеспечению роста урожайности, включая введение правильных севооборотов и расширение площадей под чистыми парами, улучшение семеноводческой работы и рациональное применение удобрений. Одновременно товарищ Сталин выдвинул задачу широкого развития работ по полезащитному лесоразведению и орошению, как важнейших мер борьбы с засухой.¹

Руководствуясь указаниями вождя, колхозы и совхозы Чувашии с каждым годом все полнее осваивали приемы передовой агрономической науки.

В республике за годы Советской власти коренным образом изменились средства обработки почвы, выросла механизация сельскохозяйственных работ, в колхозах стали широко применяться минеральные удобрения. Все это оказало большое влияние на повышение плодородия почвы. Уже к 1940 году важнейшие полевые работы в колхозах были механизированы на 50—60 процентов. Это улучшило качество обработки почвы и обеспечило выполнение работ в сжатые и наиболее благоприятные агротехнические сроки, что является важнейшим условием для роста урожайности.

Из года в год росло применение минеральных удобрений. В 1940 году колхозами республики было внесено на поля минеральных удобрений почти в 8 раз больше, чем в 1932 году, или на площади, составлявшей 19,4 проц. ко всей посевной площади.²

Широко применялись и местные удобрения. В 1940 году, по данным годовых отчетов, на поля было вывезено свыше 1.564 тыс. тонн навоза и 281 тыс. тонн торфа, т. е. почти в три раза больше, чем в 1932 году. Успешно проводилась заготовка и использование на удобрение полей золы, птичьего помета, различных компостов, которые до колхозов вообще не применялись. В 1940 году золы было внесено в почву около 150 тыс. центнеров, а птичьего помета—58 тыс. центнеров. Золы было заготовлено и вывезено в поле в 1940 г. в полто-

¹ И. В. Сталин. Соч., том 13, стр. 328—332.

² По данным годовых отчетов колхозов и ЦГА ЧАССР, ф. 210, оп. 2, д. 8, ф. 203, оп. 4, д. 1.

ра раза больше, чем в 1936 году, а птичьего помета—в 19 раз.

Огромное значение в условиях Чувашии имеет борьба за влагу. С созданием колхозов площадь под чистыми парами и зяблевой вспашкой из года в год увеличивалась, а качество паров и зяби улучшалось. В 1932 году было поднято чистых паров 14.934 га, а в 1940 году—203.987 га¹. Если в 1932 году чистые пары применялись всего на 5,4% площади посева озимых культур, то в 1940 году площадь чистых паров составляла уже 94% от площади посева озимых. В 1940 году подъем чистых паров в республике был завершен до 20 июля. Резко улучшилась их обработка. Так, если в 1932 и 1933 годах большая часть паров была оставлена без обработки, то паровая площадь под урожай 1941 года была в большей части прокультивирована. Выросла и площадь зяблевой вспашки. В 1932 году только 33 процента всех яровых обеспечивалось зябью, а в 1940 году 76,7% яровых культур было посеяно по зяби².

Весьма существенным недостатком было отсутствие лучшего стерни перед подъемом зяби. В 1940 году было взлущено всего 1520 га³.

Рост технической вооруженности сельского хозяйства обеспечил резкое улучшение качества полевых работ—увеличилась глубина вспашки, улучшилась предпосевная обработка почвы, а также уход за посевами, сократились агротехнические сроки проведения работ. В доколхозный период глубже 8—10 см. ни один крестьянин не пахал. Только с помощью МТС пахотный слой углублен до 17—20 см.

Значительно улучшилось качество посевного материала. Если в дореволюционное время очистку семян производили только в помещичьих да в крупных кулацких хозяйствах, а протравливания не знали совсем, то при Советской власти, еще до создания колхозов, очистку и протравливание семян стали производить многие бедняцкие и середняцкие хозяйства. С созданием колхозов эти агротехнические мероприятия стали проводиться в широких масштабах. В 1930 году было отсортировано 18 процентов семян и протравлено 7,7 проц.⁴, а уже с 1933 года посев проводился только отсортированными семенами.

Известно, для получения высоких урожаев немалое значение имеет не только подготовка посевного материала, но и качество сева. И здесь произошли значительные перемены. В дореволюционное время в Чувашии сеяли только вразброс. В 1940 году уже многие колхозы республики зерновые засевали

¹ Данные за 1932 год взяты из ЦГА ЧАССР, ф. 210, оп. 12, д. 3, стр. 16, а за остальные годы—из годовых отчетов колхозов и МТС.

² Данные за 1932 год взяты из ЦГА ЧАССР, ф. 210, оп. 13, д. 42, стр. а за остальные годы—из годовых отчетов колхозов.

³ По годовым отчетам колхозов.

⁴ Архив Министерства сельского хозяйства ЧАССР.

только рядовыми сеялками. Передовые колхозы стали применять перекрестный сев. В 1940 году этим способом было посеяно 12.859 гектаров¹.

Во многих колхозах обязательным стало протравливание и яровизация семян. В 1930 году протравливалось лишь 7,7 процента посевного материала, а в 1940 году было протравлено почти 50 процентов семян. До 1934 года посевы яровизированными семенами производились только в опытном порядке. В 1934 году яровизированными семенами было посеяно 437 га². В последующие годы эти посевы получают уже широкое распространение: в 1940 году яровизированными семенами было посеяно более половины площади яровых колосовых³, была начата яровизация картофеля (в 1940 году—4640 га)⁴.

Из года в год улучшался уход за посевами. До колхозов чувашский крестьянин не имел понятия о подкормке зерновых культур и бороновании озимых. С организацией колхозов передовики социалистического земледелия стали применять подкормку зерновых культур, в частности, озимой ржи и пшеницы, а также боронование озими и клевера. В 1930 году боронование озимых было проведено на площади 463 га, а в 1940 году—на площади 152.752 га, т. е. 330 раз больше, чем в 1930 году. Подкормка озимых была проведена на 41,2 процента площади⁵.

В прошлом редко кто из крестьян пропалывал пропашные культуры, а колосовые совершенно не пропалывались. Уже в первые годы коллективизации начинается решительное наступление на сорняки. В 1930 году было прополото около 4 процентов площади посева. Начинается прополка и колосовых, в первую очередь, пшеницы, ячменя, проса, а также озимых культур, в частности озимой пшеницы. В 1937 году площадь прополки расширилась до 78 процентов. Это большой шаг в борьбе за сохранение и рациональное использование в почве питательных веществ и влаги.

О снегозадержании до революции крестьяне Чувашии и не имели представления. В 1930 году было задержано снега на площади более 7 тыс. гектаров, а в 1940 году уже—на площади более 179 тыс. гектаров, т. е. в 25 раз больше, чем в 1930 году.

Много внимания уделялось и уделяется сортовому посеву. В старой, дореволюционной Чувашии поля были заражены сорняками, сорта семян были случайными. Лишь коллективизация широко открыла двери перед селекционерами. Были

¹ Архив Министерства сельского хозяйства ЧАССР.

² ЦГА ЧАССР, ф. 210. оп. 12, д. 3.

³ По годовым отчетам колхозов.

⁴ Архив Министерства сельского хозяйства ЧАССР.

⁵ По данным годовых отчетов колхозов и ЦГА ЧАССР, ф. 203, оп. 4, д. 1, л. 65.

отобраны лучшие сорта, приспособленные к местным почвенно-климатическим условиям. Внедрение новых селекционных сортов началось еще с 1925—26 гг. через совхозы, опытные станции и сельскохозяйственную кооперацию. Массовое применение сортовых посевов в тот период затруднялось недостатком сортовых семян. Завоз сортовых семян в республику начинается в годы первой пятилетки. В 1930 году было завезено семян пшеницы 892 центнера на площадь 558 га, овса „Диппе“ 20.232 центнера на площадь 12.542 га, вики 1.324 центнера на площадь 912 га, клевера 1.696 центнеров на площадь 8.475 га. В этом же году было засеяно сортовыми семенами местной заготовки: шатиловского овса на площади 9.035 га, вики на площади 7.560 га. В 1935 и 1936 гг. был организован межколхозный сортообмен.¹

К 1940 г. на строго научной основе было организовано семенное дело. Сортовое семеноводство получило устойчивую организационно-законченную форму в связи с постановлением Правительства СССР в июне 1937 года „О мерах по улучшению семеноводства зерновых культур“.

В 1940 году 7 сортоиспытательных участков, 11 райсемхозов размножали принятые сорта². На семенные цели в каждом колхозе были выделены постоянные площади. Они стали базой для производства сортовых семян. Все это позволило быстро расширить сортовые посевы всех основных полевых культур. В 1940 году сортовыми посевами зерновых было занято в республике около 80 процентов всех посевов.

В условиях мелкого крестьянского хозяйства весенний сев обычно длился два с лишним месяца, а сев озимых — свыше месяца. Резко изменилось положение в колхозах. Сроки проведения этих работ сократились до 10—19 дней. В передовых колхозах сев производился в 5—6 дней.

Правильные севообороты в колхозах с посевом многолетних трав имеют решающее значение для урожая. Опыт передовых колхозов, успешно освоивших и осваивающих травопольную систему земледелия, показывает, что последовательное осуществление всего комплекса травопольной системы земледелия обеспечивает высокие темпы роста урожаев и продуктивности животноводства, а также оказывает серьезное влияние на организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

Введение правильных севооборотов в колхозах было начато ещё в годы первой пятилетки. В 1931 году под многопольными севооборотами было 66.195 гектаров³. С 1933 года колхозы Чувашии переходили к многопольным севооборотам в порядке упрощенного землеустройства (землеуказаний).

¹ По архивным данным Министерства сельского хозяйства Чувашской АССР.

² Там же.

³ ЦГА ЧАССР, ф. 210, оп. 12, д. 8, стр. 28.

Типичными севооборотами являлись: семипольный севооборот с клевером и пятипольный. Под семипольными севооборотами было занято около 42% площади пашни колхозов, а под пятипольными—около 48%. В результате ошибок, допущенных в планировании севооборотов в колхозах и отсутствия достаточного количества семян многолетних трав, значительное число принятых колхозами севооборотов не отвечало элементарным требованиям и не обеспечило большого повышения плодородия почв.

На XVII и XVIII съездах партии товарищ Сталин дал исчерпывающие указания относительно подъема культуры социалистического земледелия. Это—разностороннее развитие общественного производства и правильное сочетание отраслей социалистического сельского хозяйства, в частности, создание прочной кормовой базы животноводства на основе правильного травопольного севооборота.

Руководствуясь указаниями товарища Сталина, XIX Чувашская областная партийная конференция в своем решении записала: „В 1939 году должно быть полностью обеспечен посев сортовыми семенами всех культур, в том числе и клевера, одновременно ввести правильные севообороты“¹.

Начиная с 1939 года в республике развернулись широкие работы по введению правильных севооборотов с детальным хозяйственным устройством и агротехническим обоснованием вводимых севооборотов. К началу 1941 года правильные севообороты были введены во многих колхозах. Резко возрастает в этой связи травосеяние. Укосная площадь многолетних трав в 1941 году составляла около 72 тыс. гектаров.

Вся эта система мероприятий по подъему культуры земледелия—сортовое семеноводство, удобрения, применение правильной системы обработки почвы, освоение травопольных севооборотов—обеспечила лучшее использование общественных земель колхозов и повысила производство сельскохозяйственной продукции.

Повышению товарности зернового хозяйства способствовал переход от кантрактации хлеба к твердым поставкам зерна на основе постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 года, а также переход от денежной оплаты за работы МТС к оплате натурой. Это постановление дало возможность заранее рассчитать, сколько хлеба должно быть сдано государству и сколько останется в полном распоряжении колхозов и колхозников.

11 апреля 1940 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) принимают постановление „Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами“, установившее новый порядок исчисления обязательных поставок зерна госу-

¹ Партархив Чувашского обкома КПСС (ПАЧО), ф. 1, оп. 3, д. 2, стр. 423.

дарству с гектара пашни взамен исчисления по посеву. Это повысило заинтересованность колхозов в дальнейшем расширении зерновых посевов, повышении их урожайности и полной обработке всей пахотоспособной земли, а также внедрения правильных севооборотов.

В начале 1941 года Правительством и ЦК ВКП(б) было принято постановление о дополнительной оплате труда колхозников Чувашии за повышение урожайности сельскохозяйственных культур.

Решения партии и правительства по вопросам подъема продуктивности сельского хозяйства и энтузиазм колхозных масс, поднятый партией Ленина—Сталина, широкое применение машинной техники и вся совокупность агротехнических мероприятий обеспечили такой рост урожайности колхозных полей Чувашии, о котором раньше не мог мечтать крестьянин-единоличник. Урожай такой ценной культуры, как пшеницы, вырос в 1940 году, по сравнению с 1928 годом, более чем в два раза, ржи—почти в два раза, ячменя—в 1,8 раза, гречихи—более чем в три раза, гороха—в 1,5 раза, овса—в 1,7 раза, проса—в 1,4 раза.

Рост урожая ярко иллюстрирует преимущества колхозов перед мелким крестьянским хозяйством.

Переход от мелкого распыленного индивидуального крестьянского хозяйства к крупному коллективному хозяйству, опирающемуся на новую машинную технику и передовую советскую агротехнику, дал возможность удвоить урожайность зерновых культур.

Росла урожайность не только зерновых, но и технических и пропашных культур, повысилась продуктивность садоводства. За десять предвоенных лет урожай льна и конопли в среднем с каждого гектара составил: льна-волокна—3,8 центнера, льно-семян—3,1 центнера, конопли-волокна—3,2 центнера, конопли-семян—3,5 центнера. Однако, урожаи льна и конопли, по сравнению с урожайностью этих культур в льносеющих районах Советского Союза, все еще отстают.

Урожай махорки по сравнению с 1925 годом составил: в 1934 году—111,8%, в 1935 году—116,6%, в 1936 году—108,1%, в 1937 году—141,6%, в 1940 году—133,3%¹. Средний урожай в предвоенное десятилетие превысил на одну пятую урожай 1925 года.

Колхозы республики добились получения высоких урожаев овощей и картофеля. До революции за десятилетие (1904—1915 гг.) средний урожай картофеля составил 62,1 центнера с 1 га². Советское государство оказало трудящимся крестьянам помощь в подъеме урожайности картофеля и овощей. На

¹ По данным ЦГА ЧАССР, ф 210, оп. 12, стр. 19; архива Министерства сельского хозяйства ЧАССР.

² ЦГА ЧАССР, ф. 196, оп. 1, д. 129, стр. 125.

этой основе урожайность картофеля в период с 1920 по 1924 год поднялась до 68,4 центнера с 1 га¹. После создания колхозов урожай этой культуры стали неуклонно позышаться. Средний урожай картофеля за пятилетие с 1935 по 1939 год составил 74 центнера с га, а в 1940 году — уже 102,8 цент².

По сравнению с дореволюционным периодом в 1940 году урожайность картофеля увеличилась почти вдвое. Однако это далеко не предел. Передовые колхозы получают на больших площадях 200 и более центнеров картофеля с гектара.

В 1932 году урожай овощей составил 81,0 цент. с га, а в 1940 году уже—119,0 цент. с га; урожай корнеплодов возрос соответственно: с 46,0 до 53,6 цент., сена с естественных сенокосов с 13,3 до 19,1 цент., сена однолетних трав с 18,0 до 25,0 цент., семян клевера с 0,73 до 1,1 цент., семян люцерны с 0,74 до 1,2 центнера с гектара³.

Приведенные выше средние цифры урожайности не полностью отражают достижения сельского хозяйства Чувашии. Передовые колхозы республики получают урожаи гораздо выше средних. Внедряя правильные травопольные севообороты, применяя весь комплекс агротехнических мероприятий, они из года в год получают высокие и устойчивые урожаи сельскохозяйственных культур.

В передовых колхозах республики средний урожай зерновых культур выше среднереспубликанского в 2—2,5 раза.

Достигнутая передовыми колхозами урожайность возможна и в остальных колхозах. Колхозы в этом отношении располагают возможностями, заложенными в самой природе социалистического хозяйства; к тому же они пользуются широкой и всесторонней поддержкой со стороны социалистического государства.

3. РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЖИВОТНОВОДСТВА

В 1930 году, на XVI съезде партии, товарищ Сталин указывал, что упадок животноводства в крестьянском хозяйстве показал явные признаки неустойчивости и экономической ненадежности мелкого, мелкотоварного хозяйства. Товарищ Сталин выдвинул задачу большевистского разрешения проблемы животноводства. „... Вслед за зерновой проблемой,— говорил товарищ Сталин,—которую мы уже разрешаем в основном с успехом, встает перед нами проблема мясная, острота которой сказывается уже теперь и которая ждёт своего разрешения“.⁴

¹ ЦГА ЧАССР, ф. 196, оп. 1, д. 729, л. 125.

² Архив Министерства сельского хозяйства ЧАССР.

³ По архивным данным Министерства сельского хозяйства Чувашской АССР.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 276.

„При разрешении этих проблем нам нужно двигаться тем же путём, которым шли в области разрешения зерновой проблемы. То есть, через организацию совхозов и колхозов, являющихся опорными пунктами нашей политики, постепенно преобразовывать техническую и экономическую основу нынешнего мелкокрестьянского животноводства...“¹

XVI съезд ВКП(б) поставил в качестве очередной задачи: „... обеспечить наряду с ускоренным развитием зерновых и технических культур поднятие и усиленное развитие животноводства путем прежде всего организации специальных животноводческих совхозов аналогично зерно-совхозам, массового создания высокотоварных колхозных ферм и быстрого расширения кормовой базы“².

Областная партийная организация проделала большую работу по выполнению решения XVI съезда партии. Наряду с расширением животноводства в совхозах, была широко возвращена работа по созданию в колхозах товарных животноводческих ферм, которые в наибольшей степени соответствовали артельной форме хозяйства колхозов. Роль социалистического сектора в животноводстве республики стала неуклонно возрастать.

В 1928 году общественное поголовье скота в колхозах и совхозах составляло всего 0,08 процента от общего поголовья, а уже в 1933 году его удельный вес по крупному рогатому скоту повысился до 5,5 процента, по овцам и козам — до 1,4 процента, а по свиньям — до 19,4 процента.

На XVII съезде ВКП(б), 26 января 1934 года товарищ Сталин говорил, что „наиболее болезненно перенесла реорганизационный период животноводческая отрасль сельского хозяйства“³.

Эти слова в полной мере относятся к Чувашии, закончившей реорганизационный период большим сокращением поголовья скота. По сравнению с 1928 годом к 1932 году поголовье сократилось: по лошадям на 18,3%, по крупному рогатому скоту на 15,4%, по овцам и козам на 37,2%, по свиньям на 24%⁴. Такое сокращение поголовья скота объясняется в первую очередь тем, что кулак, пытаясь сорвать мероприятия партии и Советской власти, разбазаривал свой скот, наибольшее количество которого было в кулацких хозяйствах. Под влиянием кулацкой агитации многие крестьяне перед вступлением в колхоз забивали свой скот. На сокращение поголовья скота несомненно повлияли и извращения принципов коллективизации, выразившиеся в принудительном обобществлении коров, птицы у крестьян. Пролез-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 333.

² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП(б), ч. II, изд. 1933 г., стр. 653.

³ И. В. Сталин. Соч., том 13, стр. 321.

⁴ ЦГА ЧАССР, ф. 202, оп. 8, д. 171.

шие в колхозы кулацкие и прочие антисоветские элементы нанесли большой урон артельному животноводству, искусственно вызывая падеж животных.

В 1933 году наметился некоторый перелом в развитии общественного животноводства. Лошадей стало больше на 1%, крупного рогатого скота — на 5,4%, свиней — на 17%. Это был прямой результат принятых партией мер по организационно-хозяйственному и политическому укреплению колхозов.

В докладе на XVII съезде партии товарищ Сталин - дело подъема животноводства в нашей стране поставил как важнейшую задачу партии и народа. „Дело животноводства должны взять в свои руки вся партия, все наши работники, партийные и беспартийные, имея в виду, что проблема животноводства является теперь такой же первоочередной проблемой, какой была вчера уже разрешенная с успехом проблема зерновая“¹.

Июньский пленум ЦК ВКП(б) (1934 год) установил, по примеру государственного посевного плана, планирование развития животноводства. Пленум поставил перед колхозами задачу расширения и укрепления существующих колхозных животноводческих ферм, создания новых с тем, чтобы все обобщественное стадо было переведено на положение ферм, чтобы каждый колхоз имел свою животноводческую ферму.

Сталинский устав сельскохозяйственной артели, принятый в 1935 году, требует, чтобы каждая артель имела „смешанную животноводческую товарную ферму или в случае наличия большого количества скота несколько специализированных животноводческих товарных ферм“². Одновременно устав определил сколько скота может иметь каждый колхозный двор в личной собственности. Сталинский устав сельскохозяйственной артели, правильно сочетая личные интересы колхозников с интересами государства и общественными интересами колхозов, создал необходимые условия для подъема животноводства.

Огромную роль в развитии колхозно-товарных животноводческих ферм сыграла кредитная помощь, предоставленная советским государством колхозам Чувашии. Только на строительство ферм в 1936 и 1937 гг. колхозы республики получили 1057,6 тыс. рублей государственного кредита³. Всего на развитие животноводства колхозы республики получили за эти два года 6610,9 тыс. рублей кредита⁴.

При помощи советского государства, колхозы добились значительных успехов в развитии общественного животноводства. Из года в год росло число животноводческих товарных

¹ И. В. Сталин. Соч., том. 13, стр. 330.

² Сборник документов по с. х. ОГИЗ — Госполитиздат. 1946 г., стр. 35—36.

³ Архив Сельхозбанка ЧАССР и ЦГА ЧАССР, ф. 202, оп. 12, д 17. л. 255, д. 10 л. 46.

⁴ Там же.

ферм колхозов и поголовья скота в них. Одновременно увеличилось поголовье скота в личной собственности колхозников. Громадную роль в этом деле сыграли указания товарища Сталина на Втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников о том, чтобы каждый колхозный двор в ближайшие два года имел корову.

Советское государство оказало значительную помощь в ликвидации безкоровности колхозников. Только в 1933 году государство выдало колхозникам на эти цели 243 тысячи рублей безпроцентного кредита. Кроме того из колхозных касс взаимопомощи было выдано 263 тысячи рублей. В 1933—1939 годах было передано колхозникам по льготным ценам 37.339 коров и телок¹.

Проведенные партией и правительством мероприятия по организационно-хозяйственному и политическому укреплению колхозов, разрешение зерновой проблемы обеспечили материальную базу для подъема животноводства. Поголовье скота в республике увеличивалось из года в год. Увеличение поголовья скота на колхозных товарных фермах, а также в личной собственности колхозников и в других категориях хозяйств позволило в короткий срок восстановить поголовье, а по некоторым видам скота даже превзойти дореволюционный уровень. В 1938 году численность поголовья продуктивной стада превзошла поголовье 1916 года: крупного рогатого скота на 6,2 процента, в том числе коров на 19 процентов, свиней на 19 процентов. Задерживалось восстановление конского поголовья, овец и коз.

Попытка буржуазных националистов, врагов народа сорвать успешное развитие животноводства не принесло им ожидаемых результатов. Животноводство в колхозах республики уверенно шло в гору.

В 1939 и в 1940 годах ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление „О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах“ и „Об изменениях в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов“. Оба эти решения были направлены на дальнейшее развитие животноводства. Было установлено, что каждый колхоз должен иметь не менее двух животноводческих ферм, из них: одну ферму крупного рогатого скота и другую—овцеводческую или свиноводческую. Для колхозных животноводческих ферм был определен минимум маточного поголовья — коров, свиноматок и овцематок в зависимости от земельной площади, закрепленной за колхозами.

До 1940 года колхозы сдавали государству животноводческие продукты в прямой зависимости от имеющегося поголовья скота. Получалось, что хозяйства, имевшие развитое

¹ По годовым отчетам колхозов.

общественное животноводство и больше животноводческих ферм, сдавали государству много продукции, а колхозы со слабо развитым животноводством имевшие равное, а то и большее количество земли, сдавали государству значительно меньше животноводческой продукции. Такой порядок заготовок не заинтересовывал колхозы в развитии общественного животноводства. Исходя из того, что общественная земля является основным источником производства всех сельскохозяйственных продуктов, партия и правительство изменили систему поставок животноводческих продуктов. Размер сдачи мяса и других продуктов животноводства государству стали исчислять не по наличию поголовья скота, а по размерам земли, находящейся в пользовании артели пашни, в том числе садов и огородов, лугов и пастбищ.

Эти постановления партии и правительства определили пути и темпы дальнейшего развития общественного животноводства в колхозах Чувашской АССР. В развитии общественного животноводства произошли крупные изменения. Лишь за один год, с июня 1939 г. по июнь 1940 года вновь было создано 456 ферм крупного рогатого скота, 166 свиноферм и 549 овцеводческих ферм¹. К июню 1940 года, т. е. через год после принятия постановления, в республике все колхозы имели животноводческие фермы, а многие обзавелись двумя-тремя фермами. В 1940 году уже было 3.452 животноводческих ферм², т. е. вдвое больше чем в 1937 году.

Комплектование животноводческих ферм происходило, главным образом, за счет выращивания приплода от общественного стада и приобретения по контрактации у колхозников. Общественное животноводство в колхозах неуклонно развивалось. С января 1935 года по январь 1941 года крупного рогатого скота в колхозах стало больше на 254%, овец и коз—на 530% и свиней—на 203%.

Средний ежегодный прирост поголовья в колхозах за 5 лет (1933—1938) составлял: по крупному рогатому скоту—2,5%, по овцам и козам—3,8% и по свиньям—7,1%. Это свидетельствует о высоких темпах расширенного воспроизводства животноводства в республике на основе социалистической системы хозяйства.

В республике, как и во всей стране, было положено начало созданию крупного товарного коллективного социалистического животноводства.

Наряду с численным увеличением велась настойчивая работа по подбору и отбору продуктивных животных. Были приняты меры по завозу в республику племенного скота. За первые

¹ Четвертая (юбилейная) сессия Верховного Совета ЧАССР. Стенографической отчет. Изд. Верховного Совета ЧАССР, стр. 117.

² По годовым отчетам колхозов.

три сталинские пятилетки для метизации местного беспородного скота в республику было завезено более 16 тысяч голов племенного скота. В деле улучшения местного беспородного скота большую помощь колхозам республики оказало Советское государство как выделением чистопородных животных, так и кредитом. Только в 1939 году на приобретение племенных производителей было отпущено колхозам 226,9 тысяч рублей, а в 1940 г.—более 250 тысяч рублей¹.

В соответствии с разработанным планом породного районирования метизация скота в колхозах приняла самые широкие размеры и позволила значительно улучшить качественный состав стада. В 1940 году племенной и метизированный скот составлял в поголовье крупного рогатого скота 59%, овец и свиней—79% и в конском поголовье—34%².

Рост поголовья скота и повышение его продуктивности потребовали соответствующего увеличения объема и улучшения качества кормов. Кормовая база колхозного животноводства основывается не только на естественных сенокосах, но и на сеяных травах, кормовых корнеплодах, посевах силосных культур и проч.

В дореволюционный период в Чувашии кормовые культуры не сеялись, а площадь сеяных трав лишь немногим превышала сто гектаров. Резко изменилось положение после коллективизации. В годы первых трех сталинских пятилеток посевы кормовых культур, главным образом многолетних трав, корнеплодов и силосных культур, в структуре колхозных посевов нашли значительное место. В 1940 году, по сравнению 1928 годом, площадь под кормовыми культурами занимала в 10 раз больше. Укосная площадь под многолетними травами в 1940 году, по сравнению с 1928 годом, выросла более чем в 21 раз. Кормовые культуры в 1940 году составили почти 8 процентов к общей посевной площади.

В практику сельского хозяйства прочно вошло силосование кормов. В 1930 году было заложено силоса 1.298 тонн, в 1932 г.—35.928 тонн, а в 1940 году—уже 77.329 тонн³.

Наряду с увеличением площадей под кормовыми культурами, многолетними травами и улучшением лугов повышалась и их урожайность. Если в 1932 году урожай корнеплодов составлял 44 центнера с одного гектара, а сена естественных сенокосов 18,1 центнера с гектара, то в 1937 году было собрано корнеплодов 112 центнеров с гектара, а сена с естественных сенокосов—21,4 центнера с га⁴.

Из года в год увеличивался валовой сбор кормовых корнеплодов, сена сеяных трав и естественных сенокосов, соломы,

¹ По данным Сельхозбанка ЧАССР.

² По данным Министерства сельского хозяйства ЧАССР.

³ ЦГА ЧАССР, ф. 210, оп. 13, д. 42 и годовые отчеты колхозов.

⁴ По годовым отчетам колхозов.

а также фуражных зерновых культур. Улучшалась техника использования кормов и кормление скота. Многие колхозы начали практиковать переработку и подготовку грубых кормов перед скармливанием их скоту.

Однако кормовая база отставала от общего роста животноводства. Несмотря на недостаточную обеспеченность лугопастбищными угодиями, многие колхозы слабо занимались их качественным улучшением. Почти не проводились боронование и перепашка лугов, уничтожение кочек, раскорчовка кустарников, осушение болот. Между тем, проводя только эти мероприятия, колхозы могли бы намного расширить лугопастбищные угодия. В колхозах мало обращалось внимания и на внедрение кормовых севооборотов. Далеко не все колхозы должным образом пользовались корнеплодами.

С развитием продуктивного животноводства в колхозах расширилось строительство скотных дворов. В 1940 году число конюшен выросло до 4.262, из них типовых 2.078, коровников до 1.630, из них типовых 601, телятников до 904, из них типовых 292, свиарников до 1.086, из них типовых 557, овчарен до 834, из них типовых 184¹. Общественный скот колхозов был обеспечен помещениями.

Заботливо подготавливались кадры. В 1940 году на колхозных фермах работало более 20 тысяч колхозников разных специальностей². Они обучались без отрыва от производства на краткосрочных курсах, семинарах и в зоотехнических кружках.

Усилилась ветеринарная помощь колхозам. В 1940 году в Чувашии работало 11 ветеринарно-бактериологических и других лабораторий, 6 мясо-контрольных станций, 2 поликлиники с хирургическим и терапевтическим отделениями, 45 ветврачебных участков, 74 фельдшерских пункта, 3 дезинфекционных отряда. Каждый район имел по 1—2 врачебных участка, по 3—4 фельдшерских пункта. В государственной зооветеринарной сети работало 62 ветеринарных врача, 167 ветеринарных фельдшеров³.

Государственная сеть ветеринарно-зоотехнических учреждений помогла колхозам правильно организовать кормление, содержание и уход за скотом, ликвидировать эпизоотические заболевания.

Советское государство оказало колхозам большую помощь в улучшении ветеринарно-санитарной работы. В 1925—1930 гг. на ветеринарное дело государство отпустило республике более одного миллиона рублей. В 1939 и 1940 годах только на строительство ветучреждений было отпущено более 1,5 млн. рублей

¹ По годовым отчетам колхозов.

² По годовым отчетам колхозов.

³ По данным Министерства сельского хозяйства ЧАССР.

и на противоэпизоотические мероприятия около миллиона рублей¹.

С улучшением качественного состава животных, с развитием кормовой базы и усилением ветеринарно-зоотехнического обслуживания повышалась и продуктивность стада. В 1940 году, по сравнению с 1928 годом, средний годовой удой повысился на 29,6 процента. Но все же достигнутая продуктивность не отвечала задачам создания действительно товарных ферм. На фермах колхозов Украины удой вдвое превышал средние удои коров Чувашии. Да и в самой Чувашии в передовых фермах получали в два раза больше молока, чем в среднем по республике.

На сто имеющихся к началу года коров и нетелей было сохранено и выращено в 1937 году—73,8 телят, а в 1940—80,7 телят. Если до 1928 года суточный прирост телят составлял 247 граммов, то в 1940 году—460 граммов. Средний вес крупного рогатого скота поднялся до 280 килограммов.

Повышалась шерстность овец: в 1928 году средний настриг шерсти с одной головы не превышал килограмма, в 1932 году—1,2 кг., в 1937 году—2,0 кг., в 1940 году—2,2 кг. Рост, по сравнению 1928 годом, в 2,2 раза. Средний вес овец, сданных государству колхозными фермами, составляет 28 кг. Выход ягнят на 100 маток в среднем за 3 года, с 1938 по 1940 год, равнялся 79,5. От каждой свиноматки с 1938 по 1940 год, ежегодно, в среднем получали 7,2 поросенка².

Все эти данные свидетельствуют о непрерывном, хотя и медленном, росте продуктивности скота.

Передовые колхозы имели гораздо лучшие показатели, чем средне-республиканские. В 1940 году по данным годовых отчетов колхозов 954 колхоза получили до 800 литров молока; 222 колхоза от 801 до 1000 литров; 154 колхоза от 1.001 до 1.200 литров; 81 колхоз—от 1201 до 1.600 литров; 13 колхозов—от 1.601 до 2.000 литров и 8 колхозов от 2.001 до 3.000 литров молока на одну фуражную корову.

Сотни передовых колхозников, работников ферм стали добиваться высокой продуктивности животноводства. Доярка колхоза им. Сталина, Алатырского района, Ионина К. М. в 1939 году от каждой закрепленной за ней коровы за год надоила в среднем по 2.834 литра. Доярка колхоза им. М. Горького, Поречского района, Ширманова М. Ф. в 1939 году получила по 2.020 литров в среднем на одну фуражную корову³.

Колхозный строй вырастил немало замечательных передовиков колхозного животноводства. Их успехи в борьбе за высокую продуктивность свидетельствуют об огромных

¹ По данным Сельхозбанка ЧАССР.

² Данные взяты из ЦГА ЧАССР, ф. 210,0 п.13, д. 42; архива Министерства сельского хозяйства ЧАССР и годовых отчетов колхозов.

³ Сборник научных работ, вып. 1, изд. Чувашской зоотехнической опытной станции, 1941, стр. 76, 78.

возможностях в деле дальнейшего повышения продуктивности колхозного животноводства.

До революции птицеводство являлось подсобной отраслью мелкого крестьянского хозяйства. При колхозах птицеводство становится одной из основных отраслей общественного хозяйства. В 1937 году насчитывалось 74 птицеводческих ферм, а в 1940 году количество птицеферм увеличилось до 1.577¹.

Для оказания помощи в развитии птицеводства была создана сеть государственных инкубаторных птицеводческих станций. Общая мощность инкубаторов составляла 330 тысяч яйцемест единовременной закладки. Ежегодно передавалось колхозам 500—600 тысяч цыплят².

За это время проведена значительная работа по улучшению породности кур. В колхозных фермах широкое распространение получили породистые куры, имеющие большую носкость. Росла продуктивность птицеводства.

Пчеловодство существовало до революции только в помещичьих и некоторых кулацких хозяйствах. При Советской власти пчеловодством стали заниматься многие середняцкие хозяйства. Бурно стало развиваться пчеловодство в колхозах. В республике имеется прекрасная кормовая база для пчеловодства,—большая примесь в лиственных лесах липы, заросли дикой малины на вырубках, посевы клевера, гречихи и других трав в полевом севообороте. Первые колхозные пасеки были организованы еще в 1930 году. На 1 января 1940 года уже было 1.333 колхозных пасеки и в них 46.364 пчелосемей. Средний размер колхозной пасеки равен 32,1 пчелосемьям.

Наряду с количественным ростом произошли и качественные сдвиги в пчеловодстве. Колодные ульи уступили место рамочным. Серьезное внимание было уделено улучшению породности пчел, отбору рекордных семей и прочее.

Все эти мероприятия способствовали повышению продуктивности пчеловодства. В колхозных пасеках стали собирать по 7—10 килограммов меда в среднем на одну пчелосемью. Высокой продуктивности добиваются многие пчеловоды. В 1938 году в Красноборской колхозной пасеке, Порецкого района, получили от каждой семьи по 83 кгр. меда. Пасека колхоза им. Крупской, Ибресинского района, от каждой из 130 пчелосемей получила в среднем по 67,8 кгр. меда³.

В 1937 году начали заниматься колхозы и шелководством. Опыт показал полную возможность получения в условиях Чувашской АССР вполне удовлетворительных по качеству коконов дубового шелкопряда. С тех пор эта новая отрасль сельского хозяйства успешно развивалась и за сравнительно короткий

¹ По годовым отчетам колхозов.

² По данным Министерства сельского хозяйства ЧАССР.

³ По годовым отчетам колхозов.

срок шелководство стало на путь массового развития в колхозах республики. С 1940 года выкормкой дубового шелкопряда занимались 35 колхозов.

Высоких успехов добились многие шелководческие бригады. В колхозе „Поженары“, Цивильского района, в 1940 году было получено 4,333 кг. коконов на один килограмм оживленной грены. Рекордный урожай коконов получил колхоз „Чембек“, Чебоксарского района: от выкормленных 0,36 кг. грены получено 160 кг. сырых коконов. В пересчете на килограмм оживленной грены это составляет 546,7 кг. коконов¹.

4. ВАЛОВАЯ И ТОВАРНАЯ ПРОДУКЦИЯ КОЛХОЗОВ

Из года в год растет валовая продукция сельского хозяйства и доходы колхозов².

В общий валовой доход колхоза мы включили стоимость продукции всех отраслей хозяйства, все денежные поступления от заработка на стороне, от подсобных предприятий, страховые вознаграждения за погибшие посевы и скот, проценты и выручки по государственным займам и прочие денежные поступления.

Валовая продукция сельского хозяйства республики, по нашим подсчетам, по сравнению с 1913 годом, выросла (в единых ценах) почти в 3 раза.

В основе роста валовой продукции колхозов лежит развитие новых отраслей производства, рост урожайности и расширение посевных площадей. Начиная с 1930 года в Чувашии стали собирать гораздо больше хлеба, чем в дореволюционное время. В среднем за шесть предвоенных лет (1935—1940 годы) республика ежегодно собирала хлеба на 47 процентов больше, чем в царское время. Еще более разительная картина получается, если взять отдельные годы. В 1937 году было собрано зерновых в два с лишним раза больше, чем в 1913 урожайном году. Такие успехи достигнуты несмотря на то, что еще далеко не во всех колхозах земледелие велось на должном уровне.

Улучшение общей структуры посевов, заметное повышение в посевах удельного веса трав, повышение качества обработки почв, переход к правильным севооборотам и к посевам сортовыми семенами, внесение удобрений и прочие меры по повышению культуры земледелия обеспечили неуклонное повышение урожайности и валового сбора всех культур.

Рост валовой продукции зерновых происходит, главным образом, за счет продовольственных культур. В 1940 году

¹ Примеры взяты из брошюры „Шелководство в Чувашии“ изд. Министерства сельского хозяйства ЧАССР, 1947 г.

² Этот раздел составлен по годовым отчетам колхозов.

пшеницы собрано в 5,8 раза больше, чем в 1913 году. Валовой сбор бобовых возрос более чем в 10 раз.

Расширение производства льна и конопли, махорки, хмеля стало возможным в Чувашии лишь в условиях крупного, высокомеханизированного социалистического хозяйства.

Вместе с расширением площади под техническими и пропашными культурами росла и их урожайность, увеличивался валовой сбор каждой культуры в отдельности. В 1940 году, по сравнению с 1913 годом, валовой сбор волокна льна-долгунца увеличился на 44 процента, льносемян на 20 процентов, коноплеволокна почти в 4 раза, конопли-семян больше чем в три раза, махорки—в 6 раз, картофеля—больше чем в 13 раз, овощей—в 52 раза.

В Чувашии сосредоточено до 7 процентов всей площади хмеля, возделываемого в СССР. По валовому сбору сухого хмеля колхозы республики занимают первое место в РСФСР.

Наряду с абсолютным ростом валовой продукции растениеводства, систематически увеличивается ее доля в расчете на одно колхозное хозяйство, на одного трудоспособного и на один трудодень. В 1940 году, по сравнению с 1934 годом, на каждое хозяйство было произведено вдвое больше валовой продукции растениеводства и на одного трудоспособного—в 2,9 раза. За семь лет вся валовая продукция растениеводства возросла втрое. Произошло это за счет повышения урожайности всех сельскохозяйственных культур.

Валовая продукция растениеводства неизменно росла как абсолютно, так и в расчете на один колхоз, на одно наливное хозяйство и на одного трудоспособного. Если сравнить с тем, что получал крестьянин от своего индивидуального хозяйства в 1928 году, то выходит, что в 1940 году в среднем на каждый колхозный двор приходилось валовой продукции растениеводства в 2,4 раза больше.

Наряду с ростом валовой продукции растениеводства, в результате роста поголовья скота и повышения его продуктивности, из года в год увеличивается валовая продукция социалистического животноводства.

В годы первой сталинской пятилетки, когда только закладывались основы общественного колхозного животноводства, удельный вес валовой продукции от животноводства ко всей валовой продукции сельского хозяйства колхозов занимал незначительное место. В 1929 году он составлял всего 0,09%¹. В годы первой пятилетки начинает расти поголовье общественного скота. Вместе с тем увеличивается и удельный вес валовой продукции от социалистического животноводства, дойдя

¹ ЦГА ЧАССР, ф. 210, оп. II, д. 147, л. 27.

к концу пятилетки, в 1932 году, до 1,7% всей валовой продукции сельского хозяйства колхозов¹.

Сравнительно большое увеличение валовой продукции от животноводства происходило в годы второй пятилетки. С 1933 года по 1937 год удельный вес продукции животноводства увеличился в 8,3 раза и к 1 января 1938 года составлял 14,21% всей валовой продукции сельского хозяйства колхозов.

Валовая продукция общественного колхозного животноводства в расчете на колхозное хозяйство в единых ценах составляла: в 1937 г.—21 руб. 54 коп., 1940 году—69 руб. 39 коп. За три года валовая продукция животноводства в расчете на колхозный двор выросла более чем в 3 раза.

Валовая продукция животноводства в натуре с 1932 по 1940 год выросла: продукция убоя только колхозного скота—более чем в шесть раз, молока—в 120 раз, масла—в пять раз, шерсти—почти в 56 раз, яиц—более чем в 7 раз.

Такой рост валовой продукции общественного животноводства и птицеводства колхозов объясняется не только ростом поголовья, но и улучшением качества скота и некоторым повышением его продуктивности.

Увеличивалась валовая продукция пчеловодства. Ежегодный средний валовой сбор меда за десять лет составлял около 320,0 тысяч кг., а воска до 10 тысяч кг. В 1941 году валовой выход меда по республике составил 481,8 тысяч кг.

С ростом валовой продукции сельского хозяйства резко возросла и его товарность. В 1932 году Чувашия дала товарного хлеба на 9.593 тонны больше, чем она дала в самом урожайном 1913 году.

Резкий рост товарной продукции сельского хозяйства республики произошел в годы второй сталинской пятилетки. За годы второй пятилетки товарная продукция зерновых хлебов по всем секторам, по сравнению с последним годом первой пятилетки, выросла на 14,1%. Размер товарной продукции махорки увеличился в 5,6 раза, коноплесемян—в 2,4 раза, льноволокна—в 1,2 раза, коноплеволокон—в 5,8 раза, мяса—в 2,4 раза, кожсырья—в 1,2 раза, шерсти—в 1,9 раза, яиц в 1,7 раза, молока—в 5,3 раза, овощей—в 2,4 раза³.

Общественное хозяйство — основной источник благосостояния колхозного крестьянства. С ростом колхозного производства, повышением его товарности повышается и зажиточность колхозников. В этом одна из главнейших особенностей социалистического хозяйства. Во второй пятилетке колхозы, расширяя свое общественное производство, повышая его товарность, не только успешно выполняли все свои обязатель-

¹ ЦГА ЧАССР, ф. 210, оп. 11, д. 147, л. 27.

² По годовым отчетам колхозов.

³ По данным годовых отчетов колхозов.

ства перед государством, но и увеличивали ту часть колхозной продукции, которая поступала в распределение по трудодням. В последние годы второй пятилетки более трети всего валового сбора зерна поступало для распределения по трудодням. Так, в соответствии с основным экономическим законом социализма из года в год улучшалось материальное благосостояние колхозников республики.

В 1940 году Чувашия дала стране товарного хлеба в порядке обязательных поставок государству и уплаты за работу МТС на 83,5% больше, чем в 1913 году и на 36,5% больше чем в 1937 году. С учетом продажи хлеба колхозами на колхозном рынке размеры товарного хлеба повышаются.

Наряду с ростом товарной продукции зерновых и бобовых культур увеличилась товарная продукция и других отраслей сельского хозяйства. Так, общий объем товарной продукции технических культур в 1940 году вырос против 1937 года по льносемени—на 8%, по коноплесеми—на 30,9%, по льново-локну—на 0,3%, по коноплеволокну—на 6,4%, по махорке—на 44,6, по картофелю—на 154,6%, по овощам—на 220,1%, по мясной продукции—на 10,8%, по молоку—на 1,4%, по яйцам—на 22,1%, по шерсти—на 21,1%.

В 1939 году товарность льносемян составляла 43,4%, льноволокна — 56,2%, коноплесемян — 27,1%, коноплеволокну—22,3%, махорки—почти 100%, хмеля—почти 100%. Товарность овощей, возделываемых колхозами, равняется 54,3%, картофеля—31,3%.

Растет товарность и социалистического животноводства колхозов. В 1940 году товарная продукция животноводства колхозов составила по мясу и салу 51,7%, молоку—65,2%, шерсти—83,8%.

Реализация товарной продукции растениеводства и животноводства обеспечила в 1940 году денежный доход на колхозное хозяйство в 8 раз больше, чем доход крестьянского хозяйства в 1928 году.

В подсчетах не учтена та часть товарной продукции, которую колхозники, получая по трудодням, реализуют на колхозных рынках. С учетом этой части как товарность колхозов, так и полученный доход на одно хозяйство будут выше.

Быстрый рост товарной продукции и товарности колхозов республики опрокинул все предсказания буржуазных националистов о невозможности поднять товарность сельского хозяйства Чувашии на основе колхозов.

Более высокую товарность хозяйства имеют передовые колхозы республики. Они намного больше сдают продукции государству, а общая товарность с 1 га земли превышает рядовые колхозы: по зерну в 2—3 раза, по овощам в 1,25 раза

и более, по продуктам животноводства—по молоку в 1,5—3 раза и по мясу в 3 раза и более.

Показатели высокой товарности в передовых колхозах говорят о больших возможностях, какими располагают колхозы для еще большего повышения товарности сельского хозяйства республики.

5. РАЗВИТИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА КОЛХОЗОВ

Общественная собственность колхозов возникла в результате обобществления крестьянами, вступившими в колхозы, их средств производства. Дальнейший рост общественной собственности колхозов происходит за счет коллективного труда колхозников, роста его производительности и помощи со стороны социалистического государства. Наиболее существенную помощь колхозам государство оказывает через МТС.

Мелкотоварное крестьянское хозяйство, указывал товарищ Сталин, было не способно к расширенному воспроизводству, оно очень редко имело возможность осуществлять даже простое воспроизводство. Социалистическое сельское хозяйство Чувашии, как и всей нашей великой страны, развивается на основе расширенного воспроизводства. „...Марксистская теория воспроизводства учит,—говорил товарищ Сталин в речи на конференции аграрников-марксистов в 1929 году,—что современное общество не может развиваться, не накапливая из года в год, а накапливать невозможно без расширенного воспроизводства из года в год“¹.

На основе роста технического вооружения сельского хозяйства и повышения производительности труда, введения новых культур и отраслей, улучшения обработки земли колхозы повышали урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота. Это позволило расширять производство всех видов продукции. На этой основе непрерывно росли доходы колхозов и колхозников.

Общий валовой доход колхозов республики, по нашим подсчетам, в 1940 году, по сравнению с 1934 годом, вырос более чем в три раза.

При росте общего дохода колхозов в 1940 году, по сравнению с 1934 годом, в 3,12 раза, в расчете на один колхоз он увеличился в 3,24 раза, в расчете на один наличный двор—в 2,15 раза и на одного трудоспособного—в 2,17 раза. Эти данные свидетельствуют о высоких темпах расширенного воспроизводства и накоплений в колхозах, о подъеме материального уровня жизни колхозников.

Основную часть дохода колхозы республики получают от растениеводства. Несмотря на рост общественного животноводства

¹ И. В. Сталин. Соч., том 12, стр. 144.

в колхозах, эта отрасль сельского хозяйства отставала в своем развитии, вследствие чего ее удельный вес в общем доходе колхозов составлял в 1940 году всего лишь 8 процентов. Очень небольшой удельный вес в общем доходе колхозов занимали в 1940 году и доходы от подсобных предприятий.

С ростом товарности колхозного производства увеличиваются и денежные доходы и роль их в общих доходах колхозов. Денежные доходы колхозов в 1940 году выросли более чем в четыре раза против 1934 года и составляли 40% общих доходов колхозов.

Представляют интерес данные об основных источниках поступления денежных доходов, что видно из структуры денежных доходов колхозов за 1940 год. Получено: от растениеводства—43,4%, животноводства—13,5%, подсобных предприятий—6,9%, заработков на стороне—18,4%, прочих доходов—17,8%.

Растениеводство не только дает основную часть денежных доходов, но отличается более высокими темпами роста. В растениеводстве на первом месте стоят доходы от полеводства, главным образом, от зернового хозяйства. Увеличиваются поступления от реализации продуктов огородничества, садоводства и хмелеводства, являющихся товарными отраслями сельского хозяйства.

По удельному весу денежные доходы от общественного животноводства занимали небольшое место, но абсолютно они выросли, например, за три года (1937—1940 гг.) более чем в полтора раза. Общественное животноводство постепенно превращалось в товарную отрасль колхозного производства.

Задача колхозов—правильно сочетать высокотоварное полеводство с другими отраслями сельского хозяйства и, прежде всего, с животноводством.

Одним из условий организационно-хозяйственного укрепления колхозов является правильное распределение доходов. Пункт 12 устава сельскохозяйственной артели требует от правления колхоза обеспечить полное и первоочередное выполнение всех обязательств колхоза перед государством, покрыть все производственные расходы, создать натуральные фонды (семенные, фуражные, страховые) и определить размеры накопления и потребления. Годовые отчеты показывают, что подавляющее большинство колхозов строго выполняет требование этого пункта устава сельскохозяйственной артели. Они ежегодно полностью и досрочно рассчитываются с государством по обязательным поставкам, натуроплате за работу МТС, создают в необходимом количестве семенные, фуражные и другие фонды, а оставшуюся часть валового сбора распределяют по трудодням.

Колхозы республики, рассчитываясь с государством за работу МТС в форме натуроплаты, возмещают значительную часть государственных средств производства, затраченных в колхозах,

и создавая семенные и фуражные фонды, восстанавливают колхозные средства производства.

Единоличный крестьянин большую часть своего дохода должен был выделять на покрытие производственных нужд хозяйства, главным образом, на семена. Только в колхозах распределение доходов обеспечивает планомерное восстановление всех сделанных затрат, одновременное расширение производства за счет роста накоплений и систематическое улучшение материального и культурного благосостояния колхозников.

Большую часть производственных расходов 1940 года составили расходы на материальные затраты (55,2%). Материальные затраты производственного характера увеличиваются из года в год, обеспечивая расширенное воспроизводство в колхозах. Так, затраты на покупку горючего и смазочных выросли в 1940 году, по сравнению с 1935 г., более чем в два раза, на покупку минеральных удобрений—более чем в 3 раза, на покупку материалов на строительство и ремонт построек и инвентаря—более чем в два раза.

Наряду с ростом общего дохода колхозов выросли и размеры тех частей, на которые распределяется общий доход: фонд накопления и восстановления (поставки и платежи государству, отчисление в неделимый фонд, накопления в животноводческой отрасли, в оборотных средствах и в капитальном строительстве, уплата МТС, семенные и фуражные фонды, производственные затраты) и фонд потребления (часть общего дохода, идущая на выдачи колхозникам за трудодни натурой и деньгами, на строительство детских садов и яслей, родильных домов и т. д.). Распределение общего дохода полностью обеспечивает расширенное воспроизводство в колхозах.

В составе общего дохода фонд потребления вырос за время с 1934 по 1940 год более чем в 3,4 раза, фонд накопления почти в 6,3 раза. Только при колхозном строе стало возможным одновременное увеличение потребления и накопления.

Важнейшим условием повышения доходности общественного хозяйства колхозов является систематический рост и умножение их общественной собственности. Это происходит путем периодического обращения части доходов колхозов на цели накопления. За счет накопления определенной части колхозных доходов ежегодно пополняются общественные фонды колхозов, которые составляют материальную основу расширенного социалистического воспроизводства в колхозах.

В доходы колхозов, поступающие в фонд накопления, включаются отчисления в неделимый фонд, накопления в капитальном строительстве в виде затрат трудодня, в оборотных средствах, в животноводстве (приплод и прирост скота), материальные ценности, созданные колхозом при помощи долгосрочных и натуральных ссуд государства, и накопления средств

колхоза, передаваемые в государственные доходы в виде сельскохозяйственного налога, обязательного страхования и прочих обязательных платежей государству. В 1934 году накопления в колхозах составили 18,5% общего дохода колхозов, в 1937 году—37,1%, в 1940 году—37,7% общего дохода колхозов. Накопления в расчете на один колхоз в 1934 г. составили 5,7 тысяч рублей, в 1937 году—27,2 тысяч рублей, в 1940 году—37,6 тысяч рублей. Накопления колхозов дают возможность укреплять и расширять колхозное производство.

Укрепление и расширение общественного хозяйства колхозов происходит не за счет ущемления благосостояния колхозников, а в интересах дальнейшего повышения их благосостояния, за счет роста производительности труда колхозников и доходности колхозов. Основные доходы колхозники получают от общественного хозяйства. Поэтому необходимо всемерно развивать и умножать общественное богатство колхозов, их общественную социалистическую собственность.

Большую часть накоплений в колхозах составляют накопления, идущие на расширение общественного хозяйства колхозов (68,6%). Они состоят из отчислений в неделимый фонд, страховых фондов, из прироста семенного и фуражного фондов, прироста и приплода скота, прироста посевов и трудовых вложений колхозников в капитальное строительство. 31,4% накоплений поступили в 1940 году в общий государственный фонд накопления.

Размеры накоплений на один наличный двор, входящий в колхозы, в 1940 году составили: внутриколхозные 261 руб., идущие в общегосударственный фонд накоплений—120 руб., а всего 381 рубль; на 1 колхоз: внутриколхозные—25,8 тысяч рублей, идущие в общегосударственный фонд накопления—11,8 тысяч рублей, а всего—37,6 тысяч рублей.

До революции большинство крестьянских хозяйств (бедняцких и середняцких) не только не имело накоплений, но и не имело возможности прожить на доходы от своего хозяйства и поэтому вынуждено было или идти на заработки в город, или в кабалу к кулаку, или за гроши на дому заниматься кустарным промыслом на предпринимателя.

Во всех колхозах накопления растут из года в год. Но следует отметить, что в передовых колхозах накопления, приходящиеся на один двор, намного выше, чем в среднем по республике. В колхозе им. Сталина, Вурнарского района, в расчете на один двор приходилось накоплений 3.250 руб. Этот пример свидетельствует об огромных возможностях в части ускорения темпов расширенного воспроизводства, какими располагают колхозы республики, расширяя свое общественное хозяйство, укрепляя свою социалистическую собственность. Этим самым создается более высокая материальная база для роста зажиточности как колхозов, так и колхозников.

Основной частью колхозных накоплений является неделимый фонд, пополняемый ежегодными отчислениями из денежных доходов артели в размере 12—15%. На эти средства колхозы приобретают сельскохозяйственные орудия и скот, строительные материалы, возводят производственные постройки и сооружения для расширения общественного хозяйства. Неделимые фонды колхозов республики увеличиваются из года в год. Рост неделимых фондов—один из важнейших показателей расцвета общественного хозяйства и увеличения артельного богатства.

С 1934 по 1940 год неделимый фонд колхозов увеличился в 3,8 раза. Ежегодно колхозы отчисляли на пополнение неделимых фондов 20—30 и более млн. рублей.

В среднем на один колхоз неделимого фонда приходилось в 1937 году—47,4 тысяч рублей, в 1940 г.—92,3 тысяч рублей. В крупных передовых колхозах республики еще больше. Так, в колхозе имени Сталина, Вурнарского района, он составил в 1940 году 258,5 тысяч рублей.

Неделимые фонды колхозов складываются и пополняются за счет обобществленного имущества, вступительных взносов, ежегодных отчислений в неделимый фонд от денежных доходов колхозов, стоимости приплода и прироста животных, накоплений в строительстве, безвозмездно полученного имущества. За счет колхозных накоплений растет колхозная общественная собственность, осуществляется расширенное социалистическое воспроизводство в колхозах.

Несомненно, расширенное воспроизводство в колхозах Чувашии осуществлялось, в первую очередь, за счет огромной помощи Советского государства. Но, наряду с этим, по мере роста и укрепления общественного хозяйства колхозов, колхозы увеличивали свои общественные накопления и этим самым умножали и укрепляли свою материально-производственную базу—колхозную социалистическую собственность, являющуюся незыблемой основой колхозного строя.

Вложения Советского государства на капитальное строительство в сельское хозяйство Чувашии росли из года в год. Так, в течение первой пятилетки было вложено 23 миллиона рублей, за годы второй пятилетки—32,1 млн. руб. и за три года третьей пятилетки—около 25 млн. рублей.

Одновременно росли вложения самих колхозов. Только с 1937 по 1940 год колхозами было вложено в основные фонды более 100 млн. рублей. Капитальные затраты на один колхоз составили в 1937 г.—13,7 тысяч рублей, а в 1940—20,5 тысяч рублей. До начала массового колхозного движения (за 1925—1929 годы) в сельское хозяйство республики было вложено всего 68 млн. рублей. В 1940 году, т. е. только за один год, колхозы вложили только в капитальное строительство более 30 млн. рублей.

Размеры капитальных вложений в общественное колхозное производство—яркий показатель роста и укрепления общественного хозяйства колхозов республики. Как видно из приведенных данных, за время с 1937 по 1940 год размеры капитальных затрат выросли почти в 2 раза.

Капитальные затраты идут целиком на расширение основных фондов. В первые годы коллективизации большая часть капитальных затрат шла на покупку рабочего и продуктивного скота и так называемые прочие капитальные затраты. В последующие годы, наряду с затратами на покупку рабочего и продуктивного скота, основные затраты производились на новое строительство и капитальный ремонт сельскохозяйственных машин и оборудования.

За десять предвоенных лет колхозы республики возвели большое количество животноводческих построек, зданий культурно-бытового назначения и т. д. В 1940 году в колхозах насчитывалось 4.262 конюшни, 1.630 коровников, 904 телятника, 1.086 свиарников, 834 овчарни, 16.561 зерно-овощехранилище и 3.508 других хозяйственных построек, 1.524 здания культурно-бытового назначения, не считая зданий правлений колхозов¹.

Основным источником капитальных затрат являются отчисления в неделимый фонд, которые в структуре поступления доходов на капиталовложения занимают до 35%. Затем идут поступления от продажи рабочего и продуктивного скота, имущества (20,6%), долгосрочные ссуды (12%). Советское государство оказывает огромную помощь колхозам республики не только отпуском долгосрочных и краткосрочных кредитов, но и вложениями в МТС, которые выполняют в колхозах важнейшие работы. За предвоенные 10 лет МТС республики получили от государства десятки миллионов рублей безвозвратных вложений на строительство хозяйственных построек. Миллионы рублей идут на расширение их основных средств производства.

В результате высоких темпов социалистического накопления колхозы республики становились все богаче. Показательными в этом отношении являются данные о росте основных средств производства (без культурно-бытовых и жилых построек) в колхозах. Основные средства производства колхозов с 1934 по 1940 год выросли более чем в 3 раза.

Все это свидетельствует о том, что колхозы республики в годы первых трех сталинских пятилеток вложили большие средства в свое общественное хозяйство. Колхозы возвели десятки тысяч общественных построек, вложили десятки миллионов рублей на приобретение сельскохозяйственных машин и инвентаря, намного увеличили поголовье продуктивного и рабочего скота.

¹ По данным архива Министерства сельского хозяйства ЧАССР.

Общая стоимость основных средств социалистического сельского хозяйства республики в 1940 году, по сравнению с 1934 годом, выросла почти в четыре раза.

Основные средства производства МТС, совхозов и колхозов растут из года в год. Средства производства МТС играют ведущую роль в колхозном производстве. Через МТС государство вооружило колхозы новейшей техникой, которая не только облегчила труд колхозного крестьянства, но и намного подняла его производительность, а это, говорил Ленин, является самым главным, самым важным для обеспечения полной победы нового общественного строя.

За годы колхозного строительства накануне Великой Отечественной войны в сельском хозяйстве Чувашии под руководством Коммунистической партии, при повседневной помощи Советского государства и великого русского народа произошли грандиозные изменения.

Задача колхозников республики—всемерно развивать и укреплять свое общественное хозяйство, умножать свое общественное богатство, памятуя, что рост общественного богатства каждого колхоза является основой процветания колхозного строя и подъема материального и культурного уровня жизни всех колхозников.

* * *

Социалистическое сельское хозяйство и колхозы республики с честью выдержали тяжелые испытания Великой Отечественной войны. Сельскохозяйственное производство не сократилось, как это было в период первой мировой войны, а возросло. На основе успехов, достигнутых сельским хозяйством в период первых трех сталинских пятилеток, усилиями колхозников и работников машинно-тракторных станций в годы войны был почти сохранен довоенный уровень урожайности зерновых культур, а урожайность картофеля даже повышена.

Однако война не могла не отразиться на сельском хозяйстве республики. Особенно на состоянии сельского хозяйства сказалась засуха 1946 года, охватившая всю республику.

С помощью партии и Советского государства сельское хозяйство республики за очень короткий срок превысило довоенный уровень. Колхозники Чувашии горды тем, что в разрешении зерновой проблемы есть доля их труда. Колхозы республики собирают теперь хлеба на сотни тысяч пудов больше, чем до войны. Одновременно с ростом и развитием зернового хозяйства колхозы добились увеличения производства технических культур, картофеля, овощей и кормовых культур. Намного выросло поголовье общественного скота. Еще на начало 1951 года по сравнению с 1940 годом поголовье крупного рогатого скота выросло почти на 83 процента, овец—на 217 процентов, свиней—на 135 процентов.

Достижения сельского хозяйства, как и всей советской экономики, в послевоенном развитии снова и снова демонстрируют великие преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической. Созданный под мудрым руководством товарища Сталина колхозный строй открыл неограниченные возможности для расцвета производительных сил сельского хозяйства, для повышения материального благосостояния трудящихся деревни.

В работе „Экономические проблемы социализма в СССР“ товарищ Сталин показал, что решающим условием для колоссального развития производительных сил нашего сельского хозяйства за последние 20—25 лет явилась замена старых капиталистических производственных отношений в деревне в тридцатых годах новыми, коллективизированными производственными отношениями. Далее, товарищ Сталин показал, что источником колоссального роста сельскохозяйственного производства нашей страны являются современная техника, многочисленные современные машины, обслуживающие все отрасли производства и сосредоточенные в МТС. Машинно-тракторные станции, организованные партией и правительством на основе экономических законов социализма, явились наилучшей формой помощи колхозам и руководства ими в деле социалистического преобразования сельского хозяйства.

Ныне советская страна вступила в период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Товарищ Сталин в своем гениальном произведении „Экономические проблемы социализма в СССР“ раскрыл закономерности колхозного движения в период постепенного перехода от социализма к коммунизму, показал, что для перехода от социализма к коммунизму первостепенное значение имеет вопрос о повышении колхозной собственности до уровня общенародной собственности, с исключительной глубиной раскрыл действительный путь подъема колхозной собственности до уровня общенародной собственности. Для того, чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, учит товарищ Сталин, нужно исключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами. Это требует предварительного создания необходимых предпосылок. Постепенный переход к продуктообмену даст новые стимулы к более быстрому росту общественного хозяйства сельскохозяйственной артели и тем самым ускорит и подготовку необходимых условий для перехода к сельскохозяйственной коммуне.

Для перерастания артели в будущую коммуну важнейшее значение имеет организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Необходимо и дальше непрестанно вооружать колхозное производство первоклассной машинной техникой МТС, овладевать в совершенстве этой техникой. Нужно обеспечи-

вать высокое плодородие почвы и обильные высокие урожаи всех сельскохозяйственных культур. Настойчиво укреплять и всемерно развивать мощное многоотраслевое общественное хозяйство колхозов. Следует обеспечить все отрасли сельского хозяйства высококвалифицированными кадрами. Изо дня в день укреплять дисциплину труда в колхозах и все шире развивать социалистическое соревнование.

Руководствуясь указаниями товарища Сталина, XIX съезд партии наметил в области сельского хозяйства ряд важных мероприятий, осуществление которых явится новым крупным шагом в строительстве коммунистического общества в нашей стране.

В. Г. ЕГОРОВ,
доктор филологических наук

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧУВАШ И ИХ ЯЗЫКА*

Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества.

Язык, как средство общения, всегда был и остается единым для общества и общим для его членов языком. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений.

И. В. Сталин.

1. ЗНАЧЕНИЕ ТРУДА И. В. СТАЛИНА «МАРКСИЗМ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» В ДЕЛЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ЯЗЫКА ЧУВАШСКОГО НАРОДА.

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания произвели глубокий переворот не только в области лингвистики, но и в области исторических наук. Товарищ Сталин с предельной ясностью показал, что учение Н. Я. Марра как о языке, так и о развитии племен, народностей и наций было в корне порочным и не имело ничего общего с марксистской методологией. Он указывает нам правильные научные пути к изучению любого языка. Товарищ Сталин говорит, что „язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“¹. Хотя, к великому сожалению, первоначальное происхождение чуваш и начальные периоды истории чувашского народа и его языка вплоть до XVI века скрываются во мраке неизвестности, тем

* Печатается в порядке обсуждения. *Ред.*

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат 1950 г., стр. 22.

не менее и в этом случае указания товарища Сталина помогают нам путем сопоставления данных языка с данными археологии, антропологии и этнографии восстановить темные страницы древней истории чувашского народа и чувашского языка, частично восстановить и лексику и некоторые фонетические и грамматические явления древнего времени. Теперь и перед научными работниками Чувашии открылись широкие возможности изучения истории своего народа и его языка в свете руководящих указаний товарища Сталина. До выступления И. В. Сталина чувашское языкознание всецело находилось в плену антимарксистской лингвистической теории Н. Я. Марра. Последний произвольно заявлял, что „чувашский язык является одним из древнейших яфетических языков Восточной Европы, что он представляет этап состояния яфетических языков еще до выделения семитических языков“¹. Вопросы языка неотделимы у Марра от вопросов этногенеза. О происхождении чуваш и языка их Марр писал чрезвычайно сумбурно. Опираясь на свой излюбленный четырехэлементный палеонтологический анализ, он огульно утверждал, что „чуваши по названию шумеры“², „чуваши—месопотамские субары“³, „геродотовские туссагеты“⁴, „чуваши—это наши баски“⁵, „чуваши—сарматы“⁶. Чуваш он сближал также с хеттами, с древними армянами и грузинами, отождествлял их с историческими хазарами, с волжскими булгарами и суварями⁷ и язык их рассматривал как остаток булгаро-хазарской группы языков средневековья⁸.

Особенно грубым извращением исторической истины являлись попытки Н. Я. Марра доказать огромную доисторическую роль чувашского языка и чувашского эпоса в оформлении русского языка и русского эпоса. „Чувашский вклад в русскую речь,—говорит он,—чрезвычайно значителен и поучителен“⁹. Многим исконно русским словам, как юг, огонь, окно, око, конь, гонягъ, посылать, посол, сила и др., а также русскому „аканью“ он приписывает чувашское происхождение¹⁰. Не ограничиваясь этим, он далее заявляет, что чувашские материалы разъясняют имена трех братьев „Сказания о призвании варягов“, что герой русских былин Добрыня является суздало-волжско-камским племенным тотемным божеством шумеров или чуваш¹¹.

¹ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 330.

² Там же, стр. 331.

³ Там же, стр. 401, 404.

⁴ Там же, стр. 332—333.

⁵ Там же, стр. 286, 328.

⁶ Там же, стр. 367.

⁷ Там же, т. II, стр. 186, т. V, стр. 361, 364, 369.

⁸ Там же, т. I, стр. 212.

⁹ Там же, т. V, стр. 333, 335.

¹⁰ Там же, стр. 336.

¹¹ Там же, стр. 334.

Все эти утверждения Марра стоят далеко от истины, они не имеют ничего общего с подлинной наукой. Только пылкая фантазия, опирающаяся на вседоказующий палеонтологический анализ по элементам и полное игнорирование сравнительно-исторического метода могли его привести к столь абсурдным выводам. Он своими крайне расплывчатыми высказываниями по вопросам этногенеза и языка чуваш внес в чувашское языкознание и историю теоретическую неразбериху и путаницу взглядов.

Некоторые исследователи чувашского языка, идя за Марром, сразу же наталкивались на трудности увязать чувашский язык с указываемыми Марром якобы родственными с ним языками. Серьезный же научный анализ языковых фактов совершенно не в состоянии был установить материальное родство чувашского языка ни с шумерским, ни с басским, ни с кавказскими языками. Наоборот, здесь настойчиво напрашивалось родство с тюркскими языками, но говорить об общетюркских элементах в чувашском языке было нельзя: оно приравнивалось к признанию и пропаганде праязыка. Отсюда полный застой в чувашском языкознании.

2. ТРУДНОСТИ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧУВАШ И РАЗНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ УЧЕНЫХ ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ

Ввиду полного отсутствия исторических данных о чувашах решение вопроса о происхождении и этнической принадлежности их представляет большие трудности. В настоящее время хотя и окончательно установлено, что чувашский язык по своему словарному составу и грамматическому строю принадлежит к тюркским языкам, но вопрос о происхождении его, о первоначальном субстрате все еще остается открытым, спорным за отсутствием древних памятников языка и исторических данных. История была крайне немилостива к чувашам и языку их. В течение целого ряда веков они оставались в полном забвении и неизвестности, как бы в положении народа без роду и племени. Обошел их полным молчанием готский историк VI века Иордан, отметивший в своем сочинении „*De origine actibusque Getarum*“ соседящие с чувашами народности — черемис и мордву. Ничего не говорит о чувашах и хазарский каган Иосиф в своем известном письме (X в.) к испанскому вельможе Хасдаю Ибн-Шафрута, где перечисляются им платившие ему дань народы Поволжья: буртасы, булгары, сувары, ариса (т. е. эрзя), цармис (т. е. черемисы) и др¹. Умалчивает о них и „Начальная летопись“, где под 859 годом читаем: „А се суть инии языци,

¹ П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в. Изд. Академии Наук. 1932, стр. 89.

иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Вель, Мурома, Мещера, Черемиса, Мордва“, не упоминают о них и арабские писатели и географы средних веков: Ибн-Фадлан, Мукадесси, Истахри, Якут и др. Чуваши становятся известными в истории только с XVI века в связи с наступательным движением русского войска по Волге к Казани. Даже после вступления чуваш в состав Русского государства, их долго смешивали то с марийцами (черемисами), то с татарами. Напр., в „Сказании о взятии Казани“—памятнике XVI века, читаем: „Егда же переплавишася Суру реку, тогда и Черемиса горняя, а по их Чуваши зовомые, язык особливый, начаша встречати по пятисот и по тысяще их, аки бы радующеся цареву пришествию“¹. В русских исторических документах XVI, XVII и даже начала XVIII века до первой ревизии (1722 г.) чуваш часто смешивали также с татарами.

Все это сильно затрудняло правильное решение вопроса о происхождении чуваш и языка их. Многие историки, этнографы и лингвисты интересовались этим вопросом и принимались за него, но не могли прийти к определенному, более или менее удовлетворительному решению. Например, академик Георги и все писавшие о чувашах на основании его „Описания путешествия“², а также историки Н. М. Карамзин³ и Н. И. Полевой⁴ причисляли чуваш к финскому племени. Казанская писательница А. Фукс⁵ и мадьярский этнограф Hunfalvy⁶ считали чуваш потомками древних хазар, казанский этнограф В. Сбоев⁷ относил их к буртасам. А иные историки не прочь были признать в них потомков грозных авар, появившихся в в южной Европе в половине VI века и наводивших ужас на некоторые славянские племена⁸. Академик Бартольд сближал чуваш с древними хуннами. „Древнейшими историческими предками чувашей,—писал он,—придется признать хуннов, выступающих в истории Китая в III веке до нашей эры“. По его мнению, чуваш являются „остатком того первого по времени переселенческого движения из Средней Азии в Европу, главными представителями которого были хунны“⁹.

¹ Сказания князя Курбского. Изд. 2-е Устрялова. 1842, стр. 16. Сочинения князя Курбского. 1. СПб. 1914, стр. 178.

² Georgi Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. 1775, II, 849—856.

³ Н. М. Карамзин. История государства российского, изд. Смирдина, 1833, т. 1, стр. 35 и примечание 73 в приложении к 1 тому.

⁴ Н. И. Полевой. История русского народа. I, стр. 45, Москва, 1829.

⁵ А. Фукс. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. 1840.

⁶ Die Ungern oder Magyaren. 1881, SS. 55—62; Ethnographie von Ungarn. 1876, S. 266.

⁷ В. Сбоев. Исследования об инородцах Казанской губернии. 1856.

⁸ К вопросу о происхождении чуваш. Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1927, № 4, стр. 135—146.

⁹ Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народов, 1926, стр. 5.

3. ТЕОРИЯ БУЛГАРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧУВАШ И ЕЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

Наибольшей популярностью в ученом мире, однако, пользовалась до последнего времени теория болгарского происхождения чуваш. Она зарождается в 30-х годах XVIII столетия. Первый высказался в пользу этой теории историк В. Н. Татищев. Он в своей „Истории российской с самых древнейших времен“ признает чуваш за потомков волжско-камских болгар. „Вниз по реке Волге,—пишет он,—чуваши, древние болгары, наполняли весь уезд Казанской и Симбирской“¹. Позднее лектор Восточного факультета Петербургского университета Хусейн Фейзханов, работавший под руководством академиков Дорна и Казембека, первый обнаруживает чувашские слова в болгарских надгробных надписях. В опубликованной им в 1863 г. статье „Три надгробных болгарских надписи“² он загадочные слова „джиати джюр“, встречавшиеся на многих памятниках и служившие камнем преткновения для других ученых, расшифровал очень легко и про то как чувашские слова „сичё сёр“—семьсот, т. е. семисотый год мусульманского летоисчисления.

До него проф. И. Н. Березин, ошибочно приняв их за арабские слова, переводил их как „пришествие угнетения“ и строил невероятные догадки какого-то каббалистического характера. „Ясно,—писал он,—что этот год был ознаменован каким-то особенным событием и притом не в одном Булгаре, но и во всех болгарских владениях... Сложив буквы анаграммы, „джиати джюр“ по численному их значению, мы получим 623-й год гижры или 1226 г. нашего летоисчисления. Этот год ясно указывает на нашествие монголов...“³ Эта ошибка нашла себе место и в наши дни у проф. А. В. Арциховского в „Введении в археологию“, где мы читаем: „На надгробиях часто встречается одна и та же странная дата „год пришествия угнетения“. Это год монгольского завоевания“⁴. В данном случае мы имеем яркий пример недостаточности одних лингвистических данных при решении серьезных научных вопросов, пример того, что лингвистические материалы необходимо увязывать с данными других источников.

Точку зрения Фейзханова поддерживали Н. И. Ильминский⁵,

¹ Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, 1768, стр. 317.

² Хусейн Фейзханов. Три надгробных болгарских надписи. „Известия Археол. об-ва“, т. IV, 1863, стр. 395—404.

³ И. Н. Березин. Булгар на Волге. Ученые записки Казанского ун-та за 1852 г., кн. III, стр. 74—160.

⁴ А. В. Арциховский. Введение в археологию, 1947, стр. 166.

⁵ Н. И. Ильминский. О фонетических отношениях между чувашским и тюркскими языками. „Известия Археол. об-ва“, т. V, 1865, стр. 80—84.

акад. Куник¹, проф. Н. И. Ашмарин², акад. А. А. Шахматов³, а за ними и иностранные ученые Howorth⁴, Gombocz⁵ и др. И в науке, таким образом, стало постепенно укрепляться мнение, что чуваша—потомки древних волжско-камских болгар и что язык чувашский представляет собой новый этап в развитии древнеболгарского языка.

С течением времени, однако, выявилась несостоятельность и болгарской теории. Появились данные археологического, лингвистического и этнографического характера, свидетельствующие о существовании предков чуваш на нынешней территории задолго до прихода сюда болгар. Чувашский язык по этим данным является не всецело болгарским языком, в нем имеются в небольшом количестве добулгарские, нетюркские элементы—и в словарном составе и в грамматическом строе.

Болгарская теория, понятая узко и односторонне, в начале 20-х годов подхвачена была татарскими и чувашскими буржуазными националистами в своих узконационалистических интересах. Она породила у них мечты о возрождении якобы былого могущества и величия болгарского государства. Некоторые чувашские националисты, например, добивались даже переименования Чувашской республики в болгарскую.

4. ТЕОРИЯ АВТОХТОННОСТИ ЧУВАШ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Болгарская теория в последнее время начала сдавать свои позиции. Она, как теория односторонняя, не могла удовлетворить советских ученых. Последние стали искать новые пути к разрешению вопросов, связанных с этногенезом народов Поволжья. В поисках этих путей ими широко привлекались археологические и антропологические материалы. И действительно, археологические раскопки на территории Чувашии и добытые при раскопках палеоантропологические материалы указывают, что чуваша являются не пришлым элементом, а автохтонным, исконным населением местного края, что они обособились здесь задолго до болгар. Можно полагать, что отдаленные предки чуваш в доисторические времена представляли собой небольшую обособившуюся группу угро-финских племен,

¹ В. Куник. О родстве хагано-болгар с чувашами... Записки Академии наук за 1879 г., прил. № 2, стр. 118—161.

² Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша, 1902.

³ А. А. Шахматов. Заметка о языке волжских болгар. Сбор. Музея антропологии и этнографии при АН, т. V, вып. I, 1918, стр. 395—397.

⁴ The khazars, were they Ugrians or Turks? Труды III международного съезда ориенталистов в Петербурге. 1876, т. II, стр. 125—149.

⁵ Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. MSFOu 1912, XXX.

жившую довольно разбросанно в лесных районах и занимавшуюся, судя по произведениям народного творчества чуваш, охотой, рыбной ловлей, бортничеством и мотыжным земледелием, обрабатывая землю кривой палкой, т. е. суком или колом подобно и другим доисторическим обитателям Среднего Поволжья. „Земледелие,—пишет проф А. П. Смирнов,—было мотыжным, чему соответствует находка мукомольных зернотерок на городище Ахматском и близ селения Березняки. Такие примитивные зернотерки в северо-восточной Европе сопутствуют мотыжной системе земледелия“¹. Доисторические лесные племена, предшествовавшие формированию современных народов Поволжья, повидимому, имели много общего и в хозяйственном укладе жизни, и в занятиях, и в общественных отношениях, и в обычаях, и в верованиях, и в языке. Позднее из этих племен, вероятно, одна часть вошла в этнический состав чуваш, другая часть в этнический состав восточных финнов: удмуртов, коми, марийцев и мордвы, а третья часть послужила этнической основой, на которой формировались угорские народности: манси (вогулы), ханты (остяки) и мадьяры (венгры). Лингвистические данные вполне подтверждают это.

И. В. Сталин учит, что язык является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется“²; „язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“³. И действительно, в любом языке содержатся напластования, восходящие к различным эпохам, отложения отдаленнейших исторических и даже доисторических эпох, дающие возможность хотя бы проблематично восстановить некоторые детали первобытной жизни народа, не отразившейся в письменных памятниках языка. Так и данные чувашского языка указывают нам на доисторические связи предков чуваш с предками восточных финнов, по преимуществу марийцев. Наиболее консервативной частью лексики является обычно лексика, связанная с религиозными верованиями. Она долго держится в отсталых слоях народной массы. Например, у чуваш и восточных финнов сильно распространено было в старое время почитание злых духов киремети и кёлё. *Киреметь* считался грозным, неумолимым духом, ему приносили в жертву обычно лошадь или быка. Злой дух *кёлё* почитался не только чувашами и финнами (в языке суоми *kilo, killi*, в удм. яз. *кыль*, в яз. коми *куль*),⁴ но и некоторыми северными азиатскими народами—манси (*куль*), хантами (*куль*), нымыланами

¹ А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 15.

² И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 9.

³ Там же, стр. 22.

⁴ O. Donner. Vergl. Wörterbuch der Fin.-Ugr. Sprachen, 1874, № 198.

(кала), луораветланами (чукчами) кели. Последние обращались к *кели* как к духу смерти. В этом значении он упоминается и в современном романе „Алитет уходит в горы“. В значении злого духа второстепенного значения слово это сохранилось и у чуваш в форме *кёлё* и *тёр-кёлли*. Духу этому приносились в жертву по преимуществу утки. Он пользовался большим вниманием чуваш. Последние обращались к нему то к *асла кёлё*—великий кёлё, то к *сёне кёлё*—новый кёлё, то к *тёпри кёлё*—родовой кёлё, кёлё данного рода. Если отдельный женатый член семьи отделялся от родителей и переходил в свой дом или переселялся на постоянное жительство в Закамье или в Сибирь, то он уже умиловлял этого духа жертвами, обращаясь к нему как к *сёне кёлё*, не забывая в то же время и кёлё, который остался на прежней родине. Последнего он в своих молениях называл *тёпри кёлё*—родовой кёлё.

Злой дух кёлё известен был среди чуваш и в форме „*илмар кёлли*“ и „*ильмар кёлли*“. Относительно слова „илмар“ профессор Н. И. Ашмарин замечает: „Ильмар—неизвестное слово, может быть, имя человека“¹. Нам кажется, что слово это является отголоском удмуртского *инмар*—божество. Оно, вероятно, сохранилось от доисторических первобытных племен, вошедших позднее в одной своей части в этнический состав удмуртской народности, а в другой—чувашской.

После скрещения с тюрками чувашаи некоторых местностей к слову *кёлё* стали прибавлять в качестве первого его компонента слово „*тёр*“, усвоенное от булгар, и злой дух стал именоваться у них *тёр-кёлё*, *тёркёлли*. В тюркских языках Сибири (у минусинских татар) имеется закономерный эквивалент его в форме *тёс*, тоже в значении злого духа². Почитание кёлё, *тёркёлли* прекратилось среди чуваш только в конце XIX в.

Слово *кепе*, повидимому, тоже относится к дотюркской лексике чувашского языка. Именем *кепе* называлось у чуваш языческое божество, управляющее судьбами человеческого рода. Ему приписывалось назначение человеку при рождении того или иного удела—одним счастья, другим страданий. Свою горькую участь, свою судьбу чувашаи приписывали этому божеству и старались умиловлять его принесением в жертву гуся. В марийском языке ему соответствует *кава юмы*, в удмуртском—*каба инмар*—каба божество. Н. И. Ашмарин в имени этого божества видел название мусульманской священной каабы в Мекке³. Но с таким пониманием трудно согласиться: чувашаи были язычники, а не мусульмане. Кроме того,

¹ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. III, стр. 109.

² А. Н. Кононов. Опыт анализа термина „тюрк“. Сов. этногр., 1949, № 1, стр. 40—47. Г. М. Василевич. Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы. Труды Института этнографии, т. II, стр. 223, 1947.

³ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. VI, стр. 189—190.

кепе часто называлось матерью, которую ни в коем случае нельзя огорчать. „Кепе кепе (=кебе) тӑр, кепе ама тӑр, кепе вӑт аму санӑн, амуна ан хирӗстер—кебе есть кебе, кебе —мать. Кебе—мать твоя, мать свою не огорчай, не раздражай“¹. В более же поздние времена уже обращались к ней, как к мужскому божеству, и вместе с ней в своих молитвах призывали и мать ее. Отсюда можно заключить, что слово *кепе*, как и киреметь, появилось в отдаленные времена, в период существования материнского рода, еще в среде местных доисторических лесных племен, вошедших частично в этнический состав и чувашской и финских народностей.

Из других древних чувашских слов, общих с восточно-финскими, нужно указать *калӑм кун*—праздник, праздновавшийся весной в среду страстной седмицы. Повидимому, первоначально он был связан с культом предков, а позднее посвящен поминовению усопших. Праздник этот в известной степени соответствовал навъему дню древней Руси. По верованию чуваш, будто бы в этот день мертвецы выходили из гробов и шли к своим родственникам невидимо погостить у них. Через неделю, в праздник сӗрен, или вирӗм, молодежь с рябиновыми прутьями ходила по домам, хлестала амбары и заборы, прогоняя мертвецов обратно на кладбище. В заключение разводили костер и прыгали через огонь, чтобы очиститься от всякой нечисти, которая легко могла пристать к ним вследствие соприкосновения с мертвецами из загробного мира.

В настоящее время в чувашском языке не осталось слов, родственных *калӑм кун* и значение его мы можем выяснить только из финских языков. В финских языках—в мордовском *калмо*—могила, в удмуртском *кулэм*—мертвец, марийском *колем*, в яз. манси *калем*—умираю. В старое время и город Холмогоры по-фински звучал Калмо-кар—могильный город, т. е. город, построенный на финском кладбище. Еще в XVIII веке он произносился как Колмогоры. Например, Сумароков писал, что „Ломоносов московское наречие в колмогорское превратил“². Слово *кар* в древности и в финских языках и в чувашском обозначало селение, город, огороженное место. Отсюда мы имеем на -кар целый ряд названий городов и селений на финском севере и в Чувашии. Достаточно упомянуть *Сыктывкар*—главный город республики Коми, *Кудымкар*—главный город Коми-Пермяцкого национального округа, *Шурышкар*—главный город Ямало-ненецкого национального округа и *Шупашкар*—главный город Чувашской республики³. Чув. *карта*—хлев, огороженное место, *картиш* (карта ӑшӗ)—двор, в яз. коми, манси, хантов *карта*—двор, морд. *кардас*—двор, *кардо*—конюшня.

¹ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. VI, стр. 180—190.

² А. Сумароков. Собрание сочинений, том X, стр. 38, 1787 г.

³ Слово *кар*—иранское. Оно, вероятно, занесено было сюда скифами (ср. осет. *карт*—двор).

К дотюркскому времени, ко времени первоначальной общности, существовавшей между предками чуваш и предками угров и восточных финнов, вероятно, относятся следующие слова: *пуртă* — топор, удмуртск. *пурт* — нож. Это же слово известно в басском (*burdin* — железо) и в немецком (*Barte* — секира, топор) языках. Такое широкое бытование слов, как *пуртă* и указанное выше *келе*, ясно говорит о доисторических культурных связях, существовавших между различными первобытными племенами Европы и Азии.

К этой же группе древних слов мы склонны отнести: чув. *кавапа* — пупок, марийск. *кава* — живот, брюхо; чув. *шунăр*, мар. и хант. *шабур* — белый женский халат (поддевка), манс. *шун* — рубаха; чув. *кашман*, удм. и коми *кушман*, эрз. *кишумань*, мар. *ушман* — редька и др. корнеплоды, чув., мар., удм. *карас*. мокш. *кярэст* — соты; чув. *турат*, эрз. *тарад* — ветка, чув. *кунделен* (устар.), удм. *кемделе*, *канделем* — свидетель; чув. *кайтă*, мар. *кутко*, эрз. *коткудав*, коми *коткодзь*, лопар. *коткка* — муравей; чув. *шўлкеме*, мар. *шолкама*, эрз. *сюлгамо* — нагрудное женское украшение, состоящее из кожаного четырехугольника, нашитого мелкими серебряными монетами; чув. *хум*, манс. и хант. *кумп*, *хумп* — волна, чув. *сурла*, удм. *сўрло*, мар. *сарла*, в яз. коми *чарла*, мадьяр. *шарло* — серп и т. д. В старое время финский ученый Wichmann наличие слова *сюрло* в языках удмуртском и коми объяснял тем, что оно заимствовано из чувашского языка. Между тем как этимология этого слова указывает на его восточнофинское происхождение. В удмуртском и коми языках *сюр* значит рог. Следовательно, *сюрло* первоначально понималось как роговидный предмет. (?) Серп действительно напоминает рог.

О доисторических связях предков чуваш с предками восточных финнов свидетельствует также и то, что и в чувашском и в восточно-финских языках среда называется днем крови: чув. *юнкун*, мар. *вюргэчэ*, мокш. *вержи*. Повидимому, в древнее время в этот день ими совершались кровавые жертвоприношения.

О вхождении предков чуваш в древнейшие времена в восточнофинскую этническую общность ясно говорит и довольно богатый дотюркский лексический фонд чувашского языка, уцелевший от первобытных времен в топонимике и ономастике. Действительно, названия чувашских селений и урочищ представляют благодарный материал не только для лингвиста, но и для историка и этнографа. Многие из них носят печать глубокого архаизма и не могут быть объяснены с позиций тюркского языкознания. Некоторые селения известны в Чувашии под тремя названиями, большинство под двумя, только немногие под одним названием. Три названия — это отложения трех социально-политических периодов исторической жизни чуваш. Одно из этих названий, в большинстве случаев теперь непо-

нятное для нас, восходит к добулгарскому времени, и в булгарское время, повидимому, осталось без изменения. Второе название присвоено было в период Казанского ханства по имени владетеля или наместника данной области. С приходом русских и построением церкви в данном селении последнее получало новое название в зависимости от того, какому церковно-историческому событию или святому посвящалась церковь. Например: добулгарское название — Куснар, татарское — Байгулово, русское — село Богоявленское, Шёнерпус — Бичурино — Воскресенское — тож, Ватнер — Решетниково, Йёршер — Мартыново, Пърмас — Аттиково, Субар — Албахтино, Муркар — Уразметево, Тупах — Тансарино, Кинчер — Янситово, Тёмшер — Салдыбаево, Кёлкеш, Муркаш, Нърваш, Ураваш, Илебар, Ишек, Ишлей, Тимёш, Авруй и т. д. То же нужно сказать и о названиях разных урочищ, они также в преобладающей своей части восходят к добулгарскому времени и получили свое название от доисторических племен, составивших основное ядро чувашской народности. Слова эти давно утратили свое вещественное значение. Например: реки Çавал — Цивиль, Выла, Сăра (Сура), Шёнер, Шутнер, Пёчер, Ара, Унка (Онга), ключи: Упуй (Убуй), Паташ и т. д.

Весьма древними и явно дотюркскими являются, например, названия селений на *-нар, -нер*: Апнер, Вурнар, Идеснер, Кёнер, Кётеснер, Кунер, Куснар, Пинер, Писенер, Санар, Упнер, Урнар, Чаганар, Чёнер, Шанар, Ушанар, Шелнер, Шутнер и т. д. Первая часть этих слов в отдаленном прошлом, вероятно, обозначала название рода или племени, а вторая часть *-нар, -нер* — стойбище, стоянку, дом, селение. Например, кочевья, где были открыты вишапы, по-курдски называются аджакаюрт¹ а по-армянски вишапнер².

Аналогичные названия селений, рек и озер в большом числе встречаются и у восточных финнов, особенно у марийцев. Напр.: Водонер, Кинер, Кугунер, Куженер, Лонганер, Мамсинер, Ошканер, Сабанер, Шукшнер и т. д., в удм. Асинер, Кизнер и др., в морд. Ингенер и др. Повидимому, слово *нер* в значении селения угро-финскими племенами в доисторические времена заимствованы были от скифов. (Ср. мар. *нер* — нос, мыс, эрз. *нерь* — клюв, мыс, мар. *эвгер* — речка).

К добулгарской (т. е. дотюркской) топонимике относятся также названия селений и урочищ на *-мас, -мес*: Атмас, Асламас, Аштамас, Ителмес, Кашмаш Туça, Пърмас, Тёрлемес, ср. племенное название *çармас* — черемис; в марийском: Карамас, Атламаш, Памаш и др.; в удмуртском: Валамаз, племенное название калмез, в мордовском: Широмаз, Коломас, Кочемас

¹ По-чувашски звучало бы астаха (вёри сёлен) сурчё — дом дракона, т. е. жилище, селение племени, имеющего своим тотемом дракона.

² Сборник этнографии, т. VI, стр. 112.

и др.; на -гаш, -геш, -ваш, -вэш: Алгаш, Альгеш, Кёлгеш, Мургаш, Кушлаваш, Явэш, Нярваш, в марийском: Емангаш, Ургаш, Кожваш, в удмуртском: Вавож, в мордовском: Каргаш; на -мар, -мер: Вәрмар, Итмар, Кудемер, Вурмер, Тўмер, Кушмара, в марийском: Шўдермар, Кокшамар, Пумар, Ляжмар, Паратмар, Шешмар, Кужмара, Кукмара и др., в морд.: Каймар Самарка, Шимаревка и др.

Чувашская ономастика также сохранила нам изрядное количество древних имен. Многие чувашские языческие имена, по нашему мнению, восходят к глубокой, дотюркской старине. Повидимому, первоначально они были названиями чувашских племен и родов. К таким именам относятся:

1) имена на -мас, -мес: Арзамас, Атмас, Ирёмес, Сармас; в морд. Атемас, Арземас, Полдомас и др.;

2) имена на -мар, -мер: Самар, Самарка, Едимер, Идимер, Кизимер и др. С этим -мар, -мер мы знаем древних шумеров, финское племя меря, современных мари, удмуртское инмар—божество и т. д.;

3) имена на -мат, -мет: Ильметь, Ирметь, Кальметь, Карметь, Кнеметь, Семеть, Шеметь и др. Сюда же можно отнести название злого духа киреметь. Ср. исторических сарматов, известных со II в. до н. э. Имя Кнеметь, частично напоминающее древнерусское кьметь, повидимому, также доисторического происхождения;

4) имена на -ман, -мен, -ван: Арман, Арзаман (ср. эрзя), Ахтаман, Альмень, Ильмень (ср. озеро Ильмень), Эльмень, Кузман, Севан и др.

Некоторые фонетические особенности современного чувашского языка нам хочется также объяснить как пережиточное наследие от первичных этнических групп, составивших подоснову чувашской народности. Например, типичное для чувашского консонантизма отсутствие звонких шумных согласных в абсолютном начале слова, в абсолютном конце слова и перед всеми согласными—явление, имеющее характер глубокой древности, мы склонны отнести к добулгарскому периоду развития чувашского языка. Возможно даже, что в ту эпоху в чувашском языке шумные звонкие отсутствовали во всех позициях слова. Слабая озвонченность их в двух положениях, а именно между двумя гласными и между сонорными и гласными, явление, сильно усилившееся в последние 30 лет, повидимому, могло возникнуть в чувашском языке много позднее.

Таким образом, утверждения сторонников булгарской теории, что чувашы—прямые потомки булгар, не выдерживают критики. Наличие в чувашском языке древнейших слов, не объяснимых при помощи данных тюркских языков, красноречиво свидетельствует о существовании предков чуваш на нынешней территории их задолго до прихода на Волгу булгар и об этнической близости их некоторым доисторическим угро-финским племенам.

Археологические данные также говорят против отождествления чуваш с булгарами. Профессор А. П. Смирнов прямо заявляет, что „Чуваши являются потомками аборигенов, оставивших нам городища рогожной керамики и более ранние стоянки. Эти древние племена послужили основным компонентом в формировании чувашского народа, они составили основное ядро и других народов Поволжья—мордвы и мари“¹.

5. ЧУВАШСКАЯ НАРОДНОСТЬ — ПРОДУКТ СКРЕЩЕНИЯ ПЕРВОБЫТНЫХ ЛЕСНЫХ ПЛЕМЕН ФИННО-УГОРСКОЙ ГРУППЫ С ПРИШЛЫМИ КОЧЕВЫМИ ТЮРКАМИ

Из предыдущего изложения ясно, что язык у доисторических предков чуваш был безусловно не-тюркский. По историческим данным, древность тюркских народов и языков их не простирается далее III века до н. э. Кроме того общепризнано, что тюркские языки первоначально зародились и распространялись в степях Средней Азии среди кочевых скотоводческих племен. И только позднее тюрки проникали в Южную Европу и северные лесные районы, где уже постепенно переходили на оседлое положение. Ни в одном из тюркских языков мы не находим тех слов, которые нами приведены были выше в виде предметных слов, племенных названий и наименования населенных пунктов и урочищ. Современный же чувашский язык по своему словарному составу и грамматическому строю относится к тюркским языкам. Отсюда ясно, что в истории первобытных предков чуваш был роковой момент, когда неожиданно явились к ним—лесным племенам, более сильные степные тюрки-скотоводы и легко подчинили их, несколько разбросанно живших и не ожидавших нападения. После покорения, по-видимому, начался процесс постепенного скрещивания и слияния предков чуваш с пришлыми кочевыми тюрками в единую общую народность с преобладанием тюрков и языка их. Поскольку дотюркский язык предков чуваш был язык несложный с очень скудным словарным фондом и примитивным грамматическим строем, он не мог устоять против более богатого языка победителей, быть может, и численно превосходивших чуваш.

И. В. Сталин учит, что „скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет... При скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает“². То же самое случилось и с чувашским

¹ А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951 г., стр. 85—86.

² И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29—30.

языком. После скрещения предков чуваш с тюрками чувашский язык освоил тюркский грамматический строй и тюркский основной словарный фонд и стал развиваться по внутренним законам тюркских языков. Что касается лотюркского словарного фонда и грамматических форм, то они постепенно отмирали и от них до настоящего времени сохранились только жалкие остатки — единичные лексические и грамматические элементы.

Теперь естественно возникает вопрос, когда же могло иметь место означенное скрещение чуваш с тюрками и какие тюркские племена вошли в этнический состав чувашской народности в качестве второго компонента. Весьма соблазнительным является в данном случае признать такими тюрками волжско-камских булгар, поскольку в языке болгарских намогильных надписей открыты чисто чувашские элементы. Но мы не можем всецело согласиться с такой постановкой вопроса. Чувашки безусловно входили в состав болгарского царства. Кроме них сюда входили также и марийцы, и удмурты, и коми, частично и мордва. Заслуживает здесь особого внимания то, что все эти восточнофинские народы, живя под властью булгар, не стали на путь скрещивания, ассимиляции с булгарами, они и под владичеством булгар сохранили в чистоте свою национальность и свой финский язык. Влияние болгарской культуры на них свелось только к нескольким десяткам слов, которые они заимствовали от булгар. Каким же образом чувашки могли оказаться столь неустойчивыми и непостоянными в языке, что легко отказались от своего языка? Все это было бы весьма загадочно.

Кроме того, такое толкование выставленного выше вопроса противоречило бы также тому, что некоторые восточнофинские заимствования из чувашского языка носят очень древний характер и, по мнению финских ученых, восходят к той отдаленной эпохе, когда языки удмуртов и коми еще не разделились, не обособились, а составляли один общий пермский язык¹, когда болгарского государства на Волге и не существовало. Да и сам по себе чувашский язык, по общему мнению тюркологов, является одним из древнейших тюркских языков, в нем сохранились многие архаические черты. На этом основании мы склонны думать, что скрещивание чуваш с тюрками происходило не добровольно, не стихийно и не в болгарскую эпоху в VII — XIV вв., когда народности Поволжья уже почти сформировались, а много раньше. Оно могло начаться приблизительно во втором или первом веке до н. э., когда чувашские племена жили в лесном районе сравнительно разбросанно, когда они еще не представляли компактной массы, крепко спаянной устойчивой общностью языка и территории. С неко-

¹ Wichmann. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen, Mémoires de la Société Finno-Ougr. XXI, 1903.

торой вероятностью можно допустить, что подчинившие себе предков чуваш тюрки представляли собой оставшуюся на Северном Кавказе часть болгар. Армянский историк VIII в. Моисей Хоренский пишет: „Во дни царствования Аршака I (127—114 г.), сына Вах⁴аршака, возникли большие смуты в цепи великой горы Кавказской в земле болгаров, из которых многие, отделившись, пришли в нашу землю и поселились в низовьях Ках⁴а—в плодоносных и хлебородных местах в продолжение долгого времени“¹. Факт пребывания болгар в древнее время в Армении отчасти подтверждается и наличием в Закавказье, на территории Армении (в южной части Муганской степи) реки, носящей название Булгарчай (тур., чагат. *чай*—маленькая речка), берущей начало в Ленкоранских и Салатавских горах. Следовательно, после того как одна часть болгар во II веке до н. э. направилась в Армению, то другая часть их, покочевав некоторое время в южно-русских степях и теснимая более сильными племенами, повидимому, поднялась вверх по Волге, покорила предков чуваш и, слившись с ними, составила второй компонент этнического состава чувашской народности. Сами болгары, повидимому, первоначально входили в гунский союз племен, известный в китайских летописях под названием хунну и сложившийся в III веке до нашей эры. Болгары, вероятно, пришли из Средней Азии в Европу очень рано.

И самое племенное название чуваш, по нашему мнению, обязано своим происхождением этим пришлым тюркам. Повидимому, оно представляло собой название одного из более сильных болгарских племен—сувазов, поработивших местное лесное население данного района. Сувары в Мешхедской рукописи „Путешествия Ибн-Фадлана на Волгу“ названы суваз⁴ами (л. 208б). Профессор А. П. Ковалевский, которым была переведена эта книга, арабское слово, переданное в первом издании как *саван*, по некоторым, весьма убедительным данным склонен читать как *суваз*². Это дает нам право предполагать, что в суварском союзе племен одни произносили свое племенное название как сувар, а другие как суваз. Повидимому, болгары первого потока, покоровшие предков чуваш и давшие им имя, были из племени суваз. Некоторым подтверждением нашего предположения служит и то, что марийцы до сих пор называют чуваш „суасла мари“, суvasла мари. Слово суваз в устах дотюркских предков чуваш легко могло получить форму *чуваш* и *шубаш* (ср. Шубашкар—главный город Чувашской республики, буквально селение или город шубашей, чувашей). Возможно, что у предков

¹ История Армении, перевод Эмина, 1858, стр. 87.

² А. П. Ковалевский. О степени достоверности Ибн-Фадлана. „Исторические записки Академии Наук СССР“, № 35, 1950, стр. 265—293.

чуваши, представлявших собой одно из обособившихся финно-угорских племен, преобладали в языке шипящие звуки *ш* и *ч*, как у нынешних марийцев. Этим легко объясняется переход слова суваз сначала в *шуваш*, *шубаш*, а потом и в *чайваш*.

Мы склонны думать, что только после скрещения предков чуваш с булгарами-сувазами и после окончательного освоения ими тюркской речи и начинается собственно история чувашского (сувазского) народа и языка. С этого времени чувашский язык начинает уже развиваться по своим внутренним законам, несколько отличным от закономерностей развития каждого из остальных тюркских языков.

В VII веке с Северного Кавказа пришла на Волгу и другая часть булгар и, обосновавшись между Волгой и Камой, создала здесь довольно сильное государство, в состав которого входили почти все мелкие народности Среднего Поволжья: чуваш, марийцы, удмурты, коми. О том, как чуваш жили под властью булгар и как у них развивался язык в эту эпоху, трудно сказать что-либо определенно и уверенно: у нас нет никаких исторических данных. Повидимому, они входили в состав довольно сильного племени булгар—суваров (их же называли и сувазами). Торгово-промышленным центром их являлся одноименный город Сувар. О крупном экономическом значении этого города говорит уже факт собственной чеканки монет, из коих известны монеты, чеканенные в X веке в период времени между 931 и 992 гг. Развалины этого города сохранились до настоящего времени. У чуваш, живущих в окрестностях этих развалин, они известны под именем *Савар*. В старое время старики-чуваш относились к этим развалинам весьма почитательно, как к чему-то весьма близкому и родному. По всей вероятности, чуваш составляли в составе племени сувар оседлое сельское земледельческое немусульманское население. Возможно также, что под булгарским племенем *исгиль*, *эсгиль*, не принявшим ислама (л. 208б), нужно разуметь не отдельное племя, а старое трудовое земледельческое население чуваш, не принявшее ислама. По крайней мере этимология этого слова частично подтверждает такое наше предположение. Мы склонны этимологизировать это слово как *эски гиль*: турецк. *эски*—древний, *гиль*, *киль*—дом, семья; слог *ке* перед *ки* выпадает (явление гаплогонии). Следовательно, *эскиль* или *исгиль*—это древние семьи, древние жители, т. е. древние (первого потока) оседлые булгары-сувазы (сувары), скрестившиеся с предками чуваш. Если в слове *эскиль* первую часть сложения *эс* будем понимать как чувашское *ёс*, соответствующее каракалпакскому *ис*, турецкому, киргизскому *иш*—дело, то и в этом случае мы приходим к тому же выводу, что племя *эсгиль*—это трудовые семьи земледельцев, а не люди городской мусульманской культуры.

Вследствие сильного развития производства и торговли с

иностранцами—арабами, персами, армянами, славянами и восточно-азиатскими народами болгарский язык в VIII—XIV вв. сильно развивается: обогащается лексически и вырабатывает литературные нормы не без влияния, конечно, арабского и персидского языков. Под влиянием новых общественно-экономических условий и чувашский язык в болгарскую эпоху несколько пробуждается к жизни. Он обогащается новыми арабскими и персидскими культурными словами. Повидимому, в эту эпоху появились в чувашском языке следующие арабские слова: *вахът*—время, *эсрел*—божество смерти, *ёмёр*—век, *мул*—имущество, *скот*, *тёнче*—вселенная, *тухъя*—головной убор девиц, *хула*—город, *хыраç*—подать, *поземельный* налог, *хыпар*—весть, известие, *шуйтган*—шайтан, дьявол, *шик*—сомнение, *тивлет*—успех, счастье, благодать и др. Персидские: *ёмёт*—надежда, *ёмётлен*—надеяться, *кёссе*—карман, *сурпан*—головная повязка женщин, *ташман*—враг, злодей, *тёрёс*—верный, правильный, *тус*—приятель, *пурсан*—шелк, *ни*—отрицательная частица и др. Вообще болгары для чуваш представляли родственную народность. По этой причине после нашествия Батыя (1236) и разорения Булгарии Булат Тимуром (1361) многие болгары, особенно из племени сувар, по всей вероятности, переходили к родственным чувашам и ассимилировались с ними. В чувашской народности, таким образом, болгарский этнический элемент отложился довольно мощным творческим пластом, он и языку чувашскому сообщил тюркский строй речи и тюркский словарный фонд.

6. БУЛГАРЫ-СУВАЗЫ КАК ВТОРОЙ ЭТНИЧЕСКИЙ КОМПОНЕТ ЧУВАШСКОЙ НАРОДНОСТИ

В пользу того, что в этнический состав чувашского народа позднее влились болгары (сувары), красноречиво говорят следующие языковые факты:

1. Болгарские надмогильные надписи, в которых отражается типичный для чувашского языка „р“ и „л“ диалект в противоположность „з“ и „ш“ диалекту других тюркских языков. Например, мы здесь имеем слова: *тухур*¹—девять, *саккар*—восемь, *вутур*—тридцать, *джюр*—сто, *джирем*—двадцать, *хир*—дочь, девушка, *арня кун*—пятница, *айх*—месяц, *биалем*—пятый и т. д. Эти слова в других тюркских языках звучат, как *тугыз*, *секиз*, *отуз*, *йўз*, *егерме*, *кыз*, *атна кон*, *ай*, *бишенче* и т. д.

2. В русских летописях (в Троицкой) под 1230 г. встречается болгарское слово *турун* в форме множественного числа *трунове* в значении высшего сословия, высших должност-

¹ За неизменением арабского шрифта болгарские слова набраны русскими литерами.

ных лиц болгарского царства. В Чувашии до сего времени несколько селений носит название Туруново: Таран, Тарам. В древних тюркских языках (в енисейско-орхонских надписях) слово, соответствующее *турун*, имеет форму *тудун* (с интердентальным *д*). Интердентальному же *д* орхонских надписей в современном чувашском языке систематически соответствует звук *р*: адак—чув. ура—нога, адгү—ыра—добрый. Кроме слова *турун*, в чувашском языке известны и другие слова заведомо болгарского происхождения. Например, в словаре Махмуда Кашгарского, в памятнике XI в., указаны в качестве болгарских слова, которые бытуют теперь в чувашском языке: авус, чув. а́вас—воск, кúбе—кольчуга, чув. кё́пе (произносится кё́бе)—рубашка. Нужно также заметить, что в 1945 г. во время раскопок близ древней болгарской столицы Преславы найдена была гранитная колонна со старинной надписью, где четыре раза повторяется слово „кюпе“ в значении кольчуги¹. Повидимому, производство кúбе сильно распространено было у болгар не только в период пребывания их на Северном Кавказе, но позднее и на Волге. Известно, что в древнее время в Хорезм кольчуги вывозились из Волжско-Камской Булгарии².

3. В чувашском языке сохранился ряд слов, общих с древнеармянскими, древнегрузинскими и с осетинскими словами. Не приходится сомневаться, что слова эти могли появиться только на Кавказе в аланской, армянской и грузинской среде. Наличие их в современном чувашском языке представляет явление весьма странное и загадочное, вызывающее большое недоумение и затруднение у исследователей, тем более, что история не знает культурных взаимосвязей между чувашами и указанными кавказскими народами. Здесь приходится принять во внимание то, что вторым этническим компонентом чувашской народности явились болгары-сувазы, которые, по свидетельству армянского историка Моисея Хоренского, до прихода сюда на Волгу в течение долгого времени (со II века до н. э. до VI—VII вв. н. э.) жили на Кавказе в соседстве с аланами, армянами и грузинами.

В течение 7—8-векового пребывания болгар на Кавказе естественно и неизбежно могли иметь место процессы взаимодействия различных этнических и культурных элементов, т. е. могло иметь место не только культурное влияние местных аборигенов на болгар, но и болгар на кавказские народности. С Кавказа, повидимому, и вывели болгары слова, являющиеся теперь в чувашском языке общими с армянскими, с грузинскими, с осетинскими. Сюда относятся: чув. кáвар—горящие угли, у древних халдов куар—бог огня, в грузинских песнях слово это

¹ Софийская газ. „Изгрев“ от 5 сентября 1945 г., № 282, стр. 4.

² См. С. П. Толстов. Древний Хорезм, 1949, стр. 14.

повторяется в качестве припева в форме *квара*; чув. *сивё*, груз. *циви*—холодный, чув. *чир*, груз. *чир*—болезнь, чув. *шартан*, *шарттан*—рубец, начиненный кусками мяса, зажаренный, засушенный (хранился месяцами), армянск. *чортан*—сушеная пахтыня (см. Давид Сасунский), чув. *вёре*, арм. *варел*—кипеть, чув. *Атӓл*, древнегруз. *Аталас*—Волга, в осетинских нартских сказаниях *Адыл*—имя владетеля неизвестной страны; чув. *чӓкӓт*, осетинск. *чигт*—сыр; чув. *каврӓс*, осет. *кӓрз*—яшень; чув. *кёне*—рубашка, груз. и осет. *каба*—женская рубашка (заимствовано от болгар) и т. д.

4. Современное чувашское слово *сӓкӓр*—хлеб, представляющее фонетический вариант слова *джугара*, обязано своим происхождением булгарам. Растение это культивируется главным образом в Средней Азии и дает обильный урожай. Ср. киргизское *жӓгӓрӓ*, узбекск. и казахск. *жӓгери*—кукуруза, турецк. *чӓкери*—просо, туркм. *загара*—хлеб, испеченный из муки джугары.

5. Этническая общность чуваш и булгар подтверждается также и наличием булгаро-чувашских заимствований в мадьярском языке. Мадьяры, повидимому, долгое время (V—VII вв.) находились под культурным влиянием древних булгар. В мадьярском языке сохранилось свыше 200 булгарских слов, всецело совпадающих, за исключением незначительных фонетических изменений, с нынешними чувашскими словами. Слова эти относятся к области скотоводства, земледелия, домашнего быта и хозяйства. Мадьярские лингвисты, этнографы и историки давно обращали внимание на чувашские элементы в их языке, но окончательно систематизировал их Гомбоць в своем труде „Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache“ (1912).

Приведем часть культурных терминов из указанных им:

мадьярск. еке	чув. ака	
„ ik	„ ак	— плуг
„ kender	„ кантӓр (т=д)	— сеять
„ sarló	„ сурла	— конопля
„ komló	„ хӓмла	— серп
„ borsó	„ пӓрса	— хмель
„ arpa	„ пӓрса	— горох
„ gyom	„ урпа	— ячмень
„ tiló	„ сум	— сорная трава
„ ökör	„ тылӓ	— мялка, льномялка
„ ünő	„ вӓкӓр	— бык
„ borjú	„ ёне	— корова
„ disznó	„ пӓру	— теленок
„ szam	„ сысна	— свинья
„ sörprő	„ сум	— счет, чиело
„ bolcső	„ сӓпре	— дрожжи
„ gyűrű	„ пелче	— люлька, зыбка
	„ сӓре	— кольцо и т. д.

По исследованиям наших историков Европеуса¹ и Середонина² в древнее время мадьяры жили по обоим склонам Уральского хребта и вместе с вогулами (теперь манси) и остяками (ханты) составляли одну общую народность, известную в русских летописях под именем югры или угров. Позднее, теснимые соседними племенами, они системой рек Вычегды и Юга вышли на Волгу и по Оке двинулись на юг, перешли Дон и, пробыв в южнорусских степях, в так называемой Лебедии, около 50 лет и, теснимые печенегами, направились далее на Запад, переправились через Днепр около Киева и за Карпатами в славянских землях основали свое государство (кон. IX в.).

Чувашские слова мадьяры могли заимствовать непосредственно от чуваш, могли заимствовать и от болгар. В новое время мадьярские ученые Darkó, Fehér, Gombocz, исходя из языковых и исторических данных, а также на основании географического распределения некоторых растений и деревьев заключают, что культурно-языковое влияние болгар на мадьяр происходило не на Волге, а на Северном Кавказе, между Доном и Кубанью и началось оно еще в V—VI вв. н. э.³

6. О преобладании болгарского элемента в чувашской народности и языке говорит отчасти и то, что некоторые старославянские слова болгарских изводов и уцелевшие от древнего времени единичные слова у современных дунайских болгар являются совершенно одинаковыми по значению с соответствующими чувашскими словами. Например, старосл. *белег*—знак, знамя, чув. *паллă, палăк*—знак, надгробный столб, памятник, на болгарских надгробиях *белюк*—знак, памятник, у современных болгар *белег*—знак, метка; *тикръ, тикъръ, тикра*, чув. *тăкăр, тăкър*—зеркало; *самъчи*—кассир, казначей, чув. *сум* < *сам*—большое число, счет, позднее *рубль*=100 копеек; *осох*, чув. *осă*—польза: совр. болг. *капъ* (капище)—идол, чув. *кап*—форма, фигура, силуэт, внешний вид, подобие; *чавка* в чув. и болг. означает галку (слово это, возможно, ономато поэтической природы); болг. *кътъ*, русск. *кут*, чув. *кѣтес*—угол; древнеболгарск. *тепе*—род серебряного головного украшения женщин, чув. *тевет*—широкая лента, украшенная монетами и бисерами, надеваемая женщинами через левое плечо; болг. *белтек*, чув. *пелтек*—заика и т. д.

7. При сближении чувашей с булгарами нельзя проходить и мимо того общеизвестного этнографического факта, как выражение почтительности держанием шапки под мышкой. Ибн-Фадлан пишет, что болгары при встрече с царем и со стар-

¹ Д. Европеус. Об угорском народе, 1874.

² С. Середонин. Историческая география, 1916.

³ Körösi Csoma-Archiv 1, 292—301; Ungarische Jahrbücher 1, 195—203; Keleti Szemle XIX, № 2, 1921.

шими снимают шапку и держат ее под мышкой⁴. То же самое наблюдалось у чувашей. Держание шапки под мышкой составляло непрременную особенность чувашских молений, хотя бы они происходили летом в жаркую погоду. При общественных и домашних молениях чувашин обязательно снимал свою шапку и держал ее под мышкой.

Таким образом, приведенные данные языка не оставляют сомнений в том, что в этническом составе чувашской народности болгарский элемент оставил наиболее толстый и мощный пласт. Он густо отложился и в лексике и в грамматике чувашского языка и сыграл преобладающую роль в истории формирования чувашской народности и языка. Можно с уверенностью сказать, что словарный состав современного чувашского языка в своей тюркской части в основном болгарский с небольшими наслоениями кыпчакского и татарского элементов.

7. КЫПЧАКСКИЕ И ТАТАРСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Кыпчакские (половецкие) элементы, имеющиеся в небольшом числе в чувашском языке, повидимому проникли сюда не непосредственно через кыпчаков, а через казанских татар. Булгары, начиная приблизительно с XI—XII вв., имели более тесные связи с половцами (кыпчаками), а в XIV веке после разгрома болгарского государства они в своей основной массе смешались с ними, образуя смешанные этнические группы, вошедшие потом в состав казанских татар и башкир. По этой причине кыпчакские слова в чувашском языке трудно выделить из состава татарских слов. Последние переходили в чувашский язык в период Казанского ханства, когда все административные должности среди чуваш занимали татары. Что касается чувашских князьков и тарханов, то они, повидимому, не пользовались у татар большим доверием и играли второстепенную роль в управлении. Они могли приобрести доверие у татарских правителей только принятием ислама. Но в этом случае, как гласит предание, чувашские администраторы окончательно отрывались от своих сородичей и отатаривались. Татарские крупные администраторы и феодалы, вероятно, с собой приводили к чувашам большой штат служащих и прислуги, так что целый ряд чувашских селений—и новых и старых (существовавших до прихода татар)—получил свое название от имен этих татарских наместников и начальников. Например: Шималахи (шейх Амалах), Шибулатово (шейх Булат), Янситово (Ян Сеит), Байдераково (бай тирек), Байгулово (бай кул), Ахчура (ак чура), Карачура, Кармалы (кара мал), Хозяхмат (Хозя Ахмат) и т. д.

⁴ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. 1939, лл. 2066—207а.

В период татарского ханства чувашский народ испытывал тяжелое угнетение со стороны ханской администрации и духовенства. Пропаганда ислама была настолько велика, что целые чувашские селения переходили в мусульманство и „отатаривались“. Например, в Арском районе не осталось ни одного селения с чувашским населением. Стремление к татаризации чуваш было со стороны мулл и отчасти администрации настолько велико, что оно угрожало самому существованию чувашской народности. Но, к счастью, приход русских частично приостановил это движение.

Татарский хан с установленным им административным строем сильно импонировал чувашам. Все порядки и церемонии ханского двора они даже перенесли на своих богов и стали представлять их в виде важного хана и разных чиновников, окружающих, сопровождающих его и прислуживающих ему. Например: тавам ыра—добрый дух, заседающий в диване (государственное учреждение, судебный трибунал), хум кёрекёсё—кравчий хана, тавам сўретекен—дух, ведущий дела дивана, ма́н турра ала́к уса́кан—отворяющий двери жилища божия, чёлпёр ты́тса сў́рен ы́ра—дух, ведущий за повод (лошадь того или иного бога) и т. д. Последние названия явно заимствованы из торжественно обставленных выездов хана¹. Празднование пятницы, продолжавшееся у чуваш вплоть до XX в., также началось, вероятно, в период татарского ханства.

Все это не могло не способствовать распространению татарских слов среди чуваш. Как бы тщательно мы не анализировали словарный состав чувашского языка, все же не найдем в нем более 150—200 татарских слов, включая сюда и арабские и персидские слова, проникшие в чувашский язык за время владычества татар—за весь период Казанского ханства, продолжавшегося около 150 лет. Поскольку каждый язык развивается по внутренним законам своего развития, слова эти легко выделяются своим фонетическим составом. Сюда относятся, например: юлташ—товарищ (закономерной чувашской формой было бы сұлташ), аташ—тезка, ялав—знамя (по законам чувашского языка следовало бы яташ, сұлав), яш—молодой, парень, яхән—близко, около (имеется и в чувашской форме сывах), акәш—лебедь (тат. ак—белый, кош—птица), арәслан—лев (имеется закономерная чувашская форма услан кайәк), талак—селезенка, тинёс—море (чувашско-булгарская форма *тенкер*, в какой форме оно перешло в мадьярский язык), та́кәс—тесный (имеется закономерная чувашская форма та́вәр),

¹ Н. В. Никольский. Этнографический очерк Милюковича, писателя конца XVIII в. о чувашах. Отд. оттиск из журн. „Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те“, т. XXI, вып. 4, 1905; Н. И. Ашмарин. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш. „Известия Северовост. археол. и этнограф. ин-та“, т. 11, Казань.

йӓмшак—рыхлый, мягкий (закономерная чувашская форма *семсе*), карчӓк—старуха, хапха—ворота, йӓс—медь, пайтах—достаточно, порядочно, маттур—красивый, хороший, сильный, тав—спор, тяжба, тавлаш—спорить, вести тяжбу, такмак—частушки, шакмак—чурка, сим—сладкий напиток(?). Пӓр пӓккинчен пыл юхать, тепӓр пӓккинчен *сим* юхать; кирг. *зам-зам*—живительная влага, вода меккского источника. (Ср. финск. *simä*—медовый напиток).

В период Казанского ханства арабские и персидские слова проникали в чувашский язык также через татарский язык. Сюда относятся: *арабские слова*: авал— в старину, некогда, айван—животное, айӓп—вина, поступок, асап—мучение, ахах—сердолик, алка—серьги, ахӓр саман—последние времена перед концом мира, масар—кладбище, салам—привет, самана—эпоха, сӓвап—милость, награда за доброе дело, хал—состояние, здоровье, сила, халӓ—теперь, халӓх—народ, хапӓл—принятие, харам—бесполезный, хатӓр—готовый, хак—цена, шар—беда, несчастье, ар.-перс. шантал—подсвечник и т. д.; *персидские слова*: ӓста—мастер, астаха (вӓри сӓлен)—сказочное чудовище в виде крылатого огнедышащего змея, дракон, ӓнер—ремесло, ӓренке—вид, янавар—бессловесное существо, животное, кӓкӓрт—сера, кахал—ленивый, маса—вкус, намӓс—стыд, начар—плохой, нурӓс уйӓхӓ—март, патша—царь, пахча—сад, паха—ценный, пихампар—пророк, пирӓшти—ангел, тараса—весы, таса—чистый, тастар—старинная женская головная повязка, чаршав—занавеска и т. д.

Таким образом чувашский язык, успевший ко времени казанского ханства окончательно консолидироваться в своем основном словарном фонде и грамматическом строе, во время казанского ханства проявил сильную устойчивость и необычайную сопротивляемость всякой насильственной ассимиляции. Несмотря на притеснения чуваш со стороны татарской администрации и мулл влияние татарской культуры на чуваш ограничилось только тем, что в чувашский язык проникли за этот период около 150 кыпчакско-татарских слов.

Татарские заимствования в чувашском языке составляют новый пласт тюркских слов сравнительно с древнебулгарским пластом, отличающимся наиболее архаичными чертами. Известный тюрколог С. Е. Малов правильно указывает, что чувашский язык более старый, чем татарский, и стоит ближе к старотюркскому языку, чем современный татарский язык¹. Приходится решительно возражать против утверждения некоторых татарских историков и лингвистов, что чувашский язык своими булгаро-тюркскими элементами всецело обязан татарскому языку, который будто бы один является прямым продолжением булгарского языка. Несостоятельность такого утвержде-

¹ Сборник „Происхождение казанских татар“. Казань, 1948, стр. 116—119.

ния слишком очевидна. Современный чувашский язык довольно резко расходится с татарским языком—и в своем словарном составе и в грамматическом строе. Весьма многие слова основного словарного фонда в этих языках не совпадают. Слова, аналогичные чувашским, сохранились только или в древнетюркских языках рунической письменности или у тюркских народов, живущих в настоящее время далеко от чуваш.

Например:

чув.	сын	тат.	кеше	человек	тувинск., шорск., хакас. чон, телеут, йон, ойр. дьон, монг. зон — чело- век, народ
"	асатте	"	бабай	дед	
"	арам	"	катын	женщина, жена	
"	ача	"	бала	ребенок, мальчик	
"	ăс	"	акыл	ум	кирг. эс, к.-калп, ес
"	алă	"	кул		орх. <i>ăлиг</i> , др.-уйг. <i>илиг</i> , чаг. <i>элик</i> , якут. <i>или</i> , тур. <i>эль</i> ¹
"	сасă	"	тавыш, аваз		казах., тур., азерб., гага- узск. <i>сес</i> —голос, звук
"	кёпе	"	кўлмэк	рубашка	алт., аладаг. <i>кеп</i> —одежда
"	йём	"	чалбар, ыштан		Махм. Кашг. <i>ум</i> , узбек., кирг. <i>шым</i> , казах. <i>сым</i> — штаны, шаровары
"	ака, ака- пуç	"	сабан	первобыт- ный дере- вянный плуг	
"	сурла	"	урак	серп	
"	ёне	"	сыер		орх., М. Кашг., уйг., тур., шор., тув., чагат. <i>ингак</i> , <i>инек</i> , якут. <i>ынак</i> , урянх. <i>инй</i> , <i>инйк</i> , гаг. <i>инек</i> , монг. <i>үне</i> —корова ¹
"	кёсре	"	бия		М. Кашг., казах., тур., чагат. <i>кысрак</i> , тув. <i>кы- зырак</i> —кобылица ¹
"	путек	"	бәрен	ягненок	таранч. <i>бойтак</i> , казах. <i>бойдак</i> —двухлетняя овца
"	тиха	"	колун		кирг. <i>тай</i> , монг. <i>даха</i> — жеребенок
"	сысна	"	дунгыз	свинья	венг. <i>disznó</i>
"	кашкăр	"	бўре		казах. <i>касқыр</i> , кирг. <i>ка- рышкыр</i> —волк
"	уйăх	"	ай		булг. <i>айх</i> —месяц
"	масар (араб.)	"	каберлек,	зират	кирг. <i>мазар</i> , каракалп. <i>мазарлык</i> —кладбище
"	куланай	"	имана		др. уйг., шорск. <i>калан</i> — подать
"	çăкăр— хлеб	"	икмэк, эпи	хлеб	казах. и узб. <i>жўгери</i> , кирг. <i>жўгөрү</i> —кукуруза, тур. <i>чдкери</i> —просо

¹ Монгольский словарь Мукаддимат аль-адаб, 1938, стр. 113 (элик); 171 (кысрак), 279 (инек).

„	тырă	„	ашлык		тув. <i>тарыг</i> —посевы, хлеб в зерне и на корню, тур. <i>дари</i> —просо
„	хыр	„	нарат	сосна	
„	кёрёк	„	тун		М. Кашг., тур. <i>күрк</i> —шуба
„	пурşын	„	ефёк		др.-уйг., Мах-Кашг. <i>барчин</i> (перс.)—шелк
„	сăмах	„	сўз		орх. <i>саб</i> —слово, речь
„	хаййар	„	ком		казах. <i>кайыр</i> —песок и т. д.

Число этих примеров можно значительно увеличить, но и приведенных, нам кажется, достаточно, чтобы правильно заключить, что древнейший тюркский пласт чувашского языка возник вне влияния, вне зависимости от татарского языка. Указанный лексический фонд чувашского языка находит себе соответствия или в древнетюркских языках рунической письменности или же в тюркских языках, имеющих сферу своего распространения далеко за пределами Чувашии, но в отдаленном прошлом, повидимому, имевших отношение к булгарам, а может быть и соприкасавшихся с ними.

У казанских же татар в административном управлении тон задавали, вероятно, не булгары, а пришлые кыпчаки-куманы, выходцы из Золотой орды, астраханские и крымские татары и другие тюркоязычные племена. Они же, видимо, играли решающую роль в окончательном формировании татарской народности и языка. Правильно указывает М. Сафаргалиев, что „после образования Казанского ханства, когда произошла более или менее устойчивая концентрация родственных по языку, быту и хозяйственному укладу народностей и племен, началось формирование современных татар путем слияния различных тюркоязычных народностей и племен, близких между собой не только по культуре, но и по хозяйственному быту. В длительном процессе образования современных татар, кроме местных болгарских племен и татар, переселившихся в период Золотой орды, повидимому, приняли участие и буртасы.“¹

Нельзя забывать и того, что сами булгары являлись весьма сложным этническим образованием, и язык их мог иметь некоторые диалектные особенности. Махмуд Кашгарский в составе болгарского народа отмечает только два тюркоязычных племени: племя булгар и племя сувар. Возможно, что племя булгар принимало преимущественное участие в формировании татарской и башкирской народностей, а племя сувар (суваз)—чувашской.

Из предыдущего изложения ясно, что в чувашский язык хотя и перешло значительное количество кыпчакско-татарских слов, но сами кыпчаки и казанские татары не участвовали в

¹ М. Сафаргалиев. Один из спорных вопросов истории Татарии. Журнал „Вопросы истории“ за 1951 г., № 7, стр. 80.

этногонии чуваш. Наоборот, локальный чувашский этнический элемент заметно выделяется в составе народности казанских татар.

Таким образом, наличие тюркского этнического элемента в составе чувашской народности, обязанное, как мы выше указали, булгарам в лице отдельного племени их сувазов или сувар, не подлежит сомнению. Красноречиво говорит об этом словарный состав современного чувашского языка. Какую бы область общественно-хозяйственной жизни чуваш мы ни взяли, везде в названиях и частей тела, и родства, и предметов домашнего обихода, животных и птиц и пр., везде видим исключительно преобладание тюркских слов, представляющих главным образом древнебулгарское наследство и только частично являющихся заимствованиями из татарского языка или созданиями самих чуваш по внутренним законам развития своего языка.

8. ФИНСКИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В СОСТАВЕ ЧУВАШСКОЙ НАРОДНОСТИ

Этногонический процесс формирования чувашской народности не ограничивается одним скрещением доисторических предков чуваш с булгарами-сувазами первого потока, частично и с булгарами второго потока, он продолжается и дальше. Из позднейших этнических элементов, влившихся в состав чувашской народности, нужно указать локальные скрещения верховых чуваш с марийцами. В настоящее время в Чувашии имеется до десятка селений с наименованием „Ҫармăс“ (черемисы): Туҫи Ҫармăс, Хура́нсу́р Ҫармăс, Чăваш Ҫармăс, Ҫармăскасси или просто Ҫармăс. Все эти селения чувашские, ни одного марийца в них нет. Предание гласит, что некогда здесь жили марийцы, что они потом слились с чувашами. По историческим документам также известно, что в деревне Шемурше, где теперь живут исключительно чувашаи, еще в XVII веке жили марийцы. Этимология слова вполне подтверждает это: мар. шем—черный, уржа—рожь, шемурша—черная рожь, т. е. спорынья. При скрещивании с марийским языком чувашский язык выходил обычно победителем: ни основной словарный фонд, ни грамматический строй чувашского языка при этом несколько не пострадал, наоборот, он обогатился двумя-тремя десятками марийских слов. Сюда относятся: чув. ан (ка́кшам ани), мар. ан—отверстие.

чув.	вачă	мар.	вася	рыболовная снасть, сплетенная из лучин
„	кай	„	каяш	уходить, уезжать
„	капйр	„	ковыра	щеголь
„	кашăл	„	кышыл	обруч
„	ка́ткă	„	кутко	муравей
„	ля́ка	„	лыгат	трясти
„	лё́пке	„	лёп, лёпка	темя, лоб

чув.	лутра	мар.	ладра	низенький
"	мёлке	"	ўмўлкя	тень
"	нўр	"	нбры	сырость
"	пакарта	"	пагар	зоб
"	сўсмен	"	сўспан	хомут
"	турпас	"	тарваш	щепка
"	пўрт	"	пбрт	изба, финск. pirtti и т. д.

В финские языки последнее слово проникло из литовского языка, где pirtis — баня, perti — мыть кого-нибудь, хлестать веником от корня, означающего пар (ср. Веске. Славянско-финские культурные отношения по данным языка. Казань. 1890, стр. 215—216) и т. д.

Культурные взаимодействия между чувашами и мари́йцами, имевшие некогда место, не остались без последствий. Они сказались в повседневном быту чуваш: в одежде, обуви, домашней обстановке и пр. Местами и антропологический тип чуваш совпадает с мари́йским.

Таким образом, чувашский народ формировался и язык его вырабатывался на нынешней территории в течение многих столетий в процессе взаимодействия различных этнических и культурных элементов.

9. ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОГО РУССКОГО НАРОДА В КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ЧУВАШ

Своим же культурным подъемом чувашаи всецело обязаны великому русскому народу. Прогрессивное влияние передовой русской культуры на чуваш началось с древнейших времен, и оно шло как по линии экономики и культуры, так и по линии языка. В чувашском языке мы находим слова *кѣмпа* (произносится *кѣмба*) — гриб, *кѣнчеле* (ч звонкое — джь) — сверток очищенной кудели, приготовленный для пряжи. Слова эти, вне всякого сомнения, проникли сюда от восточных славян раньше X века, когда у последних в языке еще были носовые гласные: юс большой, юс малый. Ср. г¹ ба, к¹дель. И в последующие времена не прекращался приток новых русских слов в чувашский язык в связи с широким культурным воздействием русских на чуваш. Хотя чувашаи, повидимому, очень рано оставили кочевой быт и, осев на постоянных местах жительства, занялись земледелием, но все же применением более рациональных приемов в области сельского хозяйства они обязаны были русским. Например, основное земледельческое орудие соха (чув. *суха*, *сухапуҫ*) переходит к ним от русских довольно рано, возможно даже в болгарский период в IX—X вв., так как свой первобытный плуг (*ака*, *акапуҫ*) более пригоден был у них для поднятия нови. Вероятно, в эту же эпоху или немного позднее чувашаи научаются от русских возделывать озимую рожь (ср. чувашское название „*ыраш*“). Раньше у них

¹ Юс большой.

излюбленными культурами были только яровые культуры: полба—пәри, пшеница—тулă, ячмень—урпа, горох—пәрса и др. Название крупы — *кёрпе* у чуваш также русское, для каши остается свое название пĕтĕ, в других тюркск. яз. бутка.

Система овинной сушки снопов чувашами перенята также от русских. Ср. слово *аван*—овин, аван карти, анкарти—гумно. До сближения с русскими мы не знаем о существовании у чуваш овинов.

И в области пчеловодства русские явились учителями чуваш. Они раньше оставили первобытную бортевую систему и перешли к более усовершенствованным приемам разведения пчел — к применению переносных колодных ульев и пасечной системе. Об этом красноречиво говорят чувашские слова *вĕлле* (в—протетический звук), *утар* (удар), представляющие собой очувашенные названия русских слов: улей и неизвестного теперь одр—примост к дереву в лесу, куда ставили улы-колоды (Даль. Словарь II, стр. 1686, 3-е издание). Из музыкальных инструментов гусли, несомненно, перешли к чувашам от русских, что видно из названия его *кёсле*—гусли и т. д.

В позднейшие же периоды истории чуваш культурное влияние русских на них заметно усиливается. С момента вступления их в состав Русского государства мы не найдем в общественной и хозяйственной жизни их ни одного участка, где бы не чувствовалось влияние передовой русской культуры.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед чувашским народом широкие перспективы свободной творческой деятельности. За 35 лет существования в условиях советской власти коренным образом преобразилась экономика Чувашии. Благодаря последовательному и неуклонному проведению партией и правительством ленинско-сталинской национальной политики и братской помощи со стороны великого русского народа расцвела культура чувашского народа—национальная по форме, социалистическая по содержанию.

Проникнутый безграничным доверием к родной партии и Великому Сталину, чувашский народ уверенно идет вперед, к светлomu коммунистическому будущему.

С. П. ГОРСКИЙ,
доктор филологических наук.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЧУВАШСКОЙ ОРФОГРАФИИ

В 1871—72 гг. видный деятель по народному образованию чуваш И. Я. Яковлев составил алфавит, исходя из учета общих звуков для всех диалектов чувашского языка, с устранением нетипичных звуков отдельных говоров.

Чувашский алфавит был составлен на основе русской графики. Для обозначения специфических звуков чувашского языка, например для обозначения краткости и мягкости звуков, были применены диакритические знаки.

Новый алфавит состоял из 25 букв: аА, аӐ, уУ, ыЫ, еЕ, ёЁ, ѳѲ, иИ, лЛ, ъ, мМ, нН, ъ, рР, сС, сҪ, шШ, вВ, кК, хХ, пП, тТ, т, Т.

После создания алфавита И. Я. Яковлев приступил к нормализации чувашского правописания. В основу развития литературного языка был положен низовой диалект, и с учетом общенародного языка были выработаны первоначальные правила по правописанию, носившие название „Предуведомление“, которые печатались в качестве предисловия к букварю в различных его изданиях.

Чувашский алфавит и орфография, выработанные во II половине XIX века на основе новейших научных достижений по языкознанию того времени, в значительной степени способствовали становлению литературного языка.

Средств этого алфавита было вполне достаточно для транскрибирования всех звуковых явлений чувашского языка. Как показывает практика нормативной орфографии и опыт чувашской публицистики периода первой русской революции, чувашский оригинальный алфавит, составленный И. Я. Яковлевым, особых затруднений не испытывал. В случаях, как о том говорилось в „Предуведомлениях“ И. Я. Яковлева к первому чувашскому оригинальному букварю, когда слова брались из церковнославянского и русского языков, то они сохраняли свое правописание, исключая окончаний.

Газета „Хыпар“, как мы знаем, в течение одного года с лишним пропагандировала это положение и офографировала

так: *Сберегательная кассара, Россіяра, Курскій губерніра* (или: *кѣпѣрнере*). Такая практика передачи заимствованных слов продержалась в основном до Великой Октябрьской социалистической революции.

Старые, дореволюционные орфографические нормы после Великой Октябрьской социалистической революции, в результате которой чувашский народ получил полную возможность „развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов“,¹ перестали удовлетворять общественность. Однако „новое“ направление в правописании заимствованных слов, которыми стал усиленно пополняться после революции словарный состав чувашского языка, в первое время не отличалось движением вперед, по сравнению с правилами И. Я. Яковлева. Вот несколько образцов передачи заимствованных слов этого времени: *хветератси, театр, социалисѣм, коммун, актѣ, тситатѣ, клопус, журнал* и т. д.

Коренное изменение социальных и политических основ жизни чувашского народа, все усиливающееся общение между русским и чувашским народами с каждым годом обогащало чувашский язык заимствованиями из русского языка и интернациональными словами.

Стремление к передаче всех заимствований средствами чувашского алфавита, носившее явно националистическую окраску, не имело жизненной основы, так как невозможно было без грубого искажения передавать слова: *федерация, факультет, фельетон, торф, факт, революция, совет, коммунист, комсомол* и др.

Буква *о* вошла в практику письма без всякого на то постановления. Вернее будет сказать, что она не была устранена из практики письма в силу того же „Предуведомления“ И. Я. Яковлева. В 1926 году Центральный Исполнительный Комитет Чувашской АССР своим постановлением законодательно закрепил факт бытования в практике письма буквы *о* и дополнил, кроме того, чувашский алфавит буквой *ф*.

Попутно было принято правописание некоторых слов на основе произношения верховых чуваш, например: *сѣмѣр* вместо *сумѣр*, *йѣтѣ* вместо *йытѣ*, *йѣвѣр* вместо *йывѣр*, *эпѣр* вместо *эпир*.

Новое правописание этого рода слов было принято не на основе каких-либо научных обобщений, а в силу определенного перевеса верховых говоров и влияния последних на язык периодической печати, издание которой после основания Чувашской автономной области было сосредоточено в Чебоксарах, центре верховых говоров.

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. V. Часть I, Партиздат, 1936 г., стр. 394.

В годы Советской власти Конституции союзных республик начали закреплять в законодательном порядке право народов СССР на свободное развитие национальных языков СССР, предоставленное им Великой Октябрьской социалистической революцией, несколько позже это право закрепляется и в Конституциях автономных республик. Так, например, Конституция РСФСР от 11 мая 1925 г. признает за гражданами РСФСР „право свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни. Национальным меньшинствам обеспечивается право обучения на родном языке в школе“ (стр. 13).

Лексика чувашского языка особо заметно пополняется новыми словами, отображающими новый этап общественно-политической жизни Советского государства в связи с индустриализацией страны и коллективизацией сельского хозяйства. При этом следует отметить, что благодаря начавшейся культурной революции, молодое поколение начинает произносить значительное количество заимствований в русском произношении, как, например: *совет, комсомол, колхоз, трактор, ферма, сеялка, плуг, клуб, бригада, завод, закон, журнал, циркуль, цех* и др. Это объясняется постоянным совместным участием трудящихся русских и чуваш в политической жизни страны, в развитии народного хозяйства и культурного строительства.

Новое содержание никак не укладывалось в старую форму, и последовало второе уточнение алфавита И. Я. Яковлева. Следует отметить, что этот процесс не сопровождался каким-либо взрывом в развитии языка, а происходил в результате постепенного накопления количества для перехода к новому качеству в части правописания и произношения заимствованных слов, составивших в чувашской лексике значительный процент.

Постановлением президиума ЦИК ЧАССР от 1933 года были введены в чувашский алфавит дополнительно 6 букв: *б, г, д, ж, з, ц*. Затем из алфавита была исключена буква *т*., вместо которой введена из русского алфавита буква *ч*.

Это мероприятие способствовало дальнейшему закреплению произношения заимствованных из русского языка слов (главным образом терминов) в русском произношении, что в немалой степени облегчило изучение русского языка в чувашской школе.

К началу 30-х годов в практической работе по изданию учебников делается некоторая попытка нормализовать правописание слов, дающих незначительные звуковые расхождения в двух основных диалектах: *сăкăр* и *сăккăр*, *тутăр* и *туттăр*, *кукăль* и *куккăль* и др. Правописание, а отсюда и орфоэпию подобных слов, практика утвердила через учебники в произношении низовых чуваш: *кукăль, сăкăр, тутăр* и т. д. По аналогии правописание причастий, наречий и прилагательных на *-лăй, -лĕ, лăа, -лĕе, -лли* тем же постановлением прези-

диума ЦИК ЧАССР было принято также в произношении низовых чуваш: *каймала, каймали, лашала, лашалӑ, вӑрманала, унтала, кунтала* и др.

Орфография 1933 года отличается половинчатостью в смысле приближения произношения заимствованных слов к русскому произнесению, непродуманностью междialeктных расхождений, вследствие чего правописание прилагательных, причастий и наречий на *-ла, -ле, -лӑ, -лӗ* при пересмотре орфографии в 1938 году было опять оставлено по-старому, т. е.: *каймала, каймалли, лашалла, лашаллӑ, вӑрманалла* и т. д.

В отличие от предыдущих правил правописания, орфография 1938 года до ее утверждения Президиумом Верховного Совета ЧАССР была уточнена в Институте языка и письменности Академии Наук СССР. Алфавит чувашского языка в 1938 году третий раз подвергся изменению и дополнению. В него были включены буквы: *щ, э, ю, я, ь, ь*. Из алфавита исключены буквы *ӗ, ӧ, ӧ*. Вследствие включения букв *е, я, ю* буквы *ь, ь* получили дополнительную функцию разделительного знака. Разумеется, *ь* и в чувашском языке в качестве основной функции сохранил значение знака смягчения согласных.

Таким образом, алфавит чувашского языка, составленный в 1871—72 годах И. Я. Яковлевым и состоявший из 25 букв, пополнился всеми буквами русского алфавита и сохранил для передачи специфических звуков чувашского языка четыре буквы: *ӑ, ӕ, ӗ, ӧ*.

Этот новый чувашский алфавит, возникший на основе дружбы чувашской социалистической нации с великой русской социалистической нацией, призван служить дальнейшему развитию чувашского литературного языка. Можно надеяться, что чувашский алфавит и чувашская орфография пойдут в ходе своего развития по пути не расхождения, а сближения, но с полным сохранением при этом законов внутреннего развития чувашского языка. При этом само сближение чувашского языка с русским в части заимствованных слов, алфавита и орфографии следует рассматривать в системе развития внутренних законов чувашского языка за ряд столетий.

Орфография 1938 года сделала первую попытку сохранить единую графику как в исконно чувашских, так и в заимствованных словах. Так, например, буквы: *е, ю, я, э, ь, ь* употребляются в аналогичных русскому языку случаях и для передачи чувашских слов; буква *щ* не имеет обращения в чувашских словах и употребляется лишь в заимствованных словах.

Орфография 1938 года установила правописание многих основ заимствованных слов без изменений, но с допуском изменения окончаний в тех незначительных случаях, когда, например, окончание является категорией, не типичной для чувашского языка (категория рода и в некоторых случаях категории

числа). Например: 1) аптека, литература, басня, судья, Марье; 2) революции, постановления, пролетари, чернил и др.

В орфографии 1938 года впервые сделана попытка уточнения правописания сложно-составных слов. В орфографическом словаре, составленном на основе орфографических правил 1938 года, допущено слитное письмо для всех сложных слов, составляющих одно понятие и объединяемых в единое целое единством ударения, причем подобные словосочетания являются несвободными сочетаниями слов: *шывсикки, хирчӑххи, хурӑн-сырли, уӑмури, алсырӑвӗ*. Исключением являлись словосочетания, которые хотя и составляют одно понятие, но не имеют единого ударения. Подобные слова писались раздельно: *арӑсӑн ача, пуҫ пӑрне, кача пурне, пуҫ тӑпи, сӑмса шӑтӑкӗ* и др.

В годы Великой Отечественной войны некоторые работники издательства (в 1944—45 гг.) подняли вопрос о пересмотре орфографических правил в порядке их дальнейшего улучшения. Вопрос временно разрешился постановлением орфографической и терминологической комиссии по незначительным пунктам правил. Постановлено было писать *Верховный* вместо *Верховный*, *Центральный* вместо *Центральный*, *дежурный* вместо *дежурный*.

Следующее изменение орфографии происходит в 1949 году. Наряду с положительными моментами по уточнению правил орфографии следует отметить и отрицательные стороны правил этого года.

Без достаточного основания и научного обоснования было принято правописание сложных слов. Многие сочетания слов, составляющие одно понятие, одно неразложимое словосочетание, объединенное единством ударения, даны в раздельном написании вопреки традиционному слитному письму этих слов в течение всего послеоктябрьского периода: *хӗрача* (писалось вместе около 80 лет), *ӗҫӑнни, ӗҫхалӑх, ялхуҫалӑх* (за все годы советской власти), *хӑшпӗр* (с 1938 г.).

Изменения подобного рода вызвали возражения со стороны учителей и многих практических работников и сетования на непоследовательность и произвольность в орфографировании общеупотребительных слов.

15 января 1951 г. по ходатайству работников издательства орфографическая и терминологическая комиссия постановила:

1. Писать слитно следующие слова: *ӗҫӑнни, ӗҫхалӑх, ялхуҫалӑх, хӗрача, виҫӗмкун, виҫӗмсул, хӗҫпӑшал, хӑшпӗр*.

Чувашский научно-исследовательский институт к этому пункту прибавил еще 3:

2. Писать следующие слова через дефис: *пыра-киле, пурӑна-киле, пӗле-тӑра, кура-тӑра, куллен-кун, суллен-сул*.

3. Писать следующие слова в чувашском прозношении: *лавкка, парӑс, кӑранташ, пӑрахут, пӑравус*.

4. Имена людей можно писать и в русском, и в чувашском произношении: *Вася—Васса, Петя—Пеття*.

В орфографических правилах 1949 года непродуманным является также 13 § в отношении правописания слов: *пурнӑс, таврӑн, саврӑн, вырнас, уйрӑл*. Изменение правописания этих слов вызывает справедливые нарекания отдельных учителей чувашского языка. Правописание слов: *пурӑнӑс, савӑрӑнса, вырӑнасрӑмӑр, уйӑрӑлтӑмӑр* закрепилось в букварях И. Я. Яковлева, в творчестве К. В. Иванова и в последующей литературе и держалось вплоть до 1949 года.

Орфографические правила 1951 года и орфографический словарь того же года, вышедшие отдельным изданием, значительно упорядочили чувашское правописание и подготовили основу для дальнейшего развития чувашского литературного языка. Положительной стороной правил и словаря является то, что они в значительной степени закрепляют нормы орфографии (а отсюда и орфоэпии), утвердившиеся за ряд лет послеоктябрьского периода: *пахчаӑ, сулӑ, сӑтсӑнталӑк, тӑштырӑ, тырпул, пуҫ пӑрне, кача пӑрне* и т. д.

Закономерным следует также считать некоторое ограничение слитного письма сложных слов: *хура тӑпра, хура тӑхлан, ту качаки* и др.

Но вместе с тем следует отметить, что как орфографические правила, так и словарь отражают следы какой-то спешки и недоделки. Несмотря на то, что они вышли через год после появления трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, некоторые положения гениального учения нашего вождя не учтены.

И. В. Сталин учит: „Некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки... Что касается остальных диалектов таких языков, то они теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них“¹.

Если в период формирования чувашской буржуазной нации в основе литературного языка закрепились некоторые слова в произношении низовых чуваш и это произношение в советскую эпоху также принималось за норму, то к чему казалось бы надо было менять эти нормы, вместо *шултӑра, пултӑран, турчӑка—шултра, пултран, турчка* и др. Тем более правописание подобных слов с пропуском редуцированного гласного *ӑ* не содержится в 13 § правил орфографии, а потому включение их в орфографический словарь в произношении верховых чуваш после 80-летней практики письма и произношения их следует считать легкомысленным отношением к развитию литературного языка.

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Издательство „Правда“, 1950 г., стр. 37.

То же следует сказать и в отношении слов, которые даны в словаре в двух вариантах, т. е. в произношении низовых и верховых чуваш: *хултӑрчӑ* (низ.) и *хултӑрч* (верх.), *тӑхлачӑ* (низ.) и *тӑхлач* (верх.), *шӑнкӑрчӑ* (низ.) и *шӑнкӑрч* (верх.). Если до появления трудов И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» подобные вопросы часто путались в чувашской орфографии, то сейчас можно было принять только одну форму.

Под грамматические формы признака сложных слов не следует включать выпадения редуцированных гласных *ӑ*, *ё*, находящихся в исходе слова. Это только сбивает учащихся. Например: *сивчир*. Здесь признаком слитного письма не является выпадение звука *ё*, в этом случае пришлось бы писать слитно и слово *сён сул*. Следует приводить только те грамматические формы, как признаки для сложения основ, которые помогают делать обобщение правил (признаков) сложных слов. Надежным признаком сложных слов является группировка их по частям речи, но этот признак получает силу лишь в совокупности с другими признаками сложных слов.

Признак сложных слов, проводимый делением слов по прямому и переносному значению, является верным признаком всех неразложимых словосочетаний, но слитное или раздельное письмо сложных слов охватывает лишь частично. Желательно, чтобы орфография и других подобных слов была приведена к единству.

Словосложение в общей системе словообразования занимает особое положение, а потому остается областью неизученной. Ряд ученых, например, Бодуэн де Куртене и его школа в лице Богородицкого В. А., Крушевского Н. В. занимались, главным образом, суффиксальным образованием новых слов и совсем не касались префиксального образования слов, очень мало освещали вопрос словосложения.

Академик Щерба Л. В. называл словообразованием все «живые схемы для обозначения новых понятий» и считал нужным помещать их в грамматике, а непродуктивные, неживые случаи давать в словаре.

Из всех высказываний академика Щербы по словосложению я хочу привести одно, наиболее характерное: «Принимая во внимание единичность лексических элементов и применимость правил грамматики о словообразовании и словоизменении многим словам, можно противопоставлять лексическое грамматическому как единичное — типовому. В этом смысле я предлагаю говорить о явлениях словарных и типовых»¹.

«С одной стороны все индивидуальное, существующее в памяти как таковое и по форме никогда не творимое в момент

¹ Журнал «Преподавание иностр. языка в средней школе», № 1, 1947 г., стр. 82.

речи—лексика, и с другой стороны—все правила образования слов, формы слов, группы слов и других языковых единств высшего порядка—грамматика¹.

В послеоктябрьский период развития чувашского литературного языка в порядке обозначения новых понятий образовано много новых слов посредством словосложения. Орфография многих таких слов (*ёсхалăх, сёршыв, сулпуç*) установилась стихийно, без теоретического обоснования.

Следует отметить, что орфографические правила и словарь 1938 года не ставили задачи внесения коренного изменения по вопросу теоретического обоснования правописания слов, образованных посредством словосложения. Они даны были в том виде, в каком закрепила их практика письма того времени.

Признаками сложного слова, образованного посредством словосложения, считались: 1) выражение сложным словом (главным образом терминологического порядка), нового понятия отличного от значения отдельных компонентов; 2) изменение форм слов, входящих в состав сложного слова; 3) единство ударения как признак сложносоставного слова.

Орфографические правила 1949 и 1951 года и орфографический словарь 1951 года встали на иной путь толкования сложносоставных слов. Пересмотрены были все слова, возникшие на основании словосложения в послеоктябрьский период, и максимально сокращено количество их. Грамматические признаки сложносокращенных слов, изложенные в 58—61 §§, создают значительные затруднения для различения слов, образованных посредством словосложения: *сăматă* и *хут купăс*, *сăран атă*; *сёрулми* и *сёр сырли*, *сёр кăмрăкё*; *куçхарши* и *кантăк харши*, *хура тăпра* и *сарсу*, *шăн су*; *вункунлăх* и *пилёк кунлăх*; *хёвел ури* и *улмури*, *юханыш* и *вёсен кайăк*, *пушхир*, *шăлсемми* и др.

Казалось бы, что после появления гениального труда И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ можно было навести порядок в этом деле.

Незачем было выбрасывать из числа признаков слова, образованного посредством сложения корней, признак единства ударения в сложном слове. Ударение во многих языках является признаком грамматического выражения отношений между словами.

Во всяком случае, если в орфографических правилах было затруднительно изложение грамматических признаков сложных слов, то в учебнике грамматики их следует изложить с предельной ясностью. Необходимо подробнее проанализировать словосочетания, используемые при словосложении, при этом

¹ Щерб а. Очередные вопросы языковедения. „Известия АН СССР“, № 5, 1945 г., стр. 181.

признак единого ударения в слове является признаком различия слитного написания слова от раздельного. Указанное явление одинаково проявляется при сочетании слов посредством управления и примыкания. И в том и в другом случае управляемое и примыкаемое слово в неразложимых словосочетаниях не является членом предложения.

7-ой пункт предисловия (59 § правил правописания) точно излагает признак слитного и раздельного письма. Сочетания двух слов, образующиеся без всякого изменения формы, пишутся раздельно в прямом значении и слитно при переносном значении: *пёркун* (намедни), *пёрмай* (постоянно), *сурсёр* (полночь), *вёрмтуна* (комар), *вёрмсёмса* (долгоносик), *утмёлтурат* (василёк), *пилёксуллах* (пятилетка). Следует отметить, что подобных слов вообще-то мало, однако слитное правописание всех остальных сложносоставных слов подпунктами предисловия и остальными параграфами правил не охватывается. Например: *улмури* (чтобы подвести под правило, здесь искусственно выпущен звук й), *тем те пёр* (раздельное письмо не аргументировано), *аса-сисём* (письмо через дефис не аргументировано), *юханшыв* (слитное письмо не аргументировано; см. *выртан каска*, *вёсен каййак*) и др. Вследствие недостаточных научных обобщений правописания сложносоставных слов, правописание их следует запоминать по орфографическому словарю.

За исключением указанных моментов новая орфография значительно упрощает чувашское правописание.

Кстати, надо отметить, что в статье тов. Васильева А. И. „Вопросы чувашской орфографии“ („Записки“ Чувашского Научно-исследовательского Института, вып. II, 1949) определение орфографии дается как классовое, с точки зрения антимарксистского, марровского учения о языке.

В заключение необходимо выразить следующее пожелание. Чувашскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории необходимо продолжить работу по уточнению орфографии чувашского языка, применительно к той основной линии развития науки о языке, которая довольно четко определилась за эти два с половиной года благодаря гениальному труду И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“.

Н. Ф. ДАНИЛОВ

ЯЗЫК И СТИЛЬ РОМАНА К. ТУРХАНА „ЙАМРАЛЛА ЯЛ“ („ДЕРЕВНЯ В ВЁТЛАХ“)

Исторические решения XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза и гениальный труд И. В. Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“ поставили перед работниками идеологического фронта задачу подъема всей идеологической работы в стране на новую, высшую ступень. Они имеют, в частности, огромное значение для дальнейшего развития нашей многонациональной советской литературы.

В отчетном докладе XIX съезду партии тов. Г. М. Маленков указал, что благодаря мудрому руководству Коммунистической партии советская литература успешно развивается по единственно верному пути—по пути социалистического реализма. Поэтому она является самой идейной и передовой литературой в мире. Вместе с тем тов. Маленков указал также, что идейно-художественный уровень многих произведений все еще остается недостаточно высоким, наметил программу дальнейшего развития советской литературы, сформулировав марксистско-ленинское определение типического, как основной сферы проявления партийности в реалистическом искусстве, и поставил перед писателями проблему сознательного преувеличения и заострения художественного образа.

Претворение в жизнь указаний партии, активное содействие дальнейшему росту и процветанию советской литературы является боевой задачей литературной критики. Смело поддерживая все подлинно передовое, каждый удачный шаг художника вперед, литературная критика обязана, наряду с разоблачением всякого рода проявлений буржуазной идеологии, бороться против безидейности, фальши, против серости и посредственности в произведениях литературы.

Автор данной статьи ставит перед собой ограниченную задачу—разбор языка и стиля одного из значительных произведений чувашской художественной литературы последних лет—романа К. Турхана „Деревня в вётлах“ с тем, чтобы показать, как успехи автора романа в разработке языка художественной

литературы, так и замеченные недостатки, над устранением которых автору целесообразно было бы работать в дальнейшем.

Известно, что язык и стиль любого литературно-художественного произведения неразрывно связаны с идейным замыслом и творческой личностью писателя; они неотделимы от образной ткани произведения и характера действующих лиц. Поэтому анализу языка и стиля романа К. Турхана „Деревня в ветлах“ должно предшествовать хотя бы краткое рассмотрение идейного содержания и художественной формы данного произведения.

1

Роману К. Турхана „Деревня в ветлах“ в сравнении с другими крупными произведениями чувашской прозы, можно сказать, повезло. Со времени выхода романа в свет в республиканских газетах и в литературно-публицистическом журнале „Ялав“ („Знамя“) успело появиться по одной-две критических статей и рецензий с разбором идейно-художественных достоинств и недостатков романа (см. библиографию). Оно и понятно: чувашский советский читатель давно уже ждет от чувашских писателей широких полотен, отображающих жизнь и борьбу чувашских рабочих, колхозников и интеллигенции за торжество идей коммунизма. Роман „Деревня в ветлах“ был встречен читателем с надеждой, что он в какой-то мере сумеет удовлетворить его давние законные ожидания. И критики с рецензентами, выступившие на страницах печати, пришли к единодушному мнению, что роман К. Турхана является одним из лучших произведений чувашской художественной прозы за последние годы.

Оживленному обсуждению подвергся роман и на третьем съезде советских писателей Чувашии, происходившем в июне 1952 года. Причем мнения выступавших здесь довольно резко разошлись. Основной докладчик на съезде тов. Агаков Л. Я., как в отчетном докладе правления ССП, так и в заключительном слове, оценил этот роман как выдающееся произведение чувашской литературы последних лет. Заведующий же отделом критики журнала „Знамя“ тов. В. Уваров, присутствовавший на съезде в качестве одного из представителей Правления ССП СССР, возразив против оценки романа тов. Агаковым, охарактеризовал роман художественно недоработанным, композиционно не сложенным, а основных героев—во многом схематичными, условными фигурами. Кроме того он говорил, что „работа низовой парторганизации в романе почти не дана. А реши тов. Турхан эту задачу, и его произведение было бы достойно самого высокого одобрения“¹.

¹ См. застенографированную речь В. Уварова на 3-ем съезде ССП Чувашии, выправленную оратором и хранящуюся в Правлении ССП Чувашии.

По ознакомлении с этой оценкой, можно подумать, что роман „Деревня в вѣтлах“ настолько неудачное и посредственное произведение, что он не стоит не только подробного разбора, но даже сколько нибудь внимательного ознакомления. Однако, это не совсем так.

Мы бесконечно признательны т. Уварову за его нелюбимую критику, направленную на исправление ошибок, еще встречающиеся в произведениях чувашской советской художественной литературы, за критику „без скидок“, без которой абсолютно не может развиваться молодая чувашская художественная литература. Несколько сглаживая и ослабляя конфликты, отображаемые в рассматриваемом романе, автор романа действительно частично исказил жизнь и лишил себя возможности построить сюжет более острый и занимательный. Тем самым он затруднил себе всесторонне раскрыть и углубить характеры своих героев, т. к. в жизни лишь в принципиальной, непримиримой борьбе выявляются до конца характеры людей. К сожалению, в выступлении т. Уварова были и ошибочные утверждения, не точно характеризовавшие некоторые детали произведения. Видимо, читая роман лишь по подстрочнику, критик не допоял принцип художественного воплощения автором своего идейного замысла. Поэтому, пользуясь случаем, предварительно невольно хочется уточнить эти детали романа. Например, выступая на съезде, критик утверждал, что по роману „уже в те, военные годы встал вопрос и об укрупнении колхозов, и это Ятманом успешно осуществляется“.

На самом деле по подлиннику романа видно, что Ятман впервые серьезно ставит вопрос об укрупнении колхозов лишь после окончания Великой Отечественной войны в беседе с коммунистами Кабиром и Галимджаном по возвращении их из армии (стр. 293—295). И ставит он этот вопрос настолько искусно и убедительно, как вполне назревший и животрепещущий вопрос для описываемых в романе колхозов, что первый положительный ответ на него дает рядовой колхозник-молотобоец кузницы Галимджан. Горячо поддерживает его и бывший председатель колхоза „Алга“ Кабир.

Но здесь возникает вопрос: а вправе ли рядовые коммунисты, исходя из конкретных местных условий, поднимать актуальные проблемы по различным отраслям хозяйства и культуры, по которым еще не состоялись принципиальные решения директивных органов? Ставить этот вопрос приходится потому, что именно отрицательный ответ на него дал возможность критику, под предлогом того, что „сельское хозяйство решало тогда иные задачи“, обвинить автора романа в том, что он „пошел здесь против правды“. На наш же взгляд правда жизни, закон общества, строящего коммунизм, состоит в том, чтобы сами рядовые члены советского общества по

своей инициативе, повседневно ставили и принимали меры к разрешению назревших проблем во всех отраслях жизни. В этом один из залогов все более успешного строительства в нашей стране новой, счастливой жизни, свободной от власти эксплуататоров. „Коммунизм начинается там,—говорил великий Ленин,—где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достигающихся не работающим лично и не их „ближним“, а „дальним“, т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик“¹.

А то, что проблема укрупнения назрела для колхозов, описываемых в романе, автор очень убедительно показывает в сцене осмотра Ятманом, Кабиром и Галимджаном межколхозной гидроэлектростанции, выстроенной в последние годы Великой Отечественной войны.

Из картины беседы Ятмана с Кабиром и Галимджаном при осмотре гидростанции видно, что проблема укрупнения колхозов, описываемых в романе, в связи с наличием у них гидроэлектростанции, успела назреть в этих колхозах в первый же год перехода страны на мирное строительство, и критик неправ здесь не только в отношении неверной информации о сроке постановки и разрешения этой проблемы Ятманом, но и со стороны обвинения автора в отступлении от правды жизни. Отступлением его от правды было бы лишь в том случае, если бы автор тянул жизнь не вперед, а назад или если бы условия для укрупнения колхозов были незрелыми.

Недопонимание критиком идейного замысла автора и художественной ткани романа видно из рассуждений критика о неслаженности отдельных картин. Так, желая доказать, что роман композиционно „не выстроен“, растянут, критик говорил на съезде следующее:

„Начинается роман с описании того, как девушка Агай слышит игру на гармошке дорогого ее сердцу Галимджана. То ли он сам на фронт уезжает, то ли провожает в армию товарищей. Агай бежит на звуки гармошки возлюбленного. Далее идет сценка прощания—Галимджан уезжает на фронт.

Казалось бы, Агай и Галимджан в дальнейшем будут играть немаловажную роль в произведении. Можно бы предположить, что автор расскажет, как развиваются их чувства. Но писатель этого не сделал. Галимджан появляется лишь к концу книги, забывает автор и о любви Агай и Галимджан“².

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. IV, т. 29, стр. 394.

² См. упомянутую стенограмму.

В этом отрывке речи снова в первую очередь обращает на себя внимание прямое искажение критиком сюжетных деталей произведения. Неправда, что автор не рассказывает читателю про то, как развиваются чувства Агая (Угахви) и Галимджана. Неправда и то, что автор забывает о любви Агая к Галимджану, т. к., например, в главе XVII первой части романа (стр. 113—118) автор рассказывает о том, как Угахви впервые получила долгожданное письмо от любимого Галимджана и как она побежала делиться охватившей ее невыразимой радостью к своей ближайшей подруге агроному Липе. И письмо Галимджана оказалось преисполненным такой неподдельной любви, что автора письма девушки назвали истинным поэтом.

Второй раз автор напоминает читателю о любви Угахви к Галимджану в сцене встречи брата Угахви, вернувшегося домой из госпиталя на побывку по ранению (глава XXIV, стр. 170).

Третий раз автор возвращается к этой теме в сцене беседы Угахви с Зейнаб при возвращении их домой из райкома ВКП(б) после приема обеих в ряды партии (стр. 265). В день получения на руки партийного билета,—знакомит автор читателя с чувствами Угахви,—даже как-то стыдно, недостойно показалось Угахви вспоминать о любимых, но в то же время ей и хотелось думать о них. „Оказывается, говорит разум Угахви, мы с ним (с Галимджаном) вступили в партию одновременно: я—здесь, он—там, на фронте“.

И, наконец, полного развития эти чувства достигают по возвращении Галимджана с фронта в сцене участия их в праздновании „Агатуя“, где они, уже не стесняясь людей, проводят время вместе (стр. 302—305).

Таким образом, эти сцены полностью опровергают утверждение критика о том, что автор забывает о любви Агая (Угахви) к Галимджану. Да и вообще их роль в романе совсем не маловажная, как пытается утверждать критик. Угахви, возглавив впоследствии полеводческую бригаду, устанавливает вместе с подругами областной рекорд по вязке снопов. А образ Галимджана несет нагрузку персонажа, устанавливающего новые, социалистические отношения в труде с представителем другой нации, с чувашским кузнецом Ниловым. Все же они в романе действительно не играют первой скрипки, и поэтому критик, видимо, недоволен, что сцену прощания второстепенных героев, в связи с отъездом Галимджана в армию, автор решил дать в качестве экспозиции в самом начале романа. Имел ли право автор начать роман с описания действий не главных героев романа? И кто является в романе основным героем? Чтобы ответить на эти вопросы, ознакомимся вкратце с содержанием романа. А пока лишь заметим, что действительно, если бы роман „Деревня в ветлах“ был простым семейно-бытовым романом, изображающим в основном лишь частную,

личную жизнь героев, то автору, возможно, было бы и впрямь неудобно или даже невозможно начать рассказ со второстепенных героев. Здесь же первая сцена играет роль не завязки, а лишь экспозиции, знакомящей читателя с обстановкой, с переходным моментом дальнейшего развертывания действий, точь в точь как в кинокартине „Падение Берлина“. Но перейдем пока к изложению краткого содержания романа.

2

Действие романа „Деревня в ветлах“ развертывается в годы Великой Отечественной войны (с 1942 г.) и захватывает лето и осень 1945 года. Героями романа выступают члены трех приволжских сельскохозяйственных артелей—„Адл“ („Волга“ в чувашской деревне Адлкасы), „Алга“ („Вперед“—в татарской деревне Татаркасы) и „Сёне пурнаç“ („Новая жизнь“—в чувашской деревне Турикас). Темой романа является самоотверженный героический труд чувашских и татарских колхозников на помощь фронту под руководством пламенных советских патриотов в лице Ятмана, Катра Михалы, Кабира, секретаря райкома ВКП(б) Камышина и других, а также искренняя дружба между чувашскими и татарскими колхозниками, установившаяся в результате проведения в нашей стране ленинско-сталинской национальной политики.

В самом начале развертывания событий читатель узнает, что один из трех описываемых в романе колхозов, а именно колхоз „Адл“, еще до войны был в числе передовых не только в районе, но и по области. Переход колхозов от мирной жизни к военному времени автор показывает, рисуя волнующую сцену прощания колхозника Галимджана со своей любимой девушкой Угахви осенью второго года войны. Вскоре вслед за этим в колхоз „Адл“ почти одновременно возвращаются отец Укахви—передовик колхоза Катра Михала, ездивший на фронт в составе делегации, отвозившей фронтовикам подарки от чувашских трудящихся, и первый по колхозу „Адл“ инвалид Отечественной войны Ятман. Оба они, хорошо знакомые с тяжелой обстановкой, сложившейся на фронте к осени 1942 года, возвращаются в родной колхоз с огромным душевным подъемом и преисполненные решимости мобилизовать все силы—свои и колхозников—на помощь фронту. Катра Михала разъезжает с этой целью по поручению райкома партии с отчетом о поездке на фронт по соседним колхозам. В своем колхозе он в первую очередь указывает на плохую работу своим трудолюбивым дочерям Угахви и Аннушке и передовому бригадиру Марине. Те удивляются его необычному поведению, изменению его характера после фронта. Перед председателем правления колхоза Левендеем Катра Михала ставит задачу лучше организовать копку кортофеля, т. к. по его наблюде-

нию некоторые колхозники плохо копают и оставляют на поле много картошки, и расширить сарай для просушки картофеля из-за дождливой осени. Он просит председателя ставить его в дальнейшем на самые ответственные трудные участки работы, в частности, отправить в лес бригадиром рубщиков леса.

Ятмана сразу по приезде райком ВКП(б) намечает парторгом колхоза, и секретарь РК ВКП(б) Камышин поручает ему расследовать жалобу колхозников о самовольной ликвидации Левендеем с начала войны местной промысловой артели. На этой почве, как показывает автор, между Левендеем и передовиками колхозного производства возникает первый конфликт.

Второй конфликт возникает между ним и участковым агрономом Липой по вопросу посева кок-сагыза. Левендей снова не понимает, что для фронта нужен не только хлеб, но, наряду с продукцией промартели, нужен и отечественный естественный каучук.

Третья и четвертая стычки происходят между Левендеем с одной стороны и Липой, Ятманом и другими передовиками колхозов, с другой стороны, по вопросу оказания помощи соседнему колхозу транспортными средствами и по вопросу строительства колхозной гидроэлектростанции. Левендей боится, что вся тяжесть по строительству станции ляжет на колхоз „Адл“, и поэтому, открыто не отказываясь от участия в строительстве, скрытно ведет линию на срыв работы.

И, наконец, наиболее острая борьба разыгрывается в душе Левендея уже после победного завершения Отечественной войны в связи с постановкой Ятманом вопроса о необходимости укрупнить колхозы посредством объединения всех трех описываемых в романе колхозов. В этом деле Левендей помимо своей воли выступает во главе самых отсталых колхозников, вроде Гарифа.

Вторую линию конфликтов изображает автор романа между передовыми колхозниками, с одной стороны, и колхозниками, отражавшими частнособственнические, индивидуалистические идеи и настроения, с другой—Иваном Сехре, Гарифом и трактористом Герасимом. Но у всех этих трех колхозников отсталые настроения проявляются, согласно автору, по-разному, у каждого на свой манер. Тракторист Герасим—в основном активный молодой колхозник, и индивидуалистические черты проявляются у него временно, как бы случайно. Сехре Иван с Гарифом уже пожилые люди. Но Сехре Иван, под влиянием критики передовых колхозников и возникших чувств к бригадиру Маринё, находит в себе достаточно сил для того, чтобы хотя и с трудом, но сравнительно быстро преодолеть свое нерадивое отношение к труду. У Гарифа же под влиянием ислама частнособственнические отношения к семье (к жене и дочери) и к колхозу держатся наиболее стойко; нерадивое отношение к труду связывается у него еще с элементами

карьеризма и распространением нелепых, лживых слухов о Ятмане.

Достоинством романа является то, что конфликты, возникающие между передовыми колхозниками и колхозниками с отсталыми настроениями, автор преподносит читателю как вполне реальные, а не выдуманные, к сожалению пока нередко встречающиеся в жизни. В борьбе с отсталыми настроениями получают дальнейшее развитие сильные, разносторонние характеры передовых колхозников Ятмана, Катра Михалы, его жены Кедерне аппа, Липы, Кабира, Маринэ, образы которых, наравне с образами бригадира овощеводческой бригады—эвакуированной украинской колхозницы Петренко, ее дочери Людмилы, колхозной молодежи Галимджана, Угахви, Аннушки и некоторых других, наиболее привлекательны и оставляют в читателе неизгладимое впечатление. Все они трудятся на доверенном им участке с утра до ночи, с единственной целью—оказать наибольшую помощь фронту, дать фронту возможно больше хлеба, мясомолочных продуктов, овощей, леса и др.

Вместе с тем передовики производства выступают в романе в основном людьми, не ограниченными духовно, а с разносторонними интересами, морально чистыми, умеющими и любить и ненавидеть. Автор правдиво показывает в романе развитие трогательной дружбы и любви между Галимджаном и Угахви, Ятманом и Липой, Герасимом и Аннушкой, Сехре Иваном и Марине.

Возьмем одного из ведущих героев романа—члена правления сельскохозяйственной артели „Адл“ Михаила Михайловича Кудрявцева (Катра Михала). Формально он не член ВКП(б), но он настоящий беспартийный большевик, душой болеющий за любую отрасль колхозного производства, за интересы советского государства. Он едва ли не активнее председателя правления сел.-хоз. артели Левендея вникает в работу и по пахоте, и по весеннему севу, и по уборке ячменя, картофеля, и по строительству скотного двора, и уж тем более активно, вопреки Левендею, выступает за строительство электростанции и моста; заботится он и о возобновлении работы промысловой артели и болеет за укрупнение колхоза. Едва секретарь райкома ВКП(б) Камышин намекает об инициативе саратовского колхозника Ферапонта Головатого и других колхозников-патриотов по оказанию помощи Советской Армии приобретением на личные средства боевой техники, как он уговаривает свою жену, Кедерне аппа, внести все свое наличное сбережение в сумме 50.000 рублей на покупку танка для сына, за что получает личную благодарность от товарища Сталина.

Отсюда видно, что образ передовика колхозного производства Катра Михалы разработан автором романа наиболее полно и всесторонне. Несмотря на это, критик В. Уваров и про образ Катра Михалы отзывался отрицательно. „Но и этот

образ,—говорит он,—по замыслу интересный, не завершен. Писатель, говорит, мало уделил внимание раскрытию его духовного облика, не показал его думы, размышления, переживания, ограничился незначительными штрихами. Даже о решении колхозника внести в фонд обороны 50 тысяч рублей автор рассказал скудно, словно этот поступок для Михаила является рядовым, обычным“.

Прочтя этот отрывок, диву даешься: откуда берется у критика смелость утверждать прямо противоположное о самоочевидных фактах? Чтобы опровергнуть утверждения критика, достаточно, пожалуй, показать: действительно ли Катра Михала к своему решению внести в фонд обороны страны 50.000 рублей отнесся как к повседневному, обычному делу, как об этом говорит критик.

По роману ясно видно, что весть о патриотическом подвиге Ферапонта Головатого, внесшего в фонд обороны страны на покупку самолета из личных сбережений 100.000 рублей, Катра Михала впервые узнал из письма сына-фронтовика, обратившегося к отцу с вопросом: как адлкасинцы помогают фронту? Не нашелся ли в окрестных колхозах человек, пожертвовавший по примеру Ферапонта Головатого средства на покупку самолета?

„Где уж тут купить самолет?—с иронией рассуждал Катра Михала с самим собой в связи с письмом сына;—вишь отец с ума сходит от безделья!“

На деле же письмо сына заронило в душу Катра Михалы неугасимую искорку, и с этой искрой он пошел на собрание колхозников отчитываться об оказании колхозом помощи фронту.

К приходу Катра Михалы в правление колхоза, прибывшим на собрание колхозников оказался и секретарь райкома партии товарищ Камышин. До начала собрания он усадил Ятмана и Катра Михалу с собою рядом и повел с ними беседу о патриотическом почине Ферапонта Головатого.

— Вам, коммунистам,—сказал секретарь,—в первую очередь следует подумать о поддержке почина таких патриотов, как Ферапонт Головатый.

— Я же не коммунист,—невольно вырвалось у Катра Михалы, и он обернулся к Ятману.

— Я считаю тебя коммунистом,—ответил Камышин.

После этого разговора Катра Михала совсем лишился покоя. И сидя на собрании, и дома после собрания он долго вместе с дочерью Угахви и так и сяк подсчитывал свои доходы и сбережения. И в конце-то концов он пришел к выводу, что не так-то уж и мало у него сбережений. Но как склонить на свою сторону жену свою Кедерне?

Здесь автор весьма красочно и убедительно рассказывает о том, как лаской, шутками и толковым разъяснением Катра

Михала быстро удалось привести жену к единому с собой мнению. Дня за два они реализовали лишние припасы хлеба, овощей и других продуктов, и денег у них стало более 50.000 рублей.

— Вишь, старуха, сколько набралось!—обрадовался Катра Михала, беседуя с женой ночью.—Если не на самолет, так на танк вполне достаточно. Как думаешь, старуха?

— Что ж, нужно внести,—ответила та.—Государство-то свое... Да и деньги пойдут не бог весть куда, а на разгром врага!

— Вот это—жена так жена!—воскликнул Катра Михала и, вскочив, схватил жену за руки и расцеловал ее и в лоб, и в щеки, и в голову.

Тут, обрадованная, выскочила из спальни Угахви, давно уже отправившаяся было не покой. И все они втроем сели за стол и принялись составлять телеграмму на имя товарища Сталина.

...Время стало уже далеко за полночь, стал близиться и рассвет. А в семье Катра Михалы никто еще не сомкнул очей. Они уже и не разговаривали, но не было и мочи уснуть. Событие-то ведь какое в семье! Старику, сидевшему за столом, не верилось даже: неужели Сталин так и получит его письмо? Неужели вождь, занятый событиями на фронте, занятый разрешением крупнейших проблем, найдет время прочесть письмо из какой-то дальней чувашской деревушки? Как вспомнил Катра Михала Сталина, сердце его забилося еще радостнее. Старик медленно, как бы стесняясь, подошел к портрету Сталина. И ему показалось, что Сталин смотрит на него по родному тепло. Он как бы уже знает чувства, обуревающие Катра Михалу, и будто бы собирается прошептать ему: „Не бойся, старик, хватит у нас силы, перетерпим мы эту напасть“.

Вот и петух пропел во дворе. И Кедерне с Угахви уснули, а старик все никак не мог успокоиться. Он и в постель попытался лечь, но и здесь не освободился от беспокойных мыслей. Теперь уж он вспомнил Алексея. Сын будто получил из дому письмо и рассказывает друзьям о том, что родители его пожертвовали средства на покупку танка. „Молодцы твои родители!—отвечают друзья.—Можешь гордиться ими!“ А командир будто передает сыну новехонький танк и приказывает: „Громи немцев танком, подаренным отцом!“

Чуть забрезжил рассвет, Кедерне, вскочившая, чтобы итти на работу, увидела мужа у сундука, прихорашивающегося в новом костюме.

— Ты что, и не вздремнул за ночь?—спросила она мужа и, не дожидаясь ответа, полезла на печку за валенками.

А старик вскоре, еще с рассветом, приковылял к Ятману...

Вот как выглядит далеко неполная картина, нарисованная автором романа „Деревня в ветлах“ по поводу патриотического

подвига Катра Михалы! Далее следует рассказ о том, как невыразимо обрадовался поступку Катра Михалы парторг колхоза Ятман, как весть об этом быстро облетела все три колхоза, и в Адлкасах стихийно состоялся митинг, на котором постановили в тот же день отправить красный обоз со 100 центнерами хлеба, внесенными в фонд обороны сверх плана.

Как же после этого, по какой причине можно утверждать, что автор романа рассказал об этом событии „скудно, словно этот поступок является для Катра Махалы рядовым, обычным?“ Неужели после ознакомления с этой картиной не видно, что раскрытию богатого духовного облика одного из своих ведущих героев, его размышлений и переживаний, автор уделил достаточное внимание, а не ограничился незначительными штрихами?

Другим ведущим героем романа „Деревня в ветлах“ несомненно является парторг колхоза Ятман, вернувшийся с фронта раненым на второй год войны, а до войны бывший председателем сельского совета. Несмотря на свою инвалидность, он буквально с первого же дня возвращения, сначала помимо своей воли, но с увлечением и преданностью втягивается в колхозную работу: еще до захода домой он останавливается на току и чинит молотилку, затем после ужина идет на собрание и, выступив в прениях по отчетному докладу Катра Михалы о поездке на фронт, передает колхозникам наказ фронтовиков все силы отдавать на защиту Родины. По ходу романа вскоре выясняется, что он и на фронте не забывал о родном колхозе, т. к. будучи уже раненым прибрал в свой вещевой мешок несколько сот грамм понравившейся ему сортовой пшеницы и по возвращении домой принял меры к разведению этого сорта, названного ими „Победа“, во всех колхозах.

Став по рекомендации райкома ВКП(б) парторгом колхоза, Ятман, благодаря своему настойчивому характеру, неизменно выступает инициатором и сторонником всех новых начинаний и, вследствие этого, не раз вступает в конфликт с председателем правления колхоза Левендеем: по вопросу восстановления промысловой артели, по внедрению посевов кок-сагыза, по строительству электростанции и по укрупнению колхозов. К сожалению, в методе разрешения этих конфликтов у Ятмана (по вине уже автора романа) не всегда оказывалась налицо партийная принципиальность. Вместо того, чтобы неоднократно указать ошибки Левендея, вытекающие из его непреодоленной индивидуалистической психики, систематически подвергать острой непримиримой критике на партийном собрании, с целью перевоспитания Левендея, Ятман ограничивался товарищеской критикой, чем болезнь Левендея лишь загонялась вглубь. В крайнем случае за разрешением конфликтных вопросов Ятман прибегал к помощи секретаря райкома партии, но и Камышин, по воле автора, действенных мер в отношении Левендея не

принимал. И Левендей на протяжении всего романа остается тем же, чем был в начале романа. Поэтому трудно верить тому, чтобы человек, подобный Ятману, мог выдвинуть колхоз еще в предвоенные годы в число передовых колхозов республики.

Кроме заботы о колхозах, об интересах Родины, богатство духовной натуры Ятмана обнаруживается в его отношениях не только к матери, но и к не членам своей семьи к членам соседней сельскохозяйственной артели с татарским населением „Алга“, к эвакуированной украинской колхознице Петренко с дочерью, в чистых интимных взаимоотношениях с агрономом Липой. Во всех этих связях и взаимоотношениях Ятмана проявляются высокие моральные достоинства советского нового человека.

Можно ли после всего этого считать образ Ятмана, как и Левендея, схемой? Едва ли, т. к. и у положительного Ятмана есть своя слабость, отмеченная выше, и у отрицательного Левендея есть хорошие качества—старательное отношение к делам руководимого им колхоза, в заботах о котором он часто проводит бессонные ночи и не останавливается перед применением к лодырям административных мер воздействия. Кроме того, несмотря на свою молодость, к девушкам своего возраста—Липе, Угахви, Зейнаб и другим, Левендей проявляет исключительную честность.

Все же образ Ятмана, на мой взгляд, получился в романе несколько бледнее образа Катра Михалы, а образ Камышина еще бледнее. Последнее, возможно, объясняется тем, что автор ставил перед собой задачу отобразить главным образом жизнь описываемых в романе трех колхозов. Вследствие этого Камышин явился в романе лишь эпизодическим персонажем.

Говоря о героях романа Катра Михале и Ятмане, я сознательно употребил к ним определение не „главный“, а „ведущий“, т. к. по самому характеру романа трудно в нем выделить „главного“ героя из „неглавных“. Леонид Агаков в своей статье от итогах 3-го съезда советских писателей Чувашии, напечатанной во второй книге альманаха „Родная Волга“ за 1952 год, главным героем романа „Деревня в ветлах“ считает семью Катра Михалы. Но это едва ли правильно, т. к. парторг колхоза Ятман, да, пожалуй, и агроном Липа, играют в романе не менее важную и активную роль, хотя они и совсем молодые по возрасту и работе. Роль Левендея важна, но менее активная и не ведущая. Роль Камышина важная и ведущая, но из-за слабого показа в романе руководящей роли районной и колхозной парторганизацией, Камышин, как было уже отмечено, появляется в романе лишь эпизодически. Так что Катра Михала выделяется из них, в основном, только тем, что его образ нарисован наиболее полно. Поэтому едва ли кого-либо из этих героев произведения можно выделить в главные.

Между тем задача определения в произведении главного героя чрезвычайно важная, т. к. этим устанавливается точка зрения, с которой рассматривается и критикуется произведение, определяется критерий оценки произведения и отнесения его в тот или иной раздел жанра. Иллюстрацией, к чему может привести неправильное определение главного героя произведения, может служить чрезвычайно яркий случай, происшедший с романом В. Лациса „К новому берегу“. При обсуждении этого романа на заседании художественного совета Латвийского государственного издательства директор Института языка и литературы Академии Наук Латвийской ССР Э. Сокол, выступивший с докладом о новом романе В. Лациса, главным героем рассматриваемого произведения признал Айвара, сына коммуниста-подпольщика Яна Лидума, но получившего воспитание, в силу сложившихся чрезвычайных обстоятельств, в семье врага латышского народа, кулака и бандита Тауриня. И эта неверная посылка заставила критика охарактеризовать новую работу В. Лациса как серьезную неудачу писателя. Главная ошибка автора романа „К новому берегу“, заявил почтенный критик, это отступление от жизненной правды, попытка возвести эпизод, случай в типичное явление, что неизбежно должно было привести и привело писателя к искажению действительности. („Литературная газета“ № 148 за 15. XII—1951 г.).

Но после этого прошло всего три месяца, и „неудачной“ работе В. Лациса присуждена была высшая награда—Сталинская премия первой степени. Почему? В связи с какими достоинствами романа? Потому что роман В. Лациса „К новому берегу“ представляет собой крупнейшее достижение советской художественной литературы за 1951 год. Это—не роман об отдельной личности, как пытались представить его критики из Латвийского госиздата, и не семейный роман, а роман-эпопея об одном из значительнейших отрезков жизни латышского народа. Незадолго до присуждения этому роману Сталинской премии группа читателей „Правды“ в письме в редакцию „Правды“ следующим образом охарактеризовала новый труд В. Лациса:

„Как бы ни подойти к вопросу, с точки ли зрения количества страниц, посвященных Айвару, или с точки зрения роли, представленной в романе Айвару,—из Айвара никак не получается главный герой. Если уж говорить о главном герое романа, то таковым можно было бы признать скорее всего Яна Лидума, старого большевика из батраков, который намного выше Айвара как по пониманию общественного дела и своему авторитету в народе, так и по удельному весу в партийных кругах...

Но главное достоинство романа Лациса состоит не в изображении отдельных героев, а в том, что главным и подлин-

ным героем романа является латышский народ, простые люди из народа, вчера еще запуганные и забитые, а сегодня воспрянувшие духом и творящие новую жизнь. Роман Лациса есть эпопея латышского народа, порвавшего со старыми буржуазными порядками и строящего новые социалистические порядки" („Правда" от 25 февраля 1952 года).

Учитывая поучительный опыт с романом В. Лациса „К новому берегу", и к определению главного героя в романе К. Турхана „Деревня в ветлах" и к оценке этого романа в целом следует подойти с установления прежде всего основной темы произведения: о чем написал свой роман К. Турхан? Изобразил ли он в романе краткий отрезок жизни отдельных людей—Катра Михалы, Ятмана, Левендея, Кедрне, Липы, Угахви, или целой семьи Катра Михалы,—или же основным предметом изображения в произведении является что-то другое? Кроме В. Уварова все остальные критики и рецензенты сошлись на том, что основным в романе К. Турхана является изображение самоотверженного, беззаветного труда чувашских и татарских колхозников-патриотов в годы героической борьбы советского народа против гитлеровских полчищ. Это не семейно-бытовой роман об Угахви и Галимджане или о Марине с Сехре, как пытался представить этот роман критик В. Уваров, а роман о пафосе всепобеждающего труда, о коллективном героизме передовых чувашских и татарских колхозников во славу Советской Родины. Этот-то коллектив колхозников-патриотов Советской Чувашии и является главным героем рассматриваемого романа.

С темой и главным предметом изображения непосредственно связан в романе и характер его композиционного построения. Поскольку автора в первую очередь и более всего интересуют формы проявления и характер коллективного труда колхозников в годы Великой Отечественной войны, а не история отдельных личностей и семей, постольку и в основе сюжетного развития романа, в основе композиционного построения этого произведения лежат разные формы проявления коллективного и индивидуального труда колхозников, начиная с копки картофеля и молотьбы на колхозном току осенью 1942 года, продолжая зимней работой по лесозаготовкам, работой на скотном дворе, строительством электростанции и т. д. и т. п.; завершается роман строительством моста между двумя деревнями. Автор прославляет в романе героический труд колхозников-патриотов Катра Михалы, Угахви, Кедрне аппа, Ятмана, Липы, Кабира и других, показывает перелом в отношении к труду со стороны колхозников после приезда Катра Михалы с фронта, высшую ступень развития сознательности при постройке электростанции и моста, и, вместе с тем, автор бичует проявления нерадивого отношения к труду со стороны Сехре, Герасима и Гарифа. Так что, если посмотреть на роман

и его композиционное строение с точки зрения трудовых отношений, то никак нельзя сказать, что он композиционно „не выстроен и растянут“.

Но темой героизма колхозников в труде не исчерпывается содержание романа. Рисуя взаимоотношения чувашских и татарских колхозников в труде и личной жизни, автор красочно показывает укрепление чувства братской солидарности между ними в результате успешного разрешения ленинско-сталинской национальной политики Коммунистической партии и Советского государства. Богатство идейной жизни и чистоту нравственных отношений колхозников автор убедительно показывает, рисуя историю дружбы представителей молодежи — Ятмана с Липой, Угахви с Галимджаном, Аннушки с Герасимом и других.

Таким образом роман К. Турхана „Деревня в ветлах“ несомненно является довольно многосторонним, глубоким и реалистическим отображением жизни чувашских колхозников периода Великой Отечественной войны и поэтому он представляет собой несомненный шаг вперед в развитии чувашской художественной прозы.

Далее перейдем непосредственно к анализу языка и стиля романа и посмотрим, как использует автор романа К. Турхан выразительные средства чувашского языка для воплощения своих художественных замыслов.

3

Анализируя язык художественного произведения, мы прежде всего должны ответить на вопрос: насколько понятен этот язык, насколько доступен он для возможно более широкой читательской массы, так как в любом художественном произведении язык в первую очередь выступает как „средство, оружие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания“ (Сталин). Если язык писателя и поэта не будет понятен читателям, то мысли автора останутся за семью печатами, и читатель просто отбросит книгу. Насколько язык К. Турхана в романе „Деревня в ветлах“ отвечает этому первому требованию?

Знакомясь с языком романа „Деревня в ветлах“, без особого труда приходишь к выводу, что он, не в пример языку некоторых произведений чувашской поэзии, характеризуется очень большой простотой и естественностью, почти предельной понятностью для лиц, владеющих современным чувашским литературным языком. По происхождению автор относится к низовым чувашам (родился в с. Чурадчиках Комсомольского района). Но он настолько хорошо владеет общелитератур-

ным языком, что ограничивается употреблением минимального количества диалектальных слов низового наречия; например, допускает в своей речи слова: „вархан“ (гармонь, стр. 5)), „кăмкан“ (рукомойник, стр. 11), „кёсналак“ (калитка, стр. 310)), „чара“ (большая деревянная чаша, стр. 174), „ытлă-ситлĕ“ (достаточно, стр. 17), вместо „сителĕклĕ“ или „ытлашшипех“ и т. д.

Смысл их употребления автором заключается, видимо, в том, чтобы оттенить в романе соседство чувашских колхозов с татарскими, т. к. некоторые из подобных слов являются заимствованными чувашами от татар и для верховых чуваш остаются неизвестными. Все же в данном случае употребление этих слов едва ли уместно, т. к. для чуваш Марпосадского или Октябрьского района, к которым приблизительно относятся колхозы, описанные в романе, они не характерны, тем более, что почти все они остаются не объясненными.

Далее замечается у автора употребление в ряде случаев диалектальных форм некоторых слов, например: „сăмахăшăн“ (стр. 10, 38) вместо „сăмахушăн“; „кашни“ (стр. 16; „каждый“) вместо „кашнийĕ“; „тайăн“ (стр. 27) вместо „таян“; „уйрăмтарăх“ (стр. 39) вместо „уйрăмрах“; „каялла-маялла“ (стр. 40)) вместо „каялла-малалла“; „итем“ (стр. 43, 293) вместо „йĕтем“; „сивиттинчен“ (стр. 217, „за косы“) вместо „сивĕтĕнчен“ и т. д. Употребление диалектальных форм слов несомненно затрудняет нормализацию чувашского литературного языка, и писатели должны вести борьбу с этим явлением. Все же в основном язык романа „Деревня в ветлах“ вполне удовлетворяет главному требованию общелитературного языка — быть максимально доступным и понятным для читателей.

Второе требование, предъявляемое к языку литературно-художественного произведения, это — быть достаточно богатым, чтобы глубоко и полно выражать тенденцию социалистического реализма: охватить жизнь как можно шире и многостороннее. Богатство языка заключается прежде всего в широте и разносторонности словарного состава языка. „Чем богаче и разностороннее словарный состав, — говорит товарищ Сталин, — тем богаче и развитее язык“¹.

Знакомясь с романом, мы видим, что автор стремится возможно шире использовать в своем труде богатства разговорного языка народа, как в отношении лексики, так и грамматических форм. Он часто употребляет те слова и обороты, которые живы в народе и составляют прелесть разговорной речи, но в литературных произведениях встречаются сравнительно редко. Так, например, автор пользуется следующими оборотами: *вырăнпах* *выртатчĕ*, говорит он о тяжело больном; *ак ĕнтĕ*, *пăх та кур* — *поди ж ты, погляди* (выражает крайнее

¹ И. Сталин. „Марксизм и вопросы языкознания“, изд. „Правда“, 1950 г., стр. 19.

удивление); тӑр кӑнтӑрла — в самый полдень; яра кун — целый день; арам (мунча) хутса пamarе пулатӑ ёнтӑ — значит, не вытопила (баню) жена; никам ҫине те куҫ хывмасӑр — ни на кого не обращая особого внимания (в словаре проф. Н. И. Ашмарина встречается лишь в значениях: смотреть проницательно, заприметить, высмотреть); хӑтӑрса тӑк — забранить; ҫавсенчен те пулин кӑшт намӑса пӗлӗр — хоть их постыдились бы немного; куҫ айӗн — исподлобья; чӗлхе вӗҫӗнчи ҫамах — слово на языке; тулхӑрса ҫеҫ тӑрат — ходит сердито, рвет и мечет, (переносно) фыркает; ашӑм тулашса тӑрат — душа, сердце не на месте, места себе не нахожу; ўпкев — обида, жалоба; чӗрре кӗчӗ (ашшӗ) — усилил свои нападки (в словаре проф. Н. И. Ашмарина — лишь в значении нарочитого углубления спора, раздора); ват ҫын вӑл киввипе супать — старый человек изводит себя думами о старине; ўкӗте кӗрт — убедить, вразумить; кӑтьӑр-кӑтьӑр ёҫ — пустяковое дело; пуҫа сӗлт — мотнуть головой; ҫапай — красота, скромность, сдержанность; уяса тӑр — соблюдать себя; тилмӗртес — заставлять просить, умолять; тӑрментерех — несколько неотесанный, грубоватый; сыпкӑм — глоток; япшар — ласковый, угодливый; очень разговорчивый, щедрый; ытахальтен — от нечего делать и т. п.

Сопоставление большей части приведенных слов и выражений с их буквальными и смысловыми переводами на русский язык показывает, что многие из них представляют собой чистые чувашизмы,¹ так как буквальный перевод их на русский язык приводит или к бессмыслице или к формам, не употребляемым в русском языке; напр., вырӑнпах вырт — лежать прямо таки с постелью, т. е. быть постельно больным; пӑх та кур — посмотреть и увидеть, в смысле просто посмотреть; слова „тӑр“ и „яра“ в выражениях „тӑр кӑнтӑрла“ и „яра кун“ — буквально непереводимые части фразы; куҫ хыв — положить глаза (на кого); куҫ айӗн пӑх — смотреть из-под глаз и т. д.

Эти-то слова и выражения, собственные исключительно чувашскому языку, и придают роману „Деревня в ветлах“ истинно народный характер. К сожалению, некоторые литераторы при переводах художественных произведений с русского на чувашский язык не дают себе труда припоминать подобные обороты, и результаты их работы, оставаясь даже формально правильными, часто совсем лишаются прелести живой разговорной речи.

Особого внимания заслуживает еще и следующее обстоятельство: разыскивая значения подобных слов и оборотов по словарю проф. Н. И. Ашмарина, мы можем заметить, что некоторые из этих значений или их оттенки не нашли себе

¹ Чувашизмами проф. Н. И. Ашмарин считает слова и выражения, собственные исключительно чувашскому языку, т. е. чувашские идиомы. В словарях С. И. Ожегова и под редакцией проф. Ушакова подобного толкования руссизмов не имеется.

места в словаре. Кроме отмеченных выше можно привести еще следующие примеры: *сынтан ўксех юлмăпăр* (стр. 14), что значит—от людей особенно (на много) не отстанем (буквально: упав, не отстанем). В словаре Н. И. Ашмарина в толковании слова „ўк“ встречается близкое к приведенному значение—„лишаться“: *вёсем чаплăхёсенчен ўкёс*—они лишатся славы. Конечно и выражение „*сынтан ўксех юлмăпăр*“ можно понимать как „не отстанем от славы людей“. Все же в данном случае это будет несколько натянутое толкование.

Другой пример: „*сирён сынчен ун пек-кун пек сăмах илтмелле ан пултăр*“. В словаре Н. И. Ашмарина есть перевод слов „ун пек“—подобный ему или тому и „кун пек“—подобный этому, этакий. А выражение „ун пек-кун пек“ не встречается. Следовательно, это выражение автор употребил в своем труде заимствуя непосредственно из живой речи народа и означает „подобный тому и этому“, в смысле „такой-сякой“: „чтобы о вас таких-сяких (нехороших) слов не слышать“.

Но вполне можно допустить и то, что автор в некоторых подобных случаях по своей инициативе употребляет слова и обороты в несколько ином смысле, расширяя их значение, что вполне закономерно. Подобная практика не только допустима, но и действительно необходима, так как писатель, сталкиваясь с новыми сторонами действительности, стоит перед необходимостью так или иначе выразить их в языке, для чего он или развивает значения старых слов или заимствует слова из другого языка. „Художественная литература,—говорит академик В. В. Виноградов,—не только сокровищница национального языка, но и творческая лаборатория, в которой открываются новые средства художественного использования народной речи“¹.

Именно одним из подобных примеров, как нам кажется, является приведенное выше предложение с чувашизмом „*кус хыв*“. Чтобы было ясно, почему мы переводим это выражение в значении русского глагола „обратить (обращать) внимание“, которого (значения) нет в словаре Н. И. Ашмарина, приведем это предложение полностью. Вот оно: „*Упăшки никам сине те кус хывмасăр питё ёслё каласса ларнине кура, сăмах ваклама юратакан Кётерне те ытлашши шарласах каймарё*“. В одном этом небольшом предложении, помимо приведенных, встречаются еще чувашизмы „сăмах вакла“—„беседовать“ (букв. мельчить слова) и „шарласах каймарё“—буквально: не стала особенно шуметь, т. е. притихла. В словаре Н. И. Ашмарина это слово в значении „говорить“ встречается лишь в отрицательной форме: в смысле молчать, не говорить или говорить шопотом. В упомянутом предложении встречается и неологизм

¹ Сборник „Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию“, М., 1951, стр. 9.

„ёслё калаş— говорить о деле, деловито, вести деловую беседу, отсутствующий в 17-томном словаре. Интересующее же нас выражение „куş хывмасăр“ в этом контексте ни в коем случае не может иметь значения „не приметив“, „не высмотрев“ или „не смотря проницательно“, так как деловая беседа велась в кругу своей семьи, а не с посторонними людьми, чтобы можно было некоторых из собеседников „заприметить“.

Почему автор значение русского выражения „обратить (обращать) внимание“ не передал обычно встречающимся в чувашской газетной речи оборотом „şavrănsa păх“, а предпочел выражение „куş хыв“? Нам кажется потому, что объем значений данных русского и чувашского глаголов не вполне совпадают. В русском языке этот объем шире, чем в чувашском. Так, даже в чувашских народных песнях сплошь и рядом встречаются куплеты с таким содержанием: „Анчах леш-кас хёресем пирён ял ачисене şavrănsa та пăхмасă“. Н. И. Ашмарин передал значение этого предложения словами: и смотреть не хотят, не обращают никакого внимания. Но в газетах часто встречаются еще, скажем, следующие выражения: „На развитие животноводства следует обратить особое внимание“. Здесь уже чувашский оборот „Вылăх-чёрлех ёрчетесси şине уйрăмах şavrănsa пăхмалла“ имеет чрезмерно искусственный характер и был бы предпочтительнее ему перевод: „Вылăх-чёрлех ёрчетес пирки (или: ёрчетес тёлешпе) уйрăмах тăрăшса ёслемелле“. Видимо, с целью избежания подобного искусственного оборота, в художественной литературе тем более недопустимого: „Упăшки никам şине те şavrănsa пăхмасăр...“, автор и решил употребить выражение „куş хывмасăр“, как уже сказано—с некоторым расширением значения. Хотя можно бы здесь ограничиться опусканием или заменой слова „şavrănsa“ словом „уйрăмах“: „Упăшки никам şине те уйрăмах пăхмасăр пите ёслё калаşса ларнине кура“ и т. д.

Так пространно говорим мы об этом предложении с фразой „куş хыв“ с той целью, чтобы всесторонне выяснить условия возможности употребления слов с расширением обычного значения и неологизмов, так как иные поэты часто злоупотребляют этим. Основным критерием меры здесь должна быть действительная необходимость, т. е. отсутствие в языке необходимого слова, и понятность, чтобы читатель легко усвоил необычное словоупотребление.

Но богатство языка художественного произведения выражается не только в возможно более широком употреблении слов и выражений, бытующих в народе столетиями и всем понятных. Словарный состав романа „Деревня в ветлах“ автором значительно расширен еще за счет широкого и смелого использования слов, вошедших в чувашский разговорный и литературный язык из русского языка в связи с огромным ростом культуры чувашского народа в пооктябрьский период.

Сюда, в первую очередь, относятся слова, связанные с развитием сельскохозяйственного производства: колхоз, бригада, звено, райзо, питомник, агроном, комбайн, трактор, учет, промартель, промсоюз, премии, выставка, сводка, счетовод, кладовщик, кок-сагыз, рысак, суперфосфат, миллионер, сель-электро, гидротурбина, шофер, вышка, строительство бригады и т. д.

Сюда же относятся слова, связанные с другими отраслями техники и производства, как-то: пристань, телефон, трубка, алло, радио, радиоузел, радиомачта, алмаз, грави, комбинат, предприятия, мастерской, ревизор, контролер, начальник, перевоз, пароход, баржа, кормовой, буксир, затон, дежурный, телефонограмма, почтальон, пенсне, чертеж, вагон, техника, газ, руль, хавэртлях рычажкё, первичный вал шестерни (у автомашины), барабан (молотилки) и т. п.

Поскольку в романе жизнь и работа колхозников показаны в годы Великой Отечественной войны и ряд персонажей произведения является активными участниками героической борьбы советского народа против гитлеровских захватчиков, постольку язык романа не мог не отразить процесса пополнения словарного состава чувашского языка обширной военной терминологией, как например: фронт, тыл, фронтовик, дивизи, офицер, генерал, орден, медаль, самолет, фриц, снайпера винтовка, эшелон, танк, снаряд, авиаци, оборонялля заказ, стратегиллэ план, батарея, командир, танкист, боевой машина, бомба, соединени, рубеж, эвакуаци, госпиталь, медсестра, делегаци, секрет, планшет и т. д.

Часто встречаются слова, связанные с вопросами партийного руководства, а именно: обком, райком, секретарь, партгруппа, парторганизаци, парторг, парти членё, рекомендации, отчет, кабинет, работник, полк комиссарё, протокол, решени, докладчик, руководитель, задани, активист, политинформаци, масса, большевикла принциплях и т. д.

Наконец встречаются слова, характеризующие изменения культурно-бытовой обстановки жизни колхозников, например: этажерка, блузка, гитара, плащ-накидка, клуб, зал, гимнастерка, чайнай, фантази, джигит, прием, курорт, физкультура, спорт, финал, свисток, секунд, очко (счет), журнал и т. п.

Не боится автор включить в языковую ткань произведения и такие просторечные формы заимствования с русского, как „неччу“, „нивушлэ“, „камит“, так как они служат автору для речевой характеристики персонажей.

Таким образом, заканчивая разбор степени многообразия и разносторонности языкового материала романа „Деревня в ветлах“ следует сказать, что словарный состав языка в этом романе довольно широк и богат. Это не говорит о том, что в романе совсем не встречаются языковые погрешности. Но о них после.

Наиболее важным требованием, предъявляемым к языку художественных произведений, является идейно-эстетическая целенаправленность использования общенародного языка, эмоционально-экспрессивное применение слова писателем для выражения своего идейного замысла, чем художественная литература резко отличается от идеологических надстроек другого типа, которые выражаются и закрепляются с помощью языка и без чего художественная литература перестает быть самой собой. „Художественная литература,—говорит академик В. В. Виноградов,—воздвигается на базе общенародного языка посредством его образно-эстетической трансформации... Все элементы, все качества и особенности общенародного языка, в том числе и его грамматический строй, его словарь, система его значений, его семантика служат средством художественного обобщенного, типизированного воспроизведения и освещения общественной деятельности... На базе общенародного языка, при помощи его выразительных возможностей создаются формы художественного изображения, принципы речевого построения образов и характеров, приемы типизации и индивидуализации речи персонажей, осложненные способы ведения диалога, богатая художественная фразеология, целый арсенал образительных средств“¹.

А основоположник социалистического реализма А. М. Горький в статье „О социалистическом реализме“ по этому же вопросу говорил, что „Подлинная красота языка, действующая как сила, создается точностью, ясностью, звучностью слов, которые оформляют картины, характеры, идеи книг. Для писателя-„художника“ необходимо широкое знакомство со всем запасом слов богатейшего нашего словаря и необходимо умение выбирать из него наиболее точные, ясные, сильные слова. Только сочетание таких слов и правильная—по смыслу их—расстановка этих слов между точками может образцово оформить мысли автора, создать яркие картины, вылепить живые фигуры людей настолько убедительно, что читатель увидит изображенное автором. Литератор должен понять, что он не только пишет пером, но — рисует словами, и рисует не как мастер живописи, изображающий человека неподвижным, а пытается изобразить людей в непрерывном движении, в действии, в бесконечных столкновениях между собою, в борьбе классов, групп, единиц“².

Как же выполняет эти требования художественной литературы автор романа „Деревня в ветлах“? Каковы у него художественные приемы использования выразительных средств общенародного языка для воплощения своего идейного замыс-

¹ Сборник „Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию“, М., 1951, стр. 10—13.

² М. Горький. Литературно-критические статьи, стр. 549. 1937.

ла, т. е. каковы принципы отбора и организации языкового материала, какова степень концентрации стилистических и выразительных средств языка, короче говоря: каково своеобразие стиля К. Турхана в разбираемом романе?

Мы уже говорили, что основной темой романа является пафос повседневного коллективного созидательного труда колхозников деревни Адлкасы и Татаркасы в годы Великой Отечественной войны. Но этот труд автором показывается не одинаковым в разные годы войны. Чтобы выявить его своеобразие по этапам и чтобы показать постепенный дальнейший рост сознательности колхозников в коллективе и у отдельных индивидуумов в годы войны, автор рисует картину труда в разные годы по-разному.

Впервые он показывает отношение к труду колхозников во второй год войны (в первый год по роману) путем искусного сравнения на примере семьи Катра Михалы и членов второй бригады. Мотивируя, почему Катра Михала в первый же день по возвращении с фронта, куда он ездил отвозить подарки вместе с правительственной делегацией, выказал себя в семье чем-то сильно недовольным, автор, сначала от своего имени, затем передавая настроение членов семьи, рассказывает следующее:

„И вправду у Михалы была причина разок сильно пошуметь: сегодня утром, когда проходил картофельным полем, он заметил, что колхозники из-за плохой уборки оставили в поле много картошки. Он стал откапывать рукой крупные картофелины и ругать кого-то про себя. Но, что ни говори, а из-за этого следует ругать не домашних, а бригадиров. Домашних он, верно, бранил лишь изредка. Да как станешь пробирать, скажем Кедрне, хорошо работающую на ферме, или Угахви с Аннушкой, передовиков в любой колхозной работе? В семье у него нет привычки ругаться без причины. Его семья в работе всегда была с доброй славой, с добрым именем; односельчане, когда нужно бывало учить детей уму-разуму, в первую очередь ставили в пример детей Катра Михалы. „Видите,—показывали они пальцем,—как работают Угахви с Аннушкой, хоть бы их постыдились“. Нет, за работу он бранить не может дочерей“.

Вскрыв причину недовольства одного из ведущих героев произведения, автор переходит далее к отображению причины общего беспокойного, мятежного состояния духа этого героя, рисуя картину его первой по возвращении с фронта откровенной беседы за ужином с членами семьи:

„Кедрне (жена Катра Михалы) сидела, сидела, поглядывая на мужа исподлобья, и, наконец, не стерпев, высказала слово, висевшее на кончике языка:

— Вы чувствуете, доченьки, каким занозистым, зазаввшим-ся вернулся ваш отец с фронта? Только фыркает на всех.

Дочери посмотрели на мать так, как будто хотели сказать: „К чему так говорить? Вот вызовешь на ругань“.

Но отец не стал браниться.

— Разве и вы заметили это?—сказал он, признав правду.— И вправду мне все чего-то нехватает, места себе не нахожу.

— Причину-то сам наверное знаешь?—заметила Аннушка, осмелев.—Случилось наверно что-нибудь?

— Чему случиться? Особенного ничего не было. Пламя войны, видать, сердце мое опалило, только и всего.—Дядя Михала встал из-за стола, вытер вспотевший лоб полотенцем и, не скрывая сердечную тревогу, закинул полотенце на постель.—Эх, вас бы послать туда посмотреть, тогда бы вы узнали хоть чуточку, что такое война!

— Знаем мы ее без этого, сердцем чувствуем,—сказала Угахви, намекая, что не принимает обиду, высказанную отцом.

— Сомневаюсь, едва ли понимаете? По моему, мы здесь совсем не представляем войну. Самолеты не летают здесь, бомбы не падают. Живем себе так—хлеб гноим да делаем вид, что работаем...

Слишком большая хула, возведенная отцом, видимо, обидела Аннушку.

— Что же это,—включилась она в беседу, не утерпев:—мы в две недели выполнили перед государством свои обязательства по зерновым. Разве это плохая работа?

— Говоришь, выполнили обязательства перед государством, а картофель?—вспыхнув, напал отец сильнее.—Картофель под снегом остается.

— Не оставим, под дождем да докопаем.

— Докопаете!—передразнил Михала.—Видел я сегодня, знаю как вы копаете. Чуть пропахиваете грядки, и дело с концом, а картофель-то более половины остается в земле.

— Это во второй бригаде,—не сдавались девушки,—а у нас ни одной картофелины не остается.

— Да и у вас, поди, то же самое. И вы, пожалуй, работали не лучше второй бригады...

— Что ж, проверь. Тогда и говори.

— Подождите, обязательно проверю.

— Хватит уж яриться,—попыталась жена успокоить мужа.—Как это можно говорить все так? Разве нельзя чуть успокоиться?

— Нет уж,—еще решительнее заявил Михала,—от меня не дождетесь успокоения, да и вам не дам жить покойно. Поняли?

— За нас не беспокойся,—заступилась Аннушка за всех.—От людей не отстанем.

— До сих пор пока не позорили, как дальше будет. Все же предупредить будет не лишне: о вас чтобы не слышать таких-сяких слов, старательнее всех работайте. Никогда не

ищите легкой работы, старайтесь нагружать себя трудной работой. Так-то вот, детки..." (стр. 13—14).

Таким образом, по приведенному отрывку ясно видно, что автор причину гнева и мятежного состояния духа одного из ведущих героев романа, Катра Михалы, видит вовсе не в личных злоключениях героя и не в ущемлении кем-то интересов его семьи, а в беспокойстве его за интересы колхоза, за сознательное отношение к труду со стороны всех колхозников, т. е. в конечном счете в беспокойстве за интересы всей советской Родины, особенно возросшего (беспокойства) в результате поездки на фронт. Недовольный нерадивым отношением к труду части колхозников второй бригады, Катра Михала, по представлению автора, все же сдерживает себя при разговоре с посторонними людьми; в семье же его недовольство невольно прорывается как в разговоре, так и в действии; но жена и дочери, из-за отсутствия в семье причин для недовольства, воспринимают поведение главы семьи с некоторой иронией. Катра Михала же, молчаливо признав неуместность своего раздражения в семье, оказался вынужденным объяснить причину своего беспокойства и, чтобы преодолеть отсталые настроения колхозников, призвал дочерей трудиться еще упорнее, настойчивее. Так, передавая беседу передовика колхозника „Адл“ Катра Михалы с членами своей семьи, автор показывает недостаточную мобилизованность колхозников деревни Адлкасы в работе в первые годы Отечественной войны.

С точки зрения стиля, т. е. способа использования изобразительных средств языка, приведенный отрывок примечателен тем, что и при изображении взволнованного Катра Михала, и при изображении членов его семьи автор мастерски находит, по выражению Л. Н. Толстого, „единственно нужное размещение единственно нужных слов“. Для изображения взволнованного, беспокойного состояния Катра Михалы автор прибегает к ряду синонимических глагольных фраз. Сам о себе герой говорит: „чѣрене вѣрѣя вучѣ ѣнтсе илчѣ курѣнать“, „ѣшѣм тулашса кѣна тѣрять“. Жена вначале ошеломляет мужа насмешкой: „Хѣрсем, эсир сисетѣр-и, сирѣн асу фронтран епле куштанланса таврѣннѣ, тулхѣрса сѣс тѣрять“. А в конце беседы она успокаивает мужа: „ситѣ ѣнтѣ хивреленме“.

Синонимичные глаголы „тулашса тѣр“, „тулхѣрса тѣр“, „хиврелен“, даже ироническое „куштанлан“, все они с разными оттенками рисуют одно и то же: взволнованное, беспокойное состояние Катра Михалы. Автор от себя, в повествовательной речи характеризует состояние героя сердечной тревогой („ѣшѣ вѣрканине пытармасѣр, питшѣллине тѣпелти вѣрѣн сѣне ывѣтса ячѣ“).

Речь Катра Михалы строится автором также с намерением показать его взволнованность. В ряде реплик сказуемые инверсионно выносятся в предложении на первое место: „Пурѣнат-

пӑр ҫапла ҫакӑр ҫӑртсе, ӗҫлем пекки тӑватпӑр“, „куртам эпӗ паян, пӗлетӗп (ҫӑрулмине) ӗсир мӗнле кӑларнине“ и т. д. Многие предложения строятся в форме риторических вопросов и восклицаний: „Эх, сире илсе кайса кӑтартасчӗ ҫавӑнта..!“, „Темӗн, пӗлетӗр-ши вара?“ „Кӑларса пӗтертӗр! — йӗкӗлтерӗ Михала“ и т. д.

Дочерей Катра Михалы автор также показывает сильными характером, не соглашающимися с неправильным обвинением, трудолюбивыми в работе. Чувствуя свою правоту, они, вслед за матерью, не боятся выступить против отца с возражением. На упрек отца, что они не знают ужасов войны, Угахви с достоинством, но без грубости, отвечает: „Ана каймасӑрах пӗлетпӑр-ҫке, чӑрепе туйса тӑратпӑр“. Не будь в этом предложении частицы „ҫке“, подкрепляющей и, вместе с тем, смягчающей утверждение, возражение носило бы грубый характер.

Полны уверенности в своей силе и гордости за свою переходную роль в труде и реплики Аннушки на замечания и указания отца. „Начар ӗҫлетпӑр пулат-и вара?—говорит она, отвечая на насмешку отца над ними: „Патшалӑха икӗ эрнере тырӑ парса татрӑмӑр“. И далее на указание его, что картошка может остаться под снегом, она решительно заявляет, беря на себя твердое обязательство: „Хӑвармастпӑр, йӗпере те пулин кӑларса пӗтеретпӑр“. А на замечание, что он (отец) не даст им жить спокойно, она уверенно отвечает за всех: „Пирӗншӗн ан хӑра. Эпир ҫынтан ӱксех юлмӑпӑр“.

В этом же отрывке обращает на себя внимание своеобразная форма изложения мыслей одного из персонажей романа в виде „несобственно-прямой речи“, включенной в авторскую речь. После слов автора: „Он (Катра Михала) стал откапывать рукой крупные картофелины и ругать кого-то про себя“ следует реплика: „Но, что ни говори, а из-за этого следует ругать не домашних, а бригадиров“. Мысль, высказанную в последней реплике, можно отнести совокупно ко всем членам семьи Катра Михалы, так как в дальнейшей беседе именно они высказывают главе семьи недовольство из-за его несправедливой придирки. Но по формальным признакам это не прямая речь, т. к. автор здесь „не дал слова“ ни одному персонажу; но это и не косвенная речь, потому что автор не присоединил речь персонажа к своей речи в виде придаточного предложения. В. Левин называет эту форму „несобственно-прямой речью“¹, т. к. автор говорит здесь вместо персонажа и настолько погружается в мир его переживаний, что воспроизводит не только содержание речи героя, но и его манеру изложения, эмоциональную сторону высказывания. Этим приемом широко пользуются советские писатели А. Фадеев, И. Эренбург, В. Панова и другие.

¹ Журнал „Октябрь“ № 10, 1952 г.

К этому же первому периоду относится показ автором исключительно плохой работы отсталого колхозника Сехре Ивана. Сехре — конюх, но обязанности конюха он выполнял спустя рукава, большую же часть времени проводил за сном. Образ Сехре как нельзя лучше вырисовывается в сцене столкновения с Сехре Иваном заведующей животноводческой фермой Кедерне (жены Катра Михала).

„Кедерне думала,—сообщает автор, рисуя эту сцену,—что после того, как она пробрала прошлый раз, Сехре станет хоть чуточку послушнее. Оказалось, что слово женщины для Сехре почти ничто. Сегодня она еще раз задала Сехре трепку, но и тут никакого толку не получилось, он лишь отделался словами: „Ладно уж, не ругай, Кедерне, только чуть закрыл глаза, и не заметил, как уснул“. Спустя часа два Кедерне вернулась, подоив коров, и снова застала Сехре спящим. Ну, что с ним поделаешь!

Кедерне зашла и проверила конюшню. Оказалось, что Сехре уже несколько дней не чистил ее, везде накопилось уйма навоза. В колодах для месива валялись давние объедки.

— Ты что спишь опять, Иван? — почти в ухо закричала ему Кедерне. — И откуда берется у тебя сон? Целый день спишь!

— Да вот чуть вздремнуть вздумал после обеда, — поднялся и сел Иван на лавку. — Говорят же старики: самый захудалый барин и тот отдыхает после обеда.

— Фу ты, даже гром тебя не разит наконец!

— Ха, с какой стати разить меня грому? Я же безгрешный человек.

— Безгрешный! Твои грехи даже бог перепростить не сможет.

— Неужели, думаешь, так много?

— А как же иначе.

Сехре достал с полки некрошенный стебель табаку, сорвал несколько листьев и стал мять их в ладони. Кедерне и это не оставила незамеченным.

— Ведь даже табак накрошить ты ленишься! Эх, не жена я тебе, Иван, я бы чуточку научила тебя уму-разуму...“ (стр. 63—64).

Со стороны использования языковых изобразительных средств для создания образа Кедерне с волевым характером приведенный отрывок выделяется употреблением, во-первых, слова „пәсәрлантар“ („заставить дымиться, быть мглистым“) в переносном значении в смысле „пробрать“, „здать страху“; во-вторых, инверсионным построением ряда предложений как в авторском тексте, так и в речи персонажа, с вынесением сказуемых на первое место и отнесением подлежащих в конце предложения: „пәхрә те Кәтерне...“, „мән тәвән ёнтә эс ана?“, „астан кана тухатъ сан ыйах?“

Для создания образа ленивого, но вместе с тем хитроватого Сехре характерно стремление автора показать его таким, который шутками и прибаутками старается в первую очередь успокоить взволнованную Кедерне. „Юрё ёнтё, Кётерне, ан ятла, куҫа хупнӑччё те, ҫывӑрнӑ кайнӑ“, говорит он вначале льстясь, подлаживаясь к Кедерне, как бы обнадеживая, что подобное больше не повторится с его стороны. При чем, употребление обоих составных частей сложного глагола „ҫывӑрса кай“ („уснуть“) в форме прошедшего состояния (ҫывӑрнӑ кайнӑ“ вместо „ҫывӑрса кайнӑ“) придает этому действию характер неожиданности, как бы не зависящей от действующего лица, в данном случае от самого Сехре, что как бы тоже должно служить для него оправданием.

При повторении проступка он уже оправдывается не тем, что заснул нечаянно, а приведением народной шутливой поговорки: „апат хыҫҫӑн начар улпут та ыртса канать, тенё“. А когда Кедерне, почти не приняв это во внимание, чуть не проклинает его (говорит не „аҫа ҫаптӑр сана!“, а „аҫа та ҫапмасть сана пёреххут“, т. е. бранится довольно в вежливой форме; следовательно, шутка Сехре все же возымела на Кедерне некоторое действие), Сехре и эту брань ее пытается превратить в шутку: я, говорит, безгрешный человек. И, действительно, он в конце-то концов добивается таки своего: Кедерне под конец заговаривает с ним вполне дружески и, чтобы избавить Сехре от недостатков, решает помочь ему жениться.

Процесс перевоспитания Сехре в трудолюбивого колхозника автором показывается не прямолинейно, а как сложная и трудная борьба с индивидуалистическими чертами в сознании и характере Сехре. Вскоре после упомянутого разговора Сехре с Кедерне аппа работу Сехре на конюшне, по жалобе Кедерне из-за неисправимости Сехре, проверяет председатель правления колхоза Левендей. Последний застаёт лошадей, прикрепленных к Сехре, голодными и не поеными. Он немедленно отстраняет Сехре от работы. Сехре, одинокий вдовец в возрасте старше пятидесяти лет, воспринимает это как тяжелый нравственный удар, особенно вследствие того, что его после этого бригадир Марине долгое время стала вызывать лишь на случайную работу. Не включили его и в первую группу лесорубов, отправившихся в лес по первому снегу. Поэтому, когда включили его во вторую очередь, он поработал в лесу с большой охотой, соревнуясь с другими лесорубами, и вместе с напарником Вазюком они вышли победителями.

В связи с этим работу по лесозаготовке, как и рубку вняка за Волгой для нужд промысловой артели, можно считать вторым периодом в развитии формы коллективного труда колхозников деревень Адлкасы и Татаркасы. Процессы труда в этот период, как и на сенокосе, и по уборке зерновых,

автор неизменно показывает совершающимися колхозниками с большой радостью, в соревновании друг с другом, с сознанием ответственности перед Родиной.

Особенно красочно описывает автор сенокос, сочетая картину праздничного, радостного настроения людей с яркими красками природы. Дружный выход колхозников на сенокос автор подчеркивает тем, что оба колхоза, как по уговору, начали сенокос в один и тот же день. Празднично разодетый народ кишел на лугу по обе стороны реки словно на ярмарке. Тут и там, — говорит автор, — виднеются разноцветные платки, платья, фартуки, словно женщины двух деревень вышли не на работу, а показать праздничные наряды (похвастаться своими нарядами). Тут и там поблескивают на солнце косы, что сабли в руках храбрых солдат. Что ни захочешь послушать, отовсюду раздаются веселые звуки и напевы — в лесу по соседству с лугом кукует кукушка, птицы щебечут, в траве трещат кузнечики; всюду глухое шипение кос, режущих траву, и острый звон кос, отачиваемых брусками. Не хватает только гармоники. Но ее и не нужно. Людская радость здесь и без гармоники льется через край, как пенистое пиво из переполненной чаши. Гул радостного труда доносится до ушей, словно музыка.

Что же так окрыляет души людей, — спрашивает автор как-бы самого себя: — прелесть яркого пригожего дня или радость коллективного труда — что на каждом шагу видишь радостное возбуждение людей? Здесь и хмурый человек смеется, и ленивый работает с воодушевлением, и подросток соревнуется со взрослыми в расцвете сил. Да иначе и работать нельзя здесь, потому что настроение каждого на виду, работу каждого видит народ. Кто соревнуется здесь — коса или владелец косы — человек? Человек смеется, хохочет, а коса его все движется вперед, оставляя за собой валок за валком скошенной травы (стр. 174—181).

Стиль рассматриваемого авторского текста отличается взволнованной приподнятостью тона и, благодаря этому, изобилует эпитетами, сравнениями, глаголами, употребленными в переносном значении, и описательными глаголами, что очень характерно для чувашского языка.

Известно, что поэтические определения отличаются от обычных определений экспрессией, ярко выраженным эмоциональным оттенком. Вот их примеры, взятые из романа К. Турхана: *чуна хускатакан кёвё* (волнующий душу мотив), *чёрене кямаллан кятаклакан кёвё* (приятно щекочущий сердце мотив), *янкяр уяр санталак* (совершенно ясная, прозрачно ясная погода), *уяв тумё таханна халлах* (празднично разодетный народ), *янраса таракан ёс шавё* (беспрерывный гул труда), *суллахи хёвеллё кун* (летний солнечный день) и т. д.

Большая часть приведенных эпитетов не традиционна, а

представляет плод художественного творчества самого К. Турхана, и некоторые из них, в соответствии со своеобразием чувашского предложения, отличаются сложным строением. Так, в эпитете „чѣрене кăмăллăн кăтăклаган“ в свою очередь содержится наречный эпитет „кăмăллăн“ к причастию „кăтăклаган“, в эпитете „уяв тумĕ тăхăнă“ содержится именное определение „уяв“ к существительному „тум“.

Построение К. Турханом сравнений также отличается разнообразием форм. То он строит сравнения, применяя наречие „евĕр“: „хĕвел çинче çава харсăр салтак аллинчи хĕç евĕр ялкăшăт“, то посредством частицы „пек“: „музыка пек янраса тăракан ĕç шавĕ“. Кроме прямых сравнений встречаются примеры уподоблений одних предметов другим: „уяв тумĕ тăхăнă халăх ярмăнккана аса илтерет“ и примеры противопоставления по контрасту: „икĕ ял хĕрарăмĕсем çаран çине ĕçлемĕ мар, хăйсен уяв тумне кăтартма тухнă тейĕн“.

Употребление К. Турханом глаголов в переносном значении основано исключительно на чувашском народном словоупотреблении. В словаре Н. И. Ашмарина зафиксировано употребление глагола „хупла“ (покрывать) в переносном значении „заглушить“ (слышимые звуки; буквально: „закрыть уши“): „Пурте пĕрле хутшăнса хăлхана хупласа лартаççĕ“. К. Турхан употребляет этот глагол в том же значении, вместе со вспомогательным глаголом „пырать“: „Сăртран аялалла аннăçемĕн ун (Ятман) хăлхине... ĕç шавĕ хупласа пырать“ (буквально: по мере спуска под гору уши его, Ятмана, закрывал гул работы, т. е. гул работы заглушал другие звуки).

Глагол „çур“ (разрывать надвое, разорвать) в значении „оглашать“, „греметь“ (о звуке) зафиксирован Н. И. Ашмариным в русско-чувашском словаре применительно к огороду, деревне, улице, к небу, лесу, к вселенной (миру) и безотносительно к чему-либо. Примеры: Пахча вăта çĕрринче юрласан, сасси çурать пахчана (если петъ в центре огорода, то звуки огласят—букв.: станут рвать—весь огород); Шăнкăрав сасси ял çурать (звуки колокольчика или бубенчиков гремят по деревне, букв.: разрывают деревню); Аса-сиçĕм сасартăк пĕлĕте çурса янтратаť (вдруг гром-молния прогремит в небесах, букв.: гремя, разорвут небо или тучи); ĕсет-çиет туй çынни, тĕнче çурать юрлани (петь, ест свадебный люд, песня гремит на весь свет; букв.: весь свет, весь мир разрывает); Хĕрсем, качăсем янратса çурса юрласа кĕвĕ калаççĕ ялта (девушки и парни, звонко распевая,—букв.: разрывая, т. е. надо понимать, оглашая деревню,—водят в деревне хоровод). К. Турхан же в приведенном отрывке употребляет этот глагол на основе народной речи в применении к воздуху, а именно: лапатка сасси сывлăша çурать (звуки бруска-смолянки оглашают,—букв.: разрывают,—воздух).

Фразу: „мĕн уçать-ши çынсен кăмăлне?.. кашни утăмрах

хавасла́ кáмáл выля́нине кура́тáн“ переводчик романа тов. А. Филиппов по-моему довольно удачно передает по-русски следующим предложением: „что же окрыляет души людей?.. на каждом шагу играет веселье“. Вторую половину фразы можно бы конечно выразить и по другому; сказать, например: „на каждом шагу видишь радостное возбуждение“, или „...ликующее веселье“, или „... радостный подъем духа“ и т. п., но факт тот, что в обеих частях предложения глагол „у́с“ (открыть, отворить, раскрыть) и отглагольное существительное „выля́ни“ (букв. игра́ние) употреблены автором в переносном значении. Причем оба значения вполне народны, хотя и не встречаются в словаре Н. И. Ашмарина. Понятие „ка́мáл ус“ Н. И. Ашмариным толкуется лишь как „развлекать“, „быть откровенным“; причастие „ка́мáл выля́ни“ как „прихоть(-и); страсти (-шки)“. Следовательно, в этом случае мы, возможно, имеем дело с творческим расширением значения слова самим К. Турханом.

Несомненно подобное расширение значения слова автором путем употребления его в переносном значении мы видим в другом предложении этого же отрывка, а именно во фразе: „... унсáрáнах (купáссáрах — Н. Д.) кунта сы́нсен савáна́сэ чарана ы́тлашши я́рса ту́лтарна́ ка́пáклá сáра пек та́канса та́рать („... радость людей льется через край“, в смысле „бьет ключом“). Слово „та́кан“ в прямом значении означает „литься, выливаться, проливаться; сыпаться, осыпаться, падать“ и в применении к понятию „радость“ в словаре Н. И. Ашмарина не зафиксировано. Поэтому выражение „савáна́сэ та́канса та́рать“ вполне можно считать новообразованием.

В чувашском языке чрезвычайно сильный эмоциональный оттенок может приобретать глагол в сложении с деепричастием на „-са, -се“. Последнее выступает в данном случае в роли поэтического определения, своеобразного наречного эпитета к глаголу. В рассматриваемом отрывке у К. Турхана встречаются весьма показательные примеры подобных определений. Так, о смехе девушек он пишет: „Пёр йёплё́рех са́мах сёс кала́—хёрсем та́ста и́лтёнмелле я́нраттарса кула́сёс“ („Скажи что-либо остроумное, и девушки заливаются звонким хохотом“; букв.: „девушки заливаются смехом так звонко, что их смех слышен далеко-далеко“). Детализируя радость коллективного труда он пишет: „Кунта... на́ян сын та сё́кленсе ё́слет“ („Здесь и ленивый работает с воодушевлением“). Подчеркивая воздействие ярких цветов на восприятие человека, автор пишет: „У́мра ку́са ша́рттарса чечексем ла́расёс“ („вперед, ослепляя глаза, растут яркие цветы“).

Таким образом, этот отрывок романа, где воспевается радость коллективного труда колхозников, чрезвычайно богат словами, несущими большую эмоциональную нагрузку, и производит на читателей сильное впечатление.

Заключительная глава романа, имеющая несколько символическое значение, посвящена описанию строительства моста между татарской и чувашской деревнями Адлкасы и Татаркасы. Картина воодушевленного труда колхозников трех деревень, объединенных теперь в один колхоз, является как бы заключительным аккордом героической симфонии свободного труда. И не случайно то, что вопрос о постройке этого моста был поднят одним из передовых бригадиров колхоза Марине (Мариной) на знаменательном собрании по объединению колхозов.

В этой главе романа автор, как в эпилоге, подводит итог истории трудовых и личных отношений своих героев, которые получили освещение на протяжении романа. И завершается этот итог созданием нового портрета одного из ведущих героев романа — парторга колхоза Ятмана, значительно выросшего на работе по руководству колхозами. Ятман вернулся вечером со строительства моста и задержался у своего палисадника в лирическом размышлении о счастье людей.

„За день Ятман набегался до усталости, — говорит о нем автор романа, — до мозоли копал и откидывал землю, до боли в плечах перетаскивал камни, и сейчас ему зайти бы в избу и приятно растянуться на мягкой постели. Но нет еще, заходить рановато, думает Ятман; ему хочется полнее насладиться приятными чувствами, возникшими после радостного труда.

За свою жизнь Ятман много думал о счастье людей; он своим умом хотел доискаться и понять, какова же должна быть полнота людского счастья? И он решил, что счастье у каждого должно быть по-своему. Себя он, например, считал в данную минуту вполне счастливым: работал он сегодня вместе с другими до упоения, до полного удовлетворения; целый день провел в работе не только для себя, но и для людей, на пользу всего колхоза; а теперь ждет его дома любимый и уважаемый человек — жена, понимающая его с одного взгляда. Нет, счастье сейчас для Ятмана не пустое слово, не книжное понятие, а чувство души, реально-зримый предмет.

Вот на лицо Ятмана упали лучи заходящего солнца и красным цветом озарили его загорелое лицо, ласково заиграли в русых прядях его волос; затем лучи поднялись выше, достигли верхушек деревьев и миг один поплясали на пожелтевших листьях.

Ятман долго наблюдал за светлеющими клочками облаков, как бы пытаясь по цвету неба на закате определить погоду на завтра. И лишь удостоверясь, что погода завтра будет лучше даже сегодняшнего, он не спеша зашагал к калитке.

Так многозначительно завершается роман, посвященный показу развития сознательного, самозабвенного труда чувашских и татарских колхозников в годы Великой Отечественной

войны и укрепления между ними нерушимой сталинской дружбы.

С точки зрения метода использования языковых средств для конкретизации и типизации изображаемых в романе явлений приведенный отрывок опять-таки характерен тем, что автор стремится отобразить в нем людей и явления в приподнятом, возвышенном стиле, используя всевозможные сравнения и эпитеты.

Арифилла, говорит автор, вышел на работу несмотря на то, что вернулся из армии только вчера. Веселый Назиб, воодушевляющий людей шутками и прибаутками, кажется (сравнение) выздоровевшим от всех болезней. Галимджану представляется (сравнение), что мост строится специально для него с милой Угахви. Инженер, воодушевленный общей работой, напевает оптимистическую народную песню. Раненый парторг Ятман поработал на общую пользу с упоением и от избытка чувств раздумался над вопросом: в чем же заключается счастье людей?

В соответствии с общим воодушевленным состоянием людей автор и природу рисует в радостных светлых красках: „солнце, перебравшись из-за луговой стороны Волги, напоминая о наступлении осени, льет (шлет) на землю (олицетворение) начавший остывать бледный свет. Рощица вблизи деревни успела одеться в своеобразно красивый желтый (эпитет) наряд. На огородах от былинки к былинке точно шелковинки (сравнение) тянутся паутины. Румяные-румяные (эпитет) яблоки в садах висят готовые сорваться (үкес пек саканса тараçсә;—сравнение) и т. д.

Кроме всевозможных картин трудовой деятельности колхозников деревень Аджакасы и Татаркасы в годы Отечественной войны в романе „Деревня в ветлах“ даны также превосходные картины из культурно-бытовой жизни колхозников. Волнующими красками рисует, например, автор сцену слушания колхозниками по радио речи товарища И. В. Сталина в день 25-ой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

„Вечером,—говорит автор,—в правление колхоза собралось народу полным-полно. На стол, покрытый красным сатином, поставлен репродуктор. Пока репродуктор наполняет комнату звуками радостной песни, но все уже знают, что через несколько минут должны приступить к передаче по радио большого доклада. Быть может доклад сделает сам Сталин. Люди сидят все тихо-тихо и с нетерпением ждут начала доклада. Старички иногда с беспокойством поглядывают в дальний угол, где возится молодежь, и окриками унимают их.

— Тише там, у двери!—говорит Ятман из переднего угла.

— Не шумите там, молодежь!—поддерживают его женщины.

Скоро в большом помещении, заполненном народом со всей деревни, стало совсем тихо, прекратилась и передача музыки по радио. Старики крепко прижали к себе шапки, взятые подмышки. Люди, подталкиваемые какой-то волшебной силой, все двинулись к столу с репродуктором. Вот зашумел репродуктор, предвещая начало передачи. В шуме радио будто из соседней невидимой комнаты послышались отдельные голоса и звуки покашливания. И вдруг раздались бурные аплодисменты.

— Слово для доклада о 25-летней годовщине Великой Октябрьской социалистической революции предоставляется Председателю Государственного Комитета Обороны товарищу Сталину,—послышался из репродуктора мужской голос, но его тут же заглушили бурные аплодисменты многих сотен и тысячи людей.

Ятман встал со стула. За ним поднялся весь народ в помещении правления, и на некоторое время и здесь, как где-то на торжественном заседании, раздалось бурное рукоплескание.

Сталин начал свой доклад тихо, спокойно. Так, не повышая голоса, он проговорил около часа. Кедерне, сидящей с мужем рядом в конце стола, это казалось не докладом, а товарищеской беседой Сталина с давно знакомыми людьми. Как он говорит убедительно и уверенно, хорошо зная то, что слушатели правильно поймут его! Взгляд Кедерне упал на портрет Сталина, висящий на передней стене. И на портрете он какой спокойный, какой понятный! Видит Кедерне—Сталин смотрит прямо на нее и своими ласковыми глазами и скрывающейся в уголках губ умной улыбкой как всегда приветствует ее.

—И теперь наши заводы,—говорит Сталин,—колхозы и совхозы, несмотря на все трудности военного времени, работают бесспорно удовлетворительно...

„Верно,—думает Кедерне,—в работе и мы не ленимся. Работаем—и я сама, и муж, и дочери. Трудом мы всегда помочь готовы, в этом не сомневайся, товарищ Сталин. Врагу нигде маху не дадим!“

— Люди стали более подтянутыми, менее расхлябанными, более дисциплинированными, научились работать по-военному, ...—продолжает товарищ Сталин. А Кедерне применяет его слова к людям и делам своего колхоза: „Верно, народ старается, нужно об этом прямо сказать,—возникают и растут у нее мысли.—В первый год войны некоторые не выходили на работу, пока их не приглашали раза по три—по четыре. Ссылались на занятость, на болезнь детей. Теперь же бригады не ходят по домам, люди выходят без напоминаний. Правда, были и лентяи, а теперь и они работают без устали“.

Вождь говорит о делах на фронте, объясняет причину временных успехов немцев. А затем говорит о нашей близкой

победе, о том, что Красная Армия способна не только остановить немцев, но и полностью разгромить их.

— Мы победим, в этом не может быть никакого сомнения, — говорит он.

Услышав эти слова, преисполнились радости все собравшиеся, и Кедерне почувствовала, что силы в ее сердце выросли еще больше. В ушах ее звенело единственное слово, сказанное спокойно и уверенно: „Мы должны победить, мы победим!“

Там, в невидимой комнате по соседству, снова долго гремят аплодисменты. Колхозники молчат. Они не хотят пропустить ни одного слова вождя. И они рукоплещут, но беззвучно, сердцами.

Ятман оглядывает людей и видит: по мере усиления грома аплодисментов вдали, здесь все ярче загораются глаза слушателей речи вождя. Кажется, будто Сталин стоит здесь у стола, и люди постепенно тянутся к нему. В сердце каждого все более растет чувство радости. Когда Сталин в том зале предает врага насмешке и люди смеются, и здесь лица колхозников освещаются красивой улыбкой. „Что воодушевляет, что радует людей в такое исключительно трудное время, что светится в их глазах?“ — спрашивает Ятман самого себя и тут же отвечает: „Стальная вера! Верит этот народ в свои силы и знает: раз его никто не смог победить до сих пор, то теперь, по прошествии двадцати пяти лет, он и подавно не поддастся безголовым немцам. Народ радуется, потому что у него в такое страшное время есть превеликий вождь — Сталин. Весь советский народ гордится своим великим вождем.“

Там снова, сотрясая стены зала, раздается гром рукоплесканий. Бурно рукоплещут, ни на миг не переставая. Рукоплещут настойчиво, все сильнее и сильнее. И видит Ятман: волнение оттуда передается сюда. И здесь руки людей поднимаются сами собой. И здесь также, в помещении правления, долго стоит гром рукоплесканий.

Затем помещение стихает. Доклад закончен. Репродуктор умолк. А колхозники все еще не трогаются с места. Некоторое время никто не смеет заговорить. Каждый передумывает свои мысли. Душу каждого взволновал доклад вождя неизмеримо.

— Ну как, понятно, товарищи? — спрашивает Ятман.

— Понятно, понятно! — отвечают со всех сторон.

И в помещении тут же завязываются беседы по докладу“. (Стр. 97—100).

Так, без всякой крикливости, без всего лишнего, с большой любовью и теплотой, сдержанно, взволнованно рисует автор романа картину слушания колхозниками доклада товарища Сталина о 25 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в трудные годы Великой Отечественной войны.

Особо обращает здесь на себя внимание то, что автор, как незаурядный художник, стремясь к более сложному решению задачи, не ограничивается простым пересказом содержания доклада, а основные мысли доклада дает в виде картины восприятия их передовыми колхозниками Кедерне и Ятманом, для чего снова пользуется формой „несобственно-прямой речи“. Причем восприятие Кедерне отличается большой конкретностью: ее думы начинаются с мысли о себе и членов своей семьи. А Ятмана, как более развитого руководителя масс, наблюдающего за переживаниями людей при слушании доклада, интересуют более общие мысли об основных идеях и чувствах масс, которые неизбежно должны привести к победе. Этим определяется и различие внутренней речи, вполне оформившейся, но невысказанной мысли этих персонажей в данном отрывке при всей одинаковости их глубоких переживаний в связи со слушанием доклада. У обоих из-за взволнованности появляются в речи риторические вопросы и ответы, но характер их несколько различен: у Ятмана они более отвлеченны.

Речь автора также на протяжении всего отрывка предельно взволнованна. В начале отрывка, где описывается подготовка к слушанию доклада, автор пытается сдерживать себя сравнительно короткими, нормально построенными фразами. „Касхине колхоз правление тӓп-тулли халӓх пӓстарӓнчӓ. Унга хӓрлӓ пусмапа витнӓ сӓтел сине репродуктор лартнӓ...“

Но уже в следующих двух предложениях взволнованность автора невольно прорывается нарушением обычного порядка расположения слов в чувашском предложении: „Халь репродуктор пӓтӓм пӓлӓме савӓнӓслӓ юрӓпа янтрать-ха, анчах пурте пӓлесӓсӓ, тепӓр темисӓ минутран радиопӓ пысӓк доклад пама тытӓнмалла. Тен, Сталин хӓй доклад тӓвӓ“.

При более спокойном изложении мысли последние два предложения должны бы принять следующие формы, нарушающие в первом случае характер сложно-сочиненной связи: „Халь репродуктор пӓтӓм пӓлӓме савӓнӓслӓ юрӓпа янтрать-ха, анчах пурте тепӓр темисӓ минутран радиопӓ пысӓк доклад пама тытӓнмаллине пӓлесӓсӓ. Сталин, тен, хӓй доклад тӓвӓ“.

Особенно же сильно проявилась взволнованность автора при построении им следующей фигуры трехкратного нарастающего повторения: „Лере каллех пӓтӓм пӓлӓме чӓтретсе алӓ сӓпасӓсӓ. Пӓр чарӓнмасӓр, тӓвӓллӓн алӓ сӓпасӓсӓ. Сине тӓр-са, вӓйлӓран вӓйлӓ сӓпасӓсӓ“. Этот пример был бы классическим с точки зрения законов чувашского языка, если бы во втором предложении, подобно третьему, было пропущено слово „алӓ“, т. к. по первому предложению уже ясно, чем хлопают, и чувашский язык, по словам проф. Н. И. Ашмарина, в подобных случаях не терпит повторения (см. „Синтаксис чувашского языка“, ч. II, § 24).

Большая любовь автора к товарищу Сталину и душевная

теплота чувствуется в этом отрывке при отображении характера спокойной, но уверенной речи И. В. Сталина и восприятия этой речи и портрета Сталина колхозниками:

„Сталин хайён докладне майёпен, лапкан пусларё. Вэл сассине сапла пёр хэпартмасар сехете яхэн каларё. Сётел пёр вёсёнче улашкипе юнашар ларакан Кётермене ку доклад тунэ пек мар, хай тахсан пёлекен сынсемпе юташла каласни пек туйанчё. Епле вэл тёплён, хай калассине лайах пёлсе тата итлекен сынсем хайне лайах аңланассине шанса калать. Кётерне куёсем Сталинэн тёпелте саканса таракан портречё сине ўкёс-сё. Унта та епле лапкан вэл, епле аңланмалла! Курать Кётерне—Сталин тўрех ун сине пэхать, хайён йэваш куёсемпе, тути айёнце пытанса таракан куллипе¹ яланхи пек аслан пэхса саламлать“.

Благодаря мастерскому использованию выразительных наречных и деепричастных эпитетов, а главным образом—благодаря яркому олицетворению портрета товарища Сталина в процессе слушания колхозницей Кедерне его речи, автор романа в немногих строках сумел создать живую картину духовного общения передовой колхозной патриотки со своим любимым вождем.

С большой душевной теплотой рисует автор и картину проводов колхозниками Адлкасы эвакуированной украинской колхозницы Анны Ивановны Петренко при выезде ее с дочерью Людмилой к себе на родину после освобождения Украины Советской Армией. Любопытным является в этой главе то, что картинности изображения автор достигает здесь не столько посредством использования слов в переносном значении или использованием ярких, красочных эпитетов, сколько описанием, пользуясь самыми простыми определениями и некоторыми сравнениями, своеобразных действий персонажей, выражающих сердечность, душевную близость советских людей во взаимоотношениях друг с другом. Во-первых, в самом начале главы автор сообщает, что Анна Ивановна должна была выехать в родной колхоз на Украину еще в прошлом году, но из-за усиленной просьбы адлкасинцев нашла в себе силы отложить переезд на целый год. И в следующем году весной она собралась выехать только после того, как посеянные овощи взошли и набрались силы.

Перед отъездом председатель колхоза Левендей хотел договориться с ней о расчете по трудодням за новый год, но Анна Ивановна лишь рукой махнула.

— Что за хлеб наш может остаться за вами, Леонтий Петрович!—возразила она с сердцем.—Мы четыре года кушали ваш хлеб. Колхоз ухаживал за нами, как за гостями, а вы еще говорите о каком-то хлебе. Не нужно нам ничего.

¹ В оригинале слово „куллипе“ пропущено, видимо, вследствие корректурной ошибки.

Анна Ивановна с дочерью собрались выехать в воскресенье, в свободный от работы день. Поэтому провожать их собралась половина деревни.

Дядя Кузьма, у кого в доме прожила Анна Ивановна с дочерью все эти годы, вышел их провожать с караваем хлеба и громадным ширтаном.¹ Он с почтением поднес их Анне Ивановне, а затем подошел к Людмиле и набил ее карман орехами, йыва,² сыром и вареными яйцами.

— По нашему обычаю,—говорил дядя Кузьма Людмиле, отводя ее возражения,—карманы уезжающих не должны быть пустыми.

Для провожающих Анну Ивановну колхозниц председатель колхоза Левендей дополнительно нарядил две подводы и извинился перед ней за то, что не смог проводить их на автомашине.

Душевное состояние уезжающих автор обнаруживает, описывая поведение Людмилы по выезде из деревни. Она, ехавшая на задней подводе вместе с подругами, при подъеме на гору соскочила с тарантаса и последний раз оглядела Адлкассы из конца в конец. Людмила поискала глазами крытый железом дом Кузьмы Ивановича, но деревня почти целиком была скрыта от взора зелеными ветлами, и увидеть интересующий дом Людмиле не удалось. Тогда девушка, будто прощаясь с кем-то издалека, помахала платочком и побежала по мягкой песчаной дороге за подводами лишь заметив, что те успели удалиться на значительное расстояние.

Повествовательная речь автора в этой главе не выходит из нормы литературного языка. Как было уже сказано, в ней совсем не содержатся эмоционально яркие тропы и эпитеты. Но своеобразие данного отрывка обнаруживается в том, что авторская речь в нем представляет соединение двух стилистически по-разному окрашенных контекстов. В первой части автор простыми словами излагает причину, почему Анна Ивановна отложила свое возвращение на Украину и начало сборов в следующем году. Определения „хистесе“ (к отглагольному имени „ыйтни“), „тем пысакэш“ (к существительному „участок“), „нумайччен“ (к глаголу „кэартса сурерё“) не обладают здесь экспрессией.

Авторская же речь в середине и в конце главы,—после характерных речей Левендея, выражающей заботу об эвакуированных колхозницах, и особенно Анны Ивановны, выражающей сердечную благодарность колхозникам,—насыщена лири-

¹ Ш и р т а н—род колбасы (рубца, начиненный кусками мяса и зажаренный. Н. И. Ашмарин).

² Й ы в а — род домашнего печенья, вроде „малинки“ или пряников.

ческой взволнованностью и заканчивается риторическими вопросами и сравнением: „Аста каясшан вал таван ялѣнчен? Каймане кайман-и вара ана Аталкасси?..“ „Хѣр, такампа аякран сывпуллашн пек, алтутрине сулларѣ, лавсем чылай аякка кайнине курсан сѣс сѣмсе хайяр сийѣпе вѣсем хысшан чупрѣ“.

При необходимости мы могли бы подвергнуть стилистическому разбору еще и другие сцены романа, не менее красочно разработанные К. Турханом. К ним относятся, к примеру, сцена возвращения Ятмана в родную деревню после ранения и особенно первая встреча его с эвакуированной Людмилдой; глава, посвященная картине рубки ивняка за Волгой; эпизод с нарушением дисциплины на пахоте трактористом Герасимом и его исправление под воздействием Катра Михалы и Аннушки; образ отсталого колхозника Гарифа, наиболее полно раскрывающийся в столкновении с членами своей семьи; яркая картина комсомольского собрания, где отдельные отрасли колхозной работы были подвергнуты наиболее резкой критике; великолепная глава, где рисуется колхозный Агатуй и т. д., и т. п. Но и разбор языкового материала приведенных довольно крупных сцен и эпизодов романа позволяет придти к следующему заключению:

Автор романа „Деревня в ветлах“ товарищ К. Турхан правильно, художественно-целесообразному использованию выразительных средств общенародного языка для образного воплощения своего идейного замысла уделил серьезное внимание. Повествовательная речь автора отражает в основном норму чувашского литературного языка и, опираясь на стилистические возможности общенародного языка, объединяет в себе разные стили литературного языка: разговорно-литературную, публицистическую, профессиональную и другие. Развивая средства художественного изображения общенародного языка, автор, в зависимости от своей конкретной идейной задачи, пользуется довольно разнообразными формами типизации действительности: то сдержанным, как бы бесстрастным описанием фактов, то образным рассказом о событиях, то картинным изображением природы, то лирически взволнованными рассуждениями о жизненных явлениях, чем создает яркие стилистические эффекты. Речи многих персонажей романа достаточно индивидуализированы и неразрывно связаны с их характерами. Для большей их выразительности автор очень часто прибегает к помощи народных пословиц и поговорок. От дешевой же характеристики персонажей путем механического приклеивания к ним изблѣнных ими слов и выражений, что было характерно для некоторых чувашских писателей в прошлом, К. Турхан начисто отказался.

Исходя из всего сказанного о содержании и языковой форме романа „Деревня в ветлах“ можно сделать заключение, что разбираемый роман несомненно является значительным шагом вперед в развитии чувашской советской художественной прозы.

До сих пор мы говорили о положительной стороне работы К. Турхана по языку, о том, как он умело использует выразительные средства чувашского языка для образного воплощения своих художественных замыслов. К сожалению, в разбираемом романе встречаются и выражения, как недопустимые с точки зрения стилистики, так и явно ошибочные по нормам языка, а также ошибки, вкравшиеся, возможно, как описки. Возьмем к примеру эпизод, описанный в самом начале 27-й главы второй части романа (стр. 347), где автор говорит о некоем ученом, прибывшем в колхоз для проверки качества нового сорта пшеницы, что он вынул из кармана маленький микроскоп, разделит одно зерно пшеницы надвое и стал рассматривать его в микроскоп. Из описания действий ученого ясно видно, что речь здесь идет не о микроскопе, а обыкновенной лупе, так как подобным методом рассмотреть зерно в микроскоп никак невозможно.

На стр. 14 книги автор дает в сноске примечание, где слово йăлăм толкует как заволжский лес. Между тем для приволжских чуваш характерно основное понимание этого слова как левой, луговой стороны Волги, что и отражено в словаре Н. И. Ашмарина. Толкование этого слова как заволжского леса дано Ашмариным лишь третьим значением.

Во второй главе второй части романа (стр. 226) в повествовательной речи автора встречаются следующие строки, излагающие историю взаимоотношений Назиба с Марине в годы молодости: „Назиб ашшĕпе амăшне куçсульпе тархасланă, лешсем âна итлесшĕн те пулман: юрамасть тутара çăваш хĕрне качча илме—йăла хушмасть, тĕн хушмасть. Хĕрпе качча вĕсенчен ыйтмасăр тўрех мулла патне кайнă, анчах леш те вĕсене венчет тума килĕшмен“. („Парень с девушкой, говорит автор в последнем предложении, не спросясь отца с матерью, пошли прямо к мулле, но и тот не согласился их обвенчать“). Автору должно быть известно, что обряд венчания—это особенность христианской религии; у татар же, исповедывавших магометанство, брачный союз скреплялся брачным договором, заключавшимся при посредстве муллы. Поэтому говорить о венчании у магометан, значит безосновательно переносить бытовые особенности одного народа на другой.

В 29-ой главе второй части романа (стр. 354) автор перепутал названия деревень. Кузнеца Нилова, происходящего из Турикасов, он назвал чувашиним из Татаркасов.

В 5-й главе первой части романа Ятман называется то парт-оргом, то секретарем колхозной парторганизации (стр. 60).

Ошибкой, нарушающей норму чувашского языка, является по нашему мнению неоднократное употребление автором глагола „тинкерет“ в значении „пристально смотреть“ (стр. 53,

62, 178, 197, 202, 236, 237, 239, 260, 264 и др.). К сожалению, подобное употребление этого глагола стало теперь обычным у поэтов. И все же сомнительно, чтобы оно привилось в народе, т. к. в словаре Н. И. Ашмарина ни в одном из приведенных им девяти примеров в значении „напрягать зрение“ это слово не употреблено в форме самостоятельного глагола, а встречается лишь в форме деепричастия с глаголом „пӑх“ (смотреть) и в одном случае с глаголом „тух“ („Куш тинкерсе тухать“). Кроме зрения это же деепричастие употребляется в применении к слуху: тинкерсе итле—превнимательно слушать, и к чтению: тинкерсе вула—очень внимательно читать. Так что глагол тинкер самостоятельно означает лишь „напрягать“ или „напрячь“ (зрение, слух, внимание) и в форме деепричастия употребляется в роли наречных определений (обстоятельств) „внимательно, напряженно, пристально“ к глаголам „пӑх“, „итле“, „вула“. Второй случай самостоятельного употребления этого глагола в предложении: „Вӑл авалтан мӑн пурӑннӑ этем ӑслӑлӑхне тӑплесе йӑрлет, вӑреннӑ ҫынсен сӑмахӑсене тинкерет“ имеет видимо значение „вникать в смысл“ или „изучать, исследовать“, как говорит об этом Н. И. Ашмарин.

Критикуемая форма употребления этого глагола в самостоятельном значении едва ли можно считать и примером, помогающим развитию чувашского языка, т. к. она не уточняет и не усиливает значение слова, а лишь затемняет его смысл. Не являясь оно и употреблением в переносном значении.

Несколько иного типа, но такой же недопустимой ошибкой является и употребление глагола „виҫ“, „висе ил“ в применении к глазу („куҫпа виҫрӗ“—стр. 140, 166, 324; „куҫпа виҫсе илчӗ“—стр. 33 и др.). Н. И. Ашмарин переводит слово „виҫ“ по-русски глаголами „весить, мерить, измерять, снимать мерку, вымерить, взвесить, отвесить“. Ни один из этих глаголов употребить в применении к глазу невозможно. Понятно, что К. Турхан употребляет приведенные выражения в форме кальки с русских выражений „смерить взглядом или глазами“. Но в русском языке они идиомы, дословно непереводимые на другой язык, подобно выражению „бить баклуши“, и чувашскому языку не свойственно употребление их даже в переносном значении.

Подобные же ошибки, правда, единичные, но не менее значительные, встречаются и еще. Трудно, например, удержаться, чтобы не отметить нарушение нормы языка в следующем предложении: „Ятман ҫӑҫси ҫивӗчӗшне чӑрӑ хӑва хулли ӑшне ҫӑмӑллӑн кӑрте-кӑрте ярса тата юнашарти ҫынсем калаҫнине итлесе, ӗнерхи пухӑва аса илчӗ“ („Ятман, легко вонзая (втыкая, запуская) лезвие ножа в нутро свежего ивового прута и слушая беседу соседей, припоминал вчерашнее собрание“). Как это можно лезвие ножа, а не что-либо остроконечное, втыкать, запускать („кӑрте-кӑрте яма“) в середину прута?

Но все эти ошибки, как уже сказано, не относятся непосредственно к той области языкознания, которая ставит задачу „содействовать при выборе из ряда синонимических средств того, которое для стоящих перед автором целей является наиболее подходящим,—самым ясным, точным“¹, т. е. к области стилистики, которая более всего нас в настоящей статье интересует.

Известно, что богатым средством стилистической выразительности является форма строения прямой речи. В сказках, записанных в дореволюционное время, часто встречается прямая речь персонажей, с обеих сторон замыкаемая авторским текстом. Вот пример: „Шуйттан ачи утмал хăласлă кĕсрене аслашшĕ патне илсе кĕрсе кайрĕ, тет те, калать, тет, аслашшĕне: „эй, асатте, эпĕ кĕсрене хуллуси çине хурса та аран çавăрăнтăм кÿлĕ тавра йăтса, бăл пĕç хушшине хĕстерчĕ те сиккипе çавăрăнса килчĕ кÿл тавра“, тесе калать, тет. Аслашшĕ калать тет: „кус-ха, тухса чупăр-ха эппин унпа“, тесе калать, тет. Шуйттан ачи тухрĕ, тет те: „атя-ха, иксĕмĕр чупса пăхар, камран кам иртĕ“, тесе калать, тет. Çынни: „эй, эсĕ манпа чупасшăн-и-ха тÿрех, малтан акă манăн çичĕ сул сывмар ыртнă шăллăм пур—çавăнпа чупса пăх“, тесе калать, тет“².

Эта же форма диалога занимала весьма заметное место в чувашской дореволюционной литературе. Ею в той или иной мере пользовались все дореволюционные прозаики. Вот пример из рассказа И. И. Иванова „Çынна усал тăвакан хай те усал курать“: „...Унтан вара хай кăлава та çитнĕ. Ку кăлава мĕншĕн йыхарттарнине те пĕлмен халь. Унтан вара уллут кăлавана каланă:

— Эсĕ ку çынна хĕнерĕнем?—тенĕ.

Кăлава каланă:

— Хĕнемен,—тенĕ.

Уллут каланă:

— Вăл пирĕн патра Чĕмпĕре пырса каларĕ-çке?—тенĕ.

Кăлава çапах:

— Эпĕ хĕнемен,—тенĕ.

Уллут ялсенчен ыйтнă:

— Эсир кăлава хĕненине куртар-и?—тенĕ.

Ялсем нумайĕшĕ каланă:

— Куртамăр! Куртамăр!..—тенĕ. Ялсем тата каланă:

— Эсир унăн çанне-çурăмне пăхар халĕ,—тенĕ.

Уллут çанне-çурăмне пăхнă та шат тĕлĕннĕ. Кăлавана каланă:

— Хĕнемесен, ку капла пулат-и?—тенĕ.

Кăлава вара нимĕн те чĕнеймен, вилнĕ çын пек, шап-шура пулса кайнă“.³

¹ Проф. А. Н. Гвоздев „Очерки по стилистике русского языка“, М., 1952, стр. 9.

² М. Я. Сироткин. „Хрестоматия по чувашской дореволюционной литературе“, Чувашгосиздат, 1951 г., стр. 171—172.

³ Та же „Хрестоматия...“, стр. 46.

Автор романа „Деревня в ветлах“ превосходно использовал эту форму диалога при передаче от лица Катра Михала беседу последнего с секретарем райкома партии Камышиным. Разговаривая с женой о родных детях, Катра Михала с гордостью передает ей лестный отзыв о них Камышина: „Ара, паян райком секретарыне Камышина куртӑм, — сассине хӑпартарах каларӑ Михала пичче. — Вӑл Анушка ман хӑрача иккенне пӗлнӗ те: — Михал Михалч, ара, сан тепӑр хӑр те пур-ске, трактористка, — тет. — Пур, — тетӑп, — манӑн ывӑл та пур, — тетӑп. — Ун пирки мана Петров каласа кӑтартрӑ-ха, ӑна пӗлетӑп, — тет, — лайӑх ачасем ӗстернӗ эс, — тет. — Ӗпкелешме пултараймастӑп, — терӑм“ (стр. 337).

Но основной формой диалога в романе „Деревня в ветлах“ является форма, заимствованная чувашскими литераторами из русской классической прозы и развиваемая теперь чувашскими советскими писателями. Развитие ее в сравнении со старой формой диалога заключается в том, что в части диалогов авторский текст, давая ту или иную характеристику речи персонажей, лишь заключает прямую речь. Когда же темп беседы убыстряется или картина беседы достаточно ярка, авторские реплики в диалоге совершенно снимаются и остаются голые речи персонажей, в самих себе заключающие характерные особенности речи.

Вот диалог, построенный К. Турханом в форме вопросо-ответной беседы на собрании докладчика Катра Михала со слушателями:

„Михала пичче, кала-ха, чӑвашсенчен генералсем пур-и? — терӑ пӑри.

— Пулмасӑр! — терӑ Катра Михала. — Пур. Пӑрре кӑна та мар, темӑсе.

— Эсӑ пӑрне те пулин курмарӑн-и? — тӑпчерӑ ҫав сасах.

— Эп курман. Анчах лайӑх астӑватӑп, ҫул ҫинче Зоя Ананьевна каласа панӑччӑ, — ун патне чӑваш генералӑ пырса кайрӑ, тет, фронтран тата темӑсе генерал ҫырусем ҫырасӑҫӑ, тет“ (стр. 27).

Характерной деталью в этом диалоге является то, что первые две реплики автора ограничиваются лишь констатацией факта задавания вопроса слушателем и ответа Катра Михалы. В третьей реплике уже содержится доля характеристики вопроса, как заданного тем же слушателем с целью получения дальнейшего разъяснения. Причем интересно здесь то, что несмотря на пропуск автором деепричастия „тесе“, служащее в чувашском языке связкой между речью персонажа и авторским текстом, отсутствие его не затрудняет понимание диалога.

В диалогах пропуск деепричастной связки „тесе“ несомненно развивает форму диалога в чувашской прозе, т. к. бесконечное повторение ее, тем более в коротких репликах, приедается и раздражает слушателя. Этим же частично объясняется то, что чувашские прозаики, вслед за поэтами, экономящими место

в строке, стали часто пропускать объяснительные тексты автора, заключающие речи персонажей с характеристикой этих речей и самих персонажей. Когда этот пропуск не вредит конкретизации и развитию образа, его также можно считать закономерным. Но в том то и дело, что в отдельных случаях бывает заметна недооценка авторами этой характерологической роли авторских текстов в диалогах.

Кроме того, характерной особенностью диалога в чувашском языке является то, что в нем прямая речь персонажа вместе с разъяснительным текстом автора составляют неразрывное целое, одно сложное предложение с деепричастным оборотом „тесе“. Поскольку же сказуемое и в чувашском предложении этой формы занимает заключительную часть предложения и, следовательно, в диалогической речи включает в себя авторский текст, то пропуск авторского текста или перенесение его на место перед прямой речью, отсекая от предложения одну из главных его частей—сказуемое, лишает высказываемую мысль цельности и превращает ее в какой-то обрубок. При полноте картины и яркости образа, нарисованных художником слова, эта операция может остаться незамеченной со стороны читателя. В противном же случае может вести лишь к дальнейшему снижению ценности картины и расхолаживанию читателя.

К сожалению, подобные выражения встречаются изредка и в рассматриваемом романе. Приведем несколько примеров, свидетельствующих о недоработанности авторского текста в отдельных диалогах. Вот сцена беседы Галимджана с Угахви, перед уходом первого в армию:

„— Агай, агай тетё!—хаваласа ситсе хулпуçсинчең тытса чарчё а́на Галимджан.

Угахви чаря́нчё, Галимджан тухасса кётмен пек. Тутаркаса савнинё курассишён килмен пек, качча́ сине тёлёнсе па́хрё.

— Э-э, Галимджан... Аван-и?—ним калама аптратрё в́ал.

— Аван-ха,—ала́ тытрё а́на качча́.—Эсё а́ста ун пек чупа-та́н?

— Чупмаста́п-ске.

— Ух, сил пек ве́стеретён, аран хаваласа ситрём.—Çавантах качча́ пачах у́рх саса́па каласа хучё:—Агай, итле-ха, Агай. Эп сара кая́тап вит, ман патамра юлташсем...

— Ха́сан кая́тан?—а́на пу́лсе ыйтрё Угахви“ (стр. 6.).

Если Угахви и вправду задала Галимджану вопрос, прервав его речь, то логически следует отсюда, что Галимджан никак не смог закончить начатую речь. Следовательно слова автора, что „качча́ пачах у́рх саса́па каласа хучё“, где вспомогательный глагол хучё указывает на завершенность речи, не соответствуют действительности. Вместо этого было бы лучше сказать:

„— Ух, сил пек ве́стеретён, аран хаваласа ситрём.—Вара

каччā савантах пачах урах сасāпа:—Агай, итле-ха, Агай,—теме ытāнчē:—Эп сара каятāп вит...“ и т. д.

Возьмем еще примеры из 26-й главы второй части романа. При назначении Миннигел, жены колхозника с индивидуалистической психологией Гарифа, заведующей животноводческой фермой, между Ятманом и Кабиром с одной стороны и Миннигел—с другой происходит следующий разговор: „Ятманпа Кабир фермāна Хаят ырāнне кама илесси пирки нумайччен шухāшларēс, юлашкинчен унта ēсleme Миннигелрен хастар хēрарāм тупаймāпār, терēс. Миннигел хāй те вēсен сēнēвне хаваслансах йышāнчē.

— Шанса паратār пулсан, эпē килēшетēп, унта пētēм чуна парса ēсленē пулātтāм. Анчах шухāшласа пāхār, тен, манран лайāх сын тупāнать,—пулчēс ун сāмахēсем“ (стр. 340).

При чтении последних слов этого отрывка, представляющих собой авторский текст, сразу видно, что они и по смыслу, и по синтаксической форме совершенно не связаны с речью персонажа, т. к. во второй, последней части своей речи Миннигел, принципиально согласная с ее назначением, предлагает Ятману и Кабиру еще раз подумать, быть может, дескать, найдется другой кандидат, достойнее ее. Авторский же текст, вместо дополнительной характеристики психики Миннигели, ограничивается простой констатацией факта: „пулчēс ун сāмахēсем“ („были ее слова“).

На почве этого назначения в семье Миннигел разразился крупный скандал. Муж ее оказался недовольным согласием жены на назначение без спроса у него. Дочь встала на сторону матери.

Далее автор пишет: „Ашшē ун сине (хēрē сине) хаяр ку-сēсемпе пāхса илчē, унтан сāмаха пāчāртаса кāларнā пек каларē:

— Сан шутпа мēнле, манпа каласмалла та пулман-им?“

Здесь ясно видно, что из-за отделения сказуемого от прямой речи, благодаря вынесению его вперед, цельная мысль автора разорвана на-двое, и единая картина, создаваемая художником, воспринимается кусками. Кроме того сказуемое „каларē“ не точно отображает вопросную форму речи персонажа. С целью создания единой картины не лучше ли было бы разбираемое предложение оформить в следующем виде: „Ашшē ун сине хаяр ку-сēсемпе пāхса илчē, унтан сāмахне пāчāртаса кāларнā пек:

— Сан шутпа мēнле, манпа каласмалла та пулман-им?—тесе ыйтрē“.

Но как бы то ни было, восприятие читателем любых форм диалогической речи облегчается в прозе формой написания их на бумаге. Отделение прямой речи персонажей кавычками, тире, запятыми все же помогает читателю быстрее разобраться в принадлежности текста автору или тем или иным персонажам. Совсем другое дело получается при употреблении автором

формы „несобственно-прямой“ речи, о чем коротко нам уже приходилось говорить выше. При недостаточно четком выражении мысли здесь часто бывает трудно определить, к кому — к автору или и к персонажу — относится та или иная речь, т. е. представляет ли этот текст действительно „несобственно-прямую“ речь персонажа или это — лирическое рассуждение автора? В качестве примера приведем пересказ автором романа воспоминаний одного из значительных персонажей романа, Марине, о своем детстве:

„Ачалăхне Марине телёкри пек сеш аставать. Ашшёпе амăшĕ, пысăк сёмйипе шуйăхса, пуртре корзинка аватчĕс. Эрни-эрнипе ёслетчĕс те, ашшĕ вара ачисене савантарма лавккаран илемлĕ хутпа чĕркенĕ конфет е синĕ чухне ванса тăракан кĕрпеклĕ келентĕр илсе килетчĕ. Урăх вĕсене нимĕн те илсе паман пулĕ — мĕнпур укă куланай тўлеме каятчĕ. Ашшёпе амăшĕн яланхи калаçăвĕ вара кивсен илнĕ укăна татса ёне туянасси синченчĕ. Хăсан тата мĕншĕн нумай илсе тултарнă вĕсем кивсен — Марине халĕ калама та пултараймасть. Çакна сеш аставать: ашшёпе амăшĕ килте лашапа ёне курмасăрах сĕре кĕчĕс.

Сайра хутран сёмьере уяв пулатчĕ — мăнкувра, саварнире тата тăвансенчен кам та пулин авлансан е качча тухсан. Саварнипе мăнкуна эрнепе мар, уйăхĕ-уйăхёпе кĕтетчĕс. Халь ку саванăç кулашла, анчах ун чухне мăнкуна чăн-чăн прасник тесе шутланă вĕт-ха; калăм кунĕ вара тап-таса пуртенккёпе вĕр-сĕнĕ сăпата сыратăн, анне кĕсьене пĕр-икĕ ывăс хёвелсавранăш ярса парать (ăна, хаклă япала евĕр, арчарах тытатчĕс), ку кун тата анне кăмакана лартнă вирпăтти ситеретчĕ (ку ёнтĕ чăнах та Маринесен килнĕче сеш мар, ялти нумай сёмьере султалăкне темиçе сеш тутанса пăхмалли апат шутланнă). Хĕр пулса ўссе Марине пусма кёпе тăхăнса курман, пусмана кёпе арки тата тутăр тума сеш илкеленĕ, ыттине хĕрарăмсем пĕтĕмпех хайсем тĕртсе тунă“ (стр. 311—312).

Первое предложение этого отрывка представляет собой несомненно авторский текст. Второе предложение можно считать началом воспоминаний самой Марине, переданным в форме „несобственно-прямой“ речи. Но можно и это предложение отнести к автору, тем более, что употребление в третьем предложении выражения „ашшĕ вара ачисене...“ и слов: „корзинка“, „конфет“ затрудняет приписание этого предложения Марине.

Не менее труден разбор второго абзаца приведенных воспоминаний. Из-за наличия в третьем предложении этого абзаца после точки с запятой выражений: „вĕр сĕнĕ сăпата сыратăн“, „анне кĕсьене... хёвелсавранăш ярса парать“ и некоторых других, эти предложения несомненно можно считать высказываниями Марине. Тем более, что часть своих слов в этом предложении автор заключил в скобки. Но первые два предложения абзаца можно с успехом отнести и к самому автору.

Так что к оформлению „несобственно-прямой“ речи персонажей автору следует относиться более серьезно.

С другой стороны, разрыв авторской и „несобственно-прямой“ речи в чувашском языке звучит чрезмерно неестественно, грубее даже, чем в диалогах с прямой речью. Возьмем выражение, относящееся к характеристике Сехре Ивана. „Илтнĕ вĕл (Сехре) тастан: Уралти хуласенче панулми хаклăрах, унтан самаях пуйса таврăнма пулат“ (стр. 204). Неестественно звучит это выражение потому, что инверсионное употребление сказуемого в начале предложения сопровождается здесь раздроблением единого целого предложения с предложением подобным членом на три почти самостоятельные предложения. В результате этого получилось выражение, включающее в себя „несобственно - прямую“ речь. На самом же деле предложение, построенное по законам чувашского синтаксиса для выражения приведенной мысли о Сехре Иване, должно бы принять примерно следующую форму: „Вĕл тастан Уралти хуласенче панулми хаклăрах тенине, унтан самаях пуйса таврăнма пулат тенине илтнĕ“. Перестановка здесь сказуемого с целью экспрессии вполне законна. Раздробление же мысли из-за нежелания подчиниться законам синтаксической связи едва ли оправдано.

Богатейшие возможности стилистической выразительности предоставляют художникам слова чувашские глаголы. Тонкий непревзойденный знаток чувашского языка проф. Н. И. Ашмарин говорит, что „Чувашская речь склонна к описательным подробностям, вследствие чего чувашаи часто обозначают в своей речи не только то действие, которое имеется преимущественно в виду, но также и действие, непосредственно предшествовавшее ему, или действие, следующее за ним. В последнем случае глагол иногда получает значение законченности. Напр., слова: „Давеча мне очень захотелось пить, и он дал мне ковш воды“—по-чувашски могут передать так: „Паçăрманăн пит ёсесĕм (или: ёсес) килчĕ те, вĕл мана пĕр курка шыв йсса пачĕ“, т. е. „подал, почерпнувши“¹.

А в самом начале второй части своего труда по „Синтаксису чувашского языка“ он говорит, что „Деепричастия имеют в чувашском языке гораздо более обширный круг применения, нежели в русском и других европейских языках, где они возникли из древних причастий. В особенности часто употребляется деепричастие соединительное (афф. -са, -се), всего реже—слитное (афф. -а, -е). Первое из них преимущественно отмечает динамический момент в явлениях, второе—статистический“².

Автор романа „Деревня в ветлах“ при создании ряда картин и образов охотно и умело использует и развивает это

¹ Проф. Н. Ашмарин. „Синтаксис чувашского языка“, ч. II, стр. 43.

² Там же, ч. II, стр. 3.

своеобразие народного языка и добивается значительного успеха. В начале же романа, например, при описании окружающей природы он говорит про облака: „сывахри вярман хысёнчен сара пелётсем йаганса тухсах таращё (стр. 5; из-за ближнего леса беспрерывно поднимаются и движутся густые облака); и далее, спустя лишь несколько строк, говорит про лодку: „валашкалла чавса туня кимё... харах пусёпе юшкына таранса кёрсе ларня“ (лодка, выдолбленная в виде корыта, одним концом уткнулась и застряла в илу). Работящая Кедрне говорит ленивому Сехре: „Мён найна персе ыртатан?“ (стр. 34; что ты бесконечно лодырничаетшь?). Неутомимую в работе Угахви автор характеризует словами: „аллисем сурса сес таращё“ (стр. 47; руки Угахви беспрерывно ноют). Катра Михала шутя говорит про жену, приглашая на торжественное заседание в годовщину Октября: „Сурашна хёр пек тумлантар та, пухура саркаланса сес лартар“ (стр. 97; пусть оденется, как сосватанная девушка, и посиживает на собрании, свободно разместившись).

В ряде случаев автор усложняет эти описательные глаголы, пользуясь заключенными в них деепричастиями в переносном значении; напр. про свою шутку Марине говорит: савар ылятса каларам“ (стр. 133; дословно: сказала, заставив играть рот); про воспоминания Ятмана автор говорит: „ку асаилусем Ятман ас-пусёнче... саран патне сывахх ситмесёр те сүтелсе пётмерёс“ (стр. 174; картины этих воспоминаний в голове Ятмана не исчезли,—дословно: развиваясь, подобно веревке, не закончились,—до самого луга).

В иных же случаях автор усложняет упомянутые деепричастия, предпосылая им звукоподражательные слова и междометия; напр.: „асар-писеррэн урса таракан вярса хирё“ (стр. 21); „шартах сиксе вяран“, „йапар-япарах сиксе тачё“ (стр. 34); „купас найк! турё те чаранчё“ (стр. 37); „ыйтава сатар-сатар татса памасть“ (стр. 50), „шарт-шарт тукаласа илнё“ (стр. 42, 89), „Марине варт! савранса килне кёрсе кайрё“ (стр. 226) и другие.

К сожалению, встречаются и случаи, когда автор явно, без нужды отстраняется от использования глаголов в экспрессивных целях, иногда даже в ущерб смыслу. Напр., в 26-й главе романа встречается такое предложение: „Катра Михала сумарла кунсенче икё старикпе итем синче ёслерё, паянхи каш кўлем сес, мён пур ёсценчен пушанса, келтесем йёпенсе ыртмассёи-ха тесе, хире кайрё“ (стр. 191). Здесь глагол-сказуемое „кайрё“ выражает действие крайне бледно. Было бы несколько полнокровнее сказать: „тухса кайрё“, „васкаса тухса кайрё“ или „кайса пахрё“.

Далее, описывая рубку ивняка за Волгой, автор вкладывает в уста Катра Михалы следующую фразу: „Йёкётсем, канар ёнтё партак, мён эсир кунти хавана пёр-ик кун хушшинчех касасшан-им? (стр. 76). Глагол „касасшан-им“ в этом контексте

обязательно должен стоять в форме, указывающей на завершенность действия; поэтому лучше сказать: „касса пётересшён-им“. Спустя же несколько строк в предложении: „Пёрачи Карачама купасне ййтса пырса пачё, ...вара хавалах сийён каллах янкас кевё юхрё“ глагол „юхрё“ обязательно следует использовать в форме, указывающей на начало действия: „юха пусларё“, или юхма тытәнчё“, или даже „илтёнсе кайрё“.

Далее. В предложении „Назиб хайён ялёнче ёлёкрөнпех чи ёсчен те чи харсёр сын шуланнă“ (стр. 224) глагол шуланнă ни в коем случае не может стоять в самостоятельной форме. Он может быть употреблен здесь лишь вместе с деепричастием „тесе“ или вместо него следует использовать выражение „шутёнче тәнă“.

Пожалуй, самым частым является употребление К. Турханом в целях стилистической выразительности модального слова „ёнтё“ (уж, уже, же, вот, еще). Н. И. Ашмарин в своем словаре приводит более сорока примеров употребления этого слова в разных значениях. Причем он отмечает, что лишь в песнях иногда наблюдается употребление этого слова без особого смысла, для заполнения недостающих слогов, напр.: „Ёнтё сарă утсăм, сар силхесем, сарă ука шел мар ситлеме“. Большею же частью это слово употребляется для усиления или указания на завершенность действия глагола, реже при словах других частей речи, употребленных в значении сказуемого. Примеры: „Эпё малалла саканти чăвашсен йăлисем синчен калăп ёнтё“; „Юрри аванах та мар пулё те ёнтё, сыратап“. „Сапла ёнтё те... мён тăвастен!“ Эти предложения Н. И. Ашмарин перевел следующим образом: „Теперь уж в дальнейшем я расскажу о нравах и обычаях здешних чуваш. Песня-то и не так хороша, (но) уж(ладно), напишу. Так-то уж оно так, но что поделаешь!“ Когда подчеркнуто обращается внимание на время или что-либо другое, слово ёнтё становится в начале предложения или присоединяется к соответствующему слову: халё ёнтё вёсем лайăх тăрассё (теперь уж они хорошо живут); ёнтё эсё качча кайма ан шухашла (теперь ты уж не думай выходить замуж); ёнтё она та турăн полать, ёлёкхипе ситменчё! Н. И. Ашмарин переводит последнее предложение так: еще этого не доставало! Вăт савă ёнтё, тенё (вот оно-то самое и есть).

К. Турхан широко пользуется этим словом для подчеркивания того или иного оттенка своей мысли. Кроме нормального употребления слова ёнтё после глаголов: „Законлă тăвас пулать ёнтё, терё Кабир“ (стр. 197); „Эсё, Ятман, эп ййтгине манса ан кай ёнтё“ (стр. 206) и т. д., он часто выносит это слово в начало предложения и ставит после подлежащего, что можно считать ярко запоминающейся деталью его стилистического своеобразия: „Арифулла летчик-истребитель иккен, вăл ёнтё нимёссен темиşe самолетне персе ўкернё...“ (стр. 180); „Хай ёнтё (Ятман) Атăл хёрринчи чи чăнкă вырăна ситнё“ (стр. 19)

и т. д. К сожалению в романе часто встречаются выражения, где инверсионная перестановка слова „ёнтё“ едва ли оправдывается. Например, в предложении „Ятман ёнертенпе ёнтё пирён парторг, пуринчен асли“ (стр. 49) постановка этого слова после наречия „ёнертенпе“ подчеркивает как бы важность события, происшедшего именно вчера. На самом деле по объяснению самого же автора, данного к слову парторг, выясняется, что главное в этом сообщении не время, а то, что Ятман стал самым старшим парторгом. Поэтому и словом ёнтё целесообразнее было бы подчеркнуть это же слово, оформив мысль следующим образом: „Ятман ёнертенпе пирён парторг ёнтё, пуринчен асли“.

Так же едва ли удачна форма вложения этого модального слова в уста Ятмана, когда он (Ятман) предлагает украинской колхознице Анне Ивановне принять на себя обязанности бригадира. „Сан юратнӓ ёсӓ ёнтё пахча-симёс ўстересси“ (стр. 95). Какую роль играет здесь слово „ёнтё“? Какой новый оттенок приобрело оно, в частности, из-за перестановки с обычного места после сказуемого в середину предложения? Сказать, что этим подчеркивается понятие любимой работы, трудно, т. к. для этой цели существует иная, более соответствующая характеру чувашского языка форма, а именно: „Пахча-симёс ўстересси сан юратнӓ ёсӓ ёнтё“. Поэтому инверсионное употребление слова ёнтё в приведенном предложении, затемняющая смысл речи из-за необычного порядка, оказывается совсем неуместным.

Такой подробный разбор случаев употребления одного единственного, к тому же малозначного слова может вызвать со стороны некоторых читателей обвинение меня в скрупулезном копании в мелочах. Но, отвечая на это можно лишь сказать, что мы еще слишком мало занимаемся мелочами. Л. Н. Толстой любил изречение художника Брюллова относительно работы над тончайшими оттенками выразительных средств кисти, резца, звука или слова—все равно. „Искусство начинается там, говорил Брюллов, где начинается чуть-чуть“. Приведа этот афоризм Брюллова, проф. А. Н. Гвоздев, автор „Очерков по стилистике русского языка“ говорит: „Анализ этого „чуть-чуть“, т. е. разнообразных незначительных сдвигов в выразительных средствах, и составляет предмет стилистики; она выявляет особенности в значениях и экспрессии различных синонимических языковых приемов“ (стр. 8 названных „Очерков...“).

При чтении романа не менее слова „ёнтё“ обращает на себя внимание инверсионное употребление союза и частицы „вёт“ (ведь). Н. И. Ашмарин к толкованию этого слова приводит пять примеров, и во всех случаях оно, подтверждая высказывание, следует непосредственно за словами, в подавляющем большинстве за глаголами, употребленными в значении сказуемого, напр.: „Тилё тус, эсё мана улталарӓн вёт,

«иеп вёт сана!» (Подруженька-лисынька, ты ведь обманула меня, съем ведь тебя!).

Автор романа „Йӓмралӓ ял“ в ряде случаев пользования этим словом не выходит за указанную языковую норму, и как повествовательная речь автора, так и речи персонажей текут плавно, естественно: „Ялан ўсме эп пёчёк ача мар вёт ёнтё, анне?“ (стр. 166) отвечает Ятман матери в вопросной форме (Беспрерывно расти я ведь уже, мама, не маленький?). „Амӓшё вара тинех ӓнкарса илчё: ывӓлё урай варринчех тӓрать вёт-ха, вӓл кутамккине те хывман вёт-ха“ (стр. 167; тут только сообразила мать: ведь сын до сих пор стоит посреди избы, ведь он и котомку-то не снял еще).

В переводном тексте приведенных фраз обращает на себя внимание то, что интересующее нас слово при переводе постоянно меняет свое место, передвигаясь по законам русского языка от сказуемого к подлежащему и становясь то впереди, то сзади него. Возможно именно под влиянием русского языка автор чувашского романа часто переставляет разбираемое слово со своего обычного места к подлежащему, отчего фразу становится возможным толковать с иным оттенком. Напр., отвечая на критику Кедерне, Сехре говорит последней: „Ун пекех ан кала-ха, Кётерне. Эсё вёт ман тӓхлӓч пулатӓн“ (стр. 34; Слишком уж так не говори-ка, Кедерне. Ты ведь свахой приходишься мне). Смысловая разница обычной и инверсионно построенной фраз: „Эсё ман тӓхлӓч пулатӓн вёт“ и „Эсё вёт ман тӓхлӓч пулатӓн“ может заключаться лишь в том, что в первом случае обращается внимание на то, что кто-то приходится кому-то свахой, а во втором случае на то, что именно она приходится Сехре свахой, хотя автор К. Турхан едва ли ставил перед собой последнюю задачу. Аналогично построенные фразы: „Старик вёт чӓваш делегацийёпе Мускав леш ен-нех ӓитсе килнё“ (стр. 27); „Ъёрулми вёт вӓл иккёмёш ӓӓӓр“ (стр. 18); „Инженер-электрик е инженер-энергетик вёт вӓл пирёншён турӓ ывӓнёнче пулать“ (стр. 327) и другие также едва ли соответствуют замыслу автора просто констатировать факт, а не обращать особое внимание на субъект речи, т. е. на тот предмет или то лицо, о котором идет речь.

Из приведенных примеров в связи с выяснением вопроса о целесообразном употреблении слов „ёнтё“ и „вёт“ стало ясно видно, что в чувашском языке та или иная расстановка слов в предложении является одним из сильных средств стилистической выразительности. Мы говорим сильных средств, т. к. возможности перестановки слов в чувашском предложении менее значительны, чем, скажем, в русском языке, и малейшее изменение порядка слов еще в недавнем прошлом воспринималось как резко заметное своеобразие; чрезмерное же нарушение нормы вело к сильному затемнению смысла. В последние десятилетия в связи с огромным положительным влиянием

русского языка это синтаксическое своеобразие чувашского языка претерпело заметное изменение в сторону ослабления закона расстановки слов, особенно в экспрессивной речи. Все же нарушение нормы и теперь ощущается как резко различающийся синонимический вариант, особенно при столкновении с иным стилистическим контекстом.

К этой группе синонимических средств выразительности относится, к примеру, вынесение сказуемого в начало предложения, с каковыми примерами мы встречались уже неоднократно. Весьма яркие примеры этого вида встречаются, например, при чтении волнующей картины сенокоса (стр. 177), где автор пользуется следующими типами предложений: вначале, для выражения сравнительно спокойного рассказа о ходе событий, автор пользуется обычным строением предложения с подлежащим впереди и сказуемым на самом позади: „Вӑл (Ятман) тӑрӑшарах ёсленёрен-и е Марине ӑна юри кётерех панӑран, акӑ вёсем танлашрёс, унтан вара иккёшё те тата пикенерех сӑлма тытӑнчёс“. А затем, чтобы показать степень воодушевленности работой, когда наблюдатель со стороны в первую очередь обращает внимание на действия участников работы, автор выносит сказуемые, выраженные глаголами, со всеми относящимися к нему определениями, в начало предложения: „Хӑвӑртрах илесё вёсен сависем. Тикёссён ыртса пырать савӑ сивёчешпе касӑлӑ курӑк“. Далее, для показа одинаковых, но перемежающихся действий персонажей, автор пользуется формой сложно-сочиненного, а затем сложно-подчиненного предложения: „Ятман Марине сави сине, лешё Ятман сави сине пӑхӑть. Ятман савине кӑшт сулӑмлӑрах сулса ярсан, лешё те сави хӑвӑртлӑхне ўстерет, сӑпла вёсем сависене килёштерсе ывӑтса пырасёсё. Марине, тӑпачӑпа авӑн сӑпӑна чухнехи пек, хутран-ситрен вӑй хушмалла „э-эх!“ тесе кӑшкӑрса илет, унтан савипе сёс мар, пётём кӑлелипе малалла туртӑнӑть. „Ӑста сулать, савӑнпа хӑйён ёсне халӑха кӑтартма та вӑтанмасть“, тет ӑшёнче Ятман“ (стр. 177). Таким образом, инверсионное построение предложения с вынесением сказуемого в начало фразы в этом контексте стилистически вполне оправдано.

Но в романе встречаются фразы, где нарушение обычного порядка слов в предложении, в частности—отделение определения от определяемого слова, ничем не оправдывается. Напр., возьмем предложение: „Сӑк меслетпе (бионтизаци меслечёпе;— Н. Д.) акӑ колхозсенче иртнё сӑл ик-виёсё хут тухӑслӑрах вир туса илнё“ (стр. 268); здесь обстоятельство образа действия „ик-виёсё хут тухӑслӑрах“, определяющее глагольное сказуемое „туса илнё“, совершенно напрасно отделено от своего определяемого дополнением „вир“ и вследствие этого превращено в определение дополнения, хотя по смыслу оно и не может определять слово „вир“, управляемое глаголом

„туса илнӑ“. Другое бы дело было, если бы сказуемым являлся глагол „ака пусланӑ“.

Подобным же ошибочным выражением, с точки зрения построения, является фраза: „Олимпиада кашни пӑрче тыта-тыта ытараймасӑр пӑхрӑ“. Здесь сказуемое выражено сложным описательным глаголом „тыта-тыта пӑхрӑ“, и разрывать его деепричастием в отрицательной форме „ытараймасӑр“ тем более недопустимо.

Несомненной стилистической ошибкой часто является и неуместное употребление слов одной определенной стилистической окраски в контексте другого стиля. Например, в современном чувашском языке имеется два совершенно равнозначных слова для выражения вопроса: „ыйт“ и „ыйту пар“. Первое относится к литературно-разговорной и литературно-письменной речи, второе — к официально-деловой. Известно, что смешение подобных слов без надобности нарушает стиль произведения. Именно подобное смешение разностильных слов наблюдается изредка и в разбираемом романе. Так, и в деловой беседе Михала с бригадиром Марине (стр. 11), и в официальной беседе секретаря райкома партии Камышина с Ятманом (стр. 45), и при рассуждении Ятмана с самим собою (стр. 53), и в интимной беседе Марине с Сехре (стр. 202) и Михалы с женой (стр. 277) — персонажи, согласно автору, постоянно задают вопрос в форме „ыйту пачӑ“. Подобная форма вопроса в семейно-бытовой обстановке и, тем более, в интимной беседе, может вызвать лишь комический эффект.

Стилистически неоправданным является и вложение автором в уста Ивана Сехре при его рассуждении с самим собой выражения „виӑсе пӑх“ в значении „подумать“, т. к. это слово, как неологизм в этом значении, совсем не соответствует характеру отсталого, малограмотного Сехре. „Чипер виӑсе пӑхсан, — говорит он, — паян ман вӑрлӑх турттарма тухмалла пулман“ (стр. 277). Гораздо точнее характеризовало бы его в данном случае выражение „чипер шутласа (не: „шухӑшласа“) пӑхсан“.

5

Подытаживая все сказанное как о содержании, так и о форме романа К. Турхана „Деревня в ветлах“, включая и языковое оформление, необходимо сделать следующее заключение:

Рассматриваемый роман К. Турхана достаточно многосторонне и реалистически отображает важнейший период в жизни чувашского народа — героический труд и борьбу его в составе братской семьи народов Советского Союза под руководством Коммунистической партии и великого вождя всего прогрессивного человечества товарища Сталина за победу над гитлеров-

ской Германией в годы Великой Отечественной войны. С точки зрения использования выразительных средств чувашского общенародного языка для художественного воплощения идейного содержания, разбираемое произведение удовлетворяет довольно высоким требованиям как со стороны общепонятности, так и эмоционального воздействия на читателей. С этой стороны роман является шагом вперед в развитии чувашской прозы последних лет.

Вместе с тем в романе обнаруживается значительный недостаток в построении сюжета, в отображении руководящей роли партийных организаций и в разворачивании характера ведущих героев произведения—Ятмана, Камышина и некоторых других, как результат недостаточного знакомства автора с жизнью и руководящей ролью парторганизаций и отражения в работе автора теории безконфликтности. Несомненно, это не могло не сказаться и на языке романа.

Было бы весьма полезно как для самого автора, так и тем более для читателей, если бы автор романа не пожалел сил для дополнительной серьезной работы над своим произведением.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Кузьма Турхан „Деревня в вѣтлах“ („Йӓмралӓ ял“), роман, первая книга; альманах „Родная Волга“ № 31, 1947 г. (на чувашском языке).
 2. Стихван Шавлы „Образы колхозников военного времени“ („Вӓрсӓ вӓхӓтӓнчи колхоз сыннисен сӓн-сӓпачӓ“); журнал „Знамя“ („Ялав“) № 8 за 1948 г. (на чувашском языке).
 3. Кузьма Турхан „Деревня в вѣтлах“, роман, Чувашгосиздат, 1951 г. 368 стр., цена 6 р. 50 к. (на чувашском языке).
 4. Вас. Любимов „Первый роман писателя“ („Писателӓн пӓрремӓш романӓ“); журнал „Ялав“, № 8, 1951 г. (на чув. языке).
 5. Н. Любимов „Роман К. Турхана „Деревня в вѣтлах“, газ. „Советская Чувашия“ № 35, за 17 февраля 1952 г. (на русском языке).
 6. С. Угандеев „Патриотическое произведение“, газ. „Знамя коммунизма“ („Коммунизм ялавӓ“), № 52 за 9 апреля 1952 г.
-

П. Г. ГРИГОРЬЕВ,

кандидат исторических наук

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ЧУВАШСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ НАЦИИ¹

Правильно решать вопрос об образовании той или иной нации возможно только руководствуясь сталинской теорией нации.

Вопрос об образовании чувашской народности исторической наукой, в основном, разрешен. Чуваши как народность оформляются в XIV—XVI вв., а их национальное наименование становится известным в русских исторических документах с XVI века. Компактная масса чувашских племен в XIII—XIV вв. занимала территорию в междуречье рек Суры и Волги. Их связывала общность языка и культуры. Эти племена находились тогда на такой стадии экономического развития, когда процесс феодализации общественных отношений значительно усилился. Об этом говорят данные чувашского языка, социальная терминология того времени: „чура“ (раб), „хуса“ (хозяин), „тарса“ (подневольный работник), „тăрăн улпучĕ“ (турун), „тархан улпучĕ“. В области торговли в XV—XVI в. у чуваш встречается термин „осламчаи“.

Длительное пребывание под татаро-монгольским игом и все нарастающая борьба против эксплуатации ханов, феодалов ускорила процесс складывания и развития чувашских племен в народность. Этот процесс заметно усиливается в XV в., когда Русское государство вступает в непосредственное соприкосновение с территорией, занимаемой чувашами,—это область Засурья, Цивилия и правобережья Волги. Завершение же процесса складывания чувашской народности приходится на XVI век.

Большое прогрессивное значение в истории чувашского народа имело присоединение Чувашии к Русскому государству и благотворное влияние русской демократической

¹ По поводу статьи В. Н. Любимова „К вопросу о возникновении чувашской нации“. Записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. VI, стр. 131—165, Чебоксары, 1952 г.

культуры, способствовавшее дальнейшему развитию хозяйственной и культурной жизни чувашского народа по пути превращения его в буржуазную нацию.

Теоретическая разработка вопроса об образовании чувашской буржуазной нации, несомненно, представляет значительный интерес. Она создает необходимые предпосылки к уяснению ряда других вопросов из истории чувашского народа конца XIX-го и начала XX вв.

Однако ставить этот вопрос так, как делает в своей статье тов. Любимов, было бы неверным и ошибочным. В попытке доказать и обосновать тезис о том, что чувашский народ уже в 90-х годах прошлого столетия встал на путь превращения в буржуазную нацию, т. Любимов оперирует явно надуманными фактами, квалифицируя, например, 1890—1904 годы как период „пробуждения (разумеется национального пробуждения,—П. Г.) народа“, приводит цифры, якобы показывающие усиленное развитие капиталистических отношений в чувашском крае. Автор статьи при этом не только не учитывает, а просто игнорирует общеизвестное положение, что нации являются продуктом определенных социально-экономических условий и определенной исторической эпохи.

* * *

Товарищ Сталин учит, что „Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры“¹.

Только совокупность всех указанных четырех признаков характеризуют нацию. Отсутствие хотя бы одного из перечисленных признаков уже говорит о том, что мы имеем дело не с нацией.

Буржуазные нации, о которых идет речь в статье тов. Любимова, возникли в период подымавшегося капитализма, в процессе ликвидации феодализма и развития капитализма. Товарищ Сталин говорит, что „... не было и не могло быть наций в период докапиталистический, так как не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздробленность данного народа и стягивают разобщенные доселе части этого народа в одно национальное целое“².

¹ И. В. Сталин. Соч., том 2, стр. 296.

² И. В. Сталин. Соч., том 11, стр. 336.

Указания товарища Сталина говорят о том, что для того, чтобы определить, когда та или иная народность консолидировалась в нацию, необходимо изучить конкретные условия ее экономического и культурного развития. Необходимо установить, когда и как, при каких условиях происходил этот исторический процесс.

Необходимо также подчеркнуть, в отличие от т. Любимова, для которого не существует конкретных условий развития, что эту ступень разные народы даже в одной и той же стране проходят в разной исторической обстановке, в разные периоды времени. Тем более нужен в этом вопросе конкретный исторический подход к каждой народности.

Прекрасные примеры такого подхода в разрешении вопросов дал товарищ Сталин. В заключительном слове на X съезде партии И. В. Сталин, характеризуя состояние и уровень развития нерусских национальностей, дал следующую классификацию их: „В России насчитывается двадцать две окраины, причем одни из этих окраин сильно задеты промышленным развитием и мало чем отличаются от центральной России в промышленном отношении, другие не прошли еще стадию капитализма и в корне отличаются от центральной России, третьи совершенно забыты“¹. Исходя из вышеизложенного, чуваш следует отнести ко второй группе, которые не успели пройти стадию промышленного капитализма, хотя и вступили в нее. Из общего количества нерусских национальностей и народностей в 65 млн. человек И. В. Сталин относит к тюркскому населению около 25 млн. и к ним причисляет: Туркестан, большую часть Азербайджана, Дагестан, горцев, татар, башкир, киргизов, казахов и других, которые „не прошли, не успели пройти периода промышленного капитализма, не имеют поэтому или почти не имеют промышленного пролетариата“². Так как чуваш относятся к тюркской группе населения, то их также следует причислить к тем, которые не сумели полностью пройти все стадии капиталистического развития. В этом вопросе тов. Любимов переоценивает уровень капиталистического развития в Чувашии и тем самым приходит к неправильному выводу по вопросу формирования чувашской буржуазной нации.

Из приведенных товарищем Сталиным примеров видно, что для многих народностей период ликвидации феодализма и развития капитализма не совпал с таким же периодом в истории украинцев, белоруссов и др. народов, и что многие народности, как чуваш, мордва и некоторые другие, не успели в дооктябрьский период превратиться в нации. В условиях же советской власти для них открылся новый путь,

¹ И. В. Сталин. Соч., том 5, стр. 46.

² Там же, стр. 40—41.

путь развития в социалистические нации, минуя стадию развития буржуазной нации.

Исходя из данного товарищем Сталиным определения нации и указаний о том, что нации возникают с появлением капитализма, с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка, и следует рассматривать конкретно историю народа, в данном случае и образования чувашской буржуазной нации.

Бесспорно, что после 1861 г. развитие капиталистических отношений как в сельском хозяйстве, так и в промышленности в Чувашии протекает быстрее, но культурные и хозяйственные связи во второй половине XIX века и в начале XX века между отдельными районами, в данном случае между отдельными уездами дореволюционной Чувашии, были развиты слабо. Данные, которыми пользуется тов. Любимов, крайне односторонни, явно преувеличены, не точны, а потому не способствуют правильным выводам.

Взять хотя бы такой факт в системе экономической связи, как создание национального рынка в Чувашии. Известно, что еще в XX веке чувашаи Ядринского уезда ездили продавать хлеб в гор. Ядрин, Воротынец, Лысково (вообще в Нижегородскую губернию), где население больше было занято кустарным промыслом и отходничеством. Однако квалифицировать хлебный рынок в Ядрине или в Выле в качестве „национального“ было бы по меньшей мере странно. Чувашские крестьяне вывозили хлеб на продажу не только в названные нами города и сельские рынки, но и, например, на железнодорожные станции, как Канаш, Урмары и другие, тем не менее они никоим образом не могли заменить национального рынка.

Чувашская народность в конце XIX века не могла, вопреки утверждениям тов. Любимова, сложиться в буржуазную нацию, вследствие отсталости капиталистического развития края (мы имеем в виду 4—5 уездов Казанской губ., вошедших позднее в состав Чувашской АССР), отсутствия необходимой для формирования нации экономической и культурной общности.

Известно, что в уездах, населенных чувашами, промышленное развитие находилось на стадии простого товарного хозяйства при наличии небольшого количества мелких купеческих и небольших предприятий мануфактурного типа (винокуренные заводы, лесопилки, маслобойный завод Таланцева, мельницы, металлообрабатывающая мастерская, кожзавод в Чебоксарах, фабрика гнутой мебели в Урмарах) с очень небольшим количеством рабочих.

В условиях Чувашии процент городского населения в 1900—1905 гг. составлял всего лишь около 2% от общего населения, в подавляющем большинстве своем крестьянского. Последнее также наглядно показывает уровень развития промышленного производства.

Слабо было развито общественное разделение труда. Притом общая продукция всех промышленных предприятий, включая и кустарные промыслы, по сравнению с продукцией сельского хозяйства в Чувашии занимала небольшое место, менее 10% общей продукции.

Бесспорно, что реформа 1861 г. и пореформенный период несколько изменили экономическое развитие и в Чувашии, процесс капиталистического развития все усиливался, но он задерживался наличием ряда остатков крепостничества. Следовательно, реформа 1861 г. и последующие реформы не уничтожили крепостной зависимости крестьян от помещиков, а государственных крестьян от зависимости казны и удела. Оставалась отработочная система хозяйства, исполщина как своеобразные пережитки крепостничества.

Остатки крепостничества проявлялись и в барщинной аренде. Особенно это было заметно в помещичьих селениях, в Кольцовке, Зеленовке (Ядринского у.), в Иванове (Цивильского уезда) и др.

Сельское хозяйство Чувашии носило элементы натурального хозяйства, хотя товарно-денежные отношения, несомненно, в нем развивались. Многие предприниматели (ростовщики), мастеровые сельских местностей не порвали еще полностью связей с сельским хозяйством. Это особенно замечалось на отходниках, значительная часть которых по истечении трех или более лет возвращалась в деревню.

Притом в промышленности Чувашии встречались и такие факты, когда многие отрасли промышленного производства и промышленные предприятия продолжали оставаться придатками помещичьего хозяйства (предприятия Таланцевых в Ядрине, Комаровых в Мар.-Посаде, Забродина в Козловке, многие паровые мельницы и др.). Количественно и даже по объему выпуска продукции кустарные промыслы в условиях Чувашии превосходили продукцию промышленных предприятий. Валовая продукция всех промышленных предприятий, расположенных на территории современной Чувашии в конце XIX-го и в начале XX вв., по далеко неполным данным, была почти в 3 раза меньше, чем общая продукция кустарных промыслов. Цифры, которыми пользуется тов. Любимов в статье для определения количества предприятий, в 4—5 раз превышают фактические данные, а количество рабочих якобы составляет более десяти тысяч человек. Трудно верить арифметике тов. Любимова, она крайне затрудняет выяснение существа дела.

В условиях Чувашии конца XIX-го века рынок носил ограниченный и местный характер. Бесспорно рынок был связан с другими рынками общероссийского значения. Но вся деятельность местных промышленных предприятий органичивалась узкими рамками небольших районов, иногда менее пределов

территории того или иного уезда. Следовательно, не было еще общенационального рынка в полном смысле этого слова.

Известно, что чувашаи сами производили и сами же потребляли хозяйственный инвентарь, сброу, одежду, обувь, посуду, продукты сельского хозяйства и т. д. Несомненно, что товарно-денежные отношения в хозяйстве чувашского крестьянина все более увеличивались, но сохранялись и натуральные отношения, которые составляли один из существенных факторов, задерживающих развитие капиталистических отношений в Чувашии. Отбросить все это, как делает тов. Любимов, нельзя.

В начале XX в. в Чувашии значительно быстрее развивается товарное производство и постепенно формируется капиталистический уклад хозяйства. В связи с этим создаются условия и предпосылки для формирования элементов нации и постепенного превращения чувашской народности в буржуазную нацию. В конце XIX века (1894 г.) через территорию Чувашии была проложена железная дорога, которая способствовала быстрейшему развитию капиталистических отношений. Но все же крупной промышленности дорога не создала. В Алатырской паровозоремонтной мастерской было 80 чел. мастеровых и в депо—24 человека, всего около 110 чел. И только в начале XX в. количество рабочих в Алатырском уезде составляло более 250 человек.

В связи с созданием железной дороги получает значительное развитие лесная промышленность, строятся лесопильные заводы в Алатыре, Ибресях, но все это существенно не изменило положение. Позднее, в период первой мировой войны, строится новая ветка, соединившая Канаш (Шихраны) с Сергачем, через станции Вурнары, Шумерля. Здесь возникает и развивается лесная промышленность. Остальная промышленность дореволюционной Чувашии остается почти без изменения. Следовательно, эта промышленность не могла оказывать влияния на создание национального рынка.

Тов. Любимов утверждает, что „анализ социально-экономической жизни дореволюционной Чувашии (вторая половина XIX и начало XX в. в.) дает нам основание говорить не только о развитии капитализма в сельском хозяйстве, но и о наличии процесса развития всех стадий капитализма в Чувашии“¹ (подчеркнуто нами,—П. Г.). По нашему мнению в вопросе о развитии капитализма в условиях Чувашии тов. Любимов целиком и полностью отождествляет товарное производство с капиталистическим производством, что является ошибочным.

В изучении вопросов, связанных с развитием капитализма в Чувашии, большое значение приобретает превращение простого товарного производства в капиталистическое производ-

¹ Записки института, вып VI, стр. 142.

ство. В своем классическом труде „Экономические проблемы социализма в СССР“ товарищ Сталин особо указывает на недопустимость отождествления товарного производства с капиталистическим производством. Он подчеркивает, что „Это—две разные вещи. Капиталистическое производство есть высшая форма товарного производства. Товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наемных рабочих капиталистами“².

Отсюда, вывод В. Н. Любимова о том, что Чувашия прошла „все стадии капитализма“ является отождествлением товарного производства с капиталистическим, переоценкой степени и глубины развития капиталистических отношений в экономике Чувашии.

В пределах Чувашии в начале XX в. складываются и развиваются классы капиталистического строя, буржуазия и пролетариат, включая сюда национальную буржуазию и национальный пролетариат. В связи с этим усиливается классовая борьба. Растущая сельская и городская буржуазия предъявляет свои требования и права. Это видно на примере ряда требований о предоставлении мест в земских собраниях в качестве выборщиков, требования прав на поступление в высшие учебные заведения, требований, связанных с уравниванием национальной буржуазии в правах в области торговли и т. д. К сожалению, тов. Любимов игнорирует особенности исторического развития Чувашии, он не учитывает подчиненного положения чувашской национальной буржуазии в силу ряда условий русской империалистической буржуазии.

Особенности капиталистического развития в условиях Чувашии создали относительную слабость национальной буржуазии, хотя для тов. Любимова эти вопросы не имеют почти никакого значения. Слабость чувашской национальной буржуазии особенно заметно сказалась в неразвитости национального движения в чувашском крае в период 1880—1900 гг. Но это не исключает того, что она, т. е. национальная буржуазия, умело эксплуатировала народные массы.

Так называемое „национальное движение“ отвечало, как писал товарищ Сталин, интересам буржуазии: „...национальная борьба в условиях подымающегося капитализма является борьбой буржуазных классов между собой. Иногда буржуазии удастся вовлечь в национальное движение пролетариат, и тогда национальная борьба по внешности принимает „общена-

² И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат. 1952 г., стр. 14—15.

родный" характер, но это только по внешности. В существе своем она всегда остается буржуазной, выгодной и угодной главным образом буржуазии"¹. То, что руководящей силой буржуазных наций является буржуазия и ее националистические партии, доказывает весь характер буржуазных наций и взаимоотношения как внутри их, так и между ними.

Национальное движение в условиях Чувашии приняло значительные размеры только в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. К этому периоду и следует отнести начало становления в оформлении чувашской буржуазной нации, но это становление нельзя рассматривать как завершение процесса, как это делает т. Любимов.

Следует особо остановиться на вопросах, связанных с формированием национального чувашского языка. Чувашская народность в XIX веке продолжала говорить на двух диалектах, близких друг к другу по грамматическому строю и словарному составу, но не имела еще своего общенационального литературного языка, научной терминологии, не имела развитой художественной (за исключением устного народного творчества) и в особенности научной литературы на своем родном языке. Издававшаяся с начала XIX века церковная и другая литература не доходила до народа, т. к. народные массы были неграмотны. При этом вся эта литература была чужда народу как по содержанию, так и по форме. Тов. Любимов пытается обойти вопрос формирования национального литературного чувашского языка и ограничивается голым утверждением, что он сформировался уже в XIX веке.

Товарищ Сталин учит, что с появлением капитализма, с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка народности развивались в нации, а языки народностей в национальные языки. В условиях Чувашии этот процесс, т. е. развитие капитализма и образование национального рынка, значительно задерживался, тем самым задерживался и процесс формирования буржуазной нации. Он имел более длительный период. Со второй половины XIX века, точнее с 1874 г. с введением письменности, чувашский язык получает возможность дальнейшего становления в общенациональный язык. Но все же не было еще книг на чувашском языке, например, „книг для чтения“, „грамматик“, „словарей“ и многих других изданий, которые в общей сложности цементируют национальный литературный язык.

Чувашский общенациональный литературный язык складывается и оформляется только в начале XX века, в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., это подтверждается на примере творчества писателя того периода К. В. Иванова и других. Кроме того, именно в этот период

¹ И. Сталин. Соч., том 2, стр. 308.

получают распространение произведения ряда чувашских писателей, выходит газета на чувашском языке „Хыпар“ (Вести), значительное развитие получает в Чувашии школьное дело.

Все это, безусловно, содействует развитию общности языка и закреплению общенационального литературного языка. В основу чувашского национального литературного языка легли диалекты и говоры низовых чуваш. Объясняется это тем, что издание ряда книг проводилось через Симбирскую чувашскую учительскую школу, которая, как известно, направляла не только переводное дело того периода, но и издавала оригинальную литературу на чувашском языке.

Таким образом, общность психического склада, проявляющаяся в общности культуры, как один из признаков нации, могла успешно развиваться лишь начиная с XX века, когда были устранены препятствия для развития общенационального языка, литературы и культуры чувашского народа, общественного разделения труда и развития хозяйственных и культурных связей между отдельными районами Чувашии. Из всего сказанного выше следует вывод: чуваша не сумели окончательно сформироваться в буржуазную нацию в полном смысле слова. Движение по этому пути шло, но окончательного завершения не получило.

Товарищ Сталин указывает, что в своеобразных условиях царской России много национальностей, не успевших консолидироваться в целостные нации, и объединенные с великоруссами в одно многонациональное государство, не смогли в процессе развития в нации создать свои самостоятельные национальные государства. К таким национальностям, несомненно, и принадлежат чуваша.

Большую положительную роль в развитии чувашской народности сыграл в истории, как было подчеркнуто выше, великий русский народ. Широкие связи чувашского и русского народов благоприятно влияли на развитие хозяйства и культуры чувашского народа уже с момента присоединения Чувашии к Русскому государству. Как известно, культура чувашского народа также развивалась под благотворным влиянием передовой русской демократической культуры. Интеллигенция чувашского народа училась и воспитывалась на лучших образцах русской литературы и науки. Такие выдающиеся деятели просвещения, как отец великого Ленина И. Н. Ульянов и др., оказали благотворное влияние на развитие просвещения чуваш.

Чувашский пролетариат, хотя он был малочисленен, также формировался в совместном труде с русским пролетариатом на одних и тех же заводах и фабриках России, выступал единым с ним фронтом под руководством партии русского рабочего класса против капиталистов и помещиков.

В период, когда пролетариат только развивался и еще не сложился как класс, классовые противоречия не были еще так

обострены, как в последующие десятилетия XX века. Товарищ Сталин указывает, что на первых стадиях капитализма начинается процесс рассеивания наций и процесс ослабления единства нации изнутри благодаря обострению классовой борьбы. „На первых стадиях капитализма еще можно говорить о „культурной общности“ пролетариата и буржуазии. Но с развитием крупной индустрии и обострением классовой борьбы „общность“ начинает таять. Нельзя серьезно говорить о „культурной общности“ нации, когда хозяева и рабочие одной и той же нации перестают понимать друг друга“.¹

Упомянутое нами выше буржуазное национальное движение 1880—1900 гг. в Чувашии переросло в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. в явно реакционное националистическое движение, которое крайне мешало борьбе рабочих и трудящихся крестьян против царизма. Под влиянием растущего русского рабочего движения в начале XX века в Чувашии возникает прогрессивное демократическое революционное движение, а в 1905—1907 гг.—марксистское социал-демократическое движение.

Буржуазия Чувашии также что-то должна была делать. Она тогда „училась“ лавировать между растущим недовольством масс трудящихся и командовавшими ею царским самодержавием и капиталистами. Позднее, в февральской революции 1917 г., она полностью показала свое буржуазно-националистическое нутро, как и буржуазия других так называемых „современных“ наций, облик которых товарищ Сталин охарактеризовал следующим образом: „Буржуазия и ее националистические партии были и остаются в этот период главной руководящей силой таких наций. Классовый мир внутри нации ради „единства нации“; расширение территории своей нации путем захвата чужих национальных территорий; недоверие и ненависть к чужим нациям; подавление национальных меньшинств; единый фронт с империализмом,—таков идейный и социально-политический багаж этих наций.“

Такие нации следует квалифицировать, как буржуазные нации“.²

Отсюда напрашивается следующий вывод: чуваша до Октября 1917 г. не успели оформиться в буржуазную нацию. После Великой Октябрьской социалистической революции они стали социалистической нацией.

Положения же тов. Любимова, несмотря на всю актуальность вопроса, поднятого им, остались недоказанными, оказались теоретически несостоятельными.

¹ И. В. Сталин. Соч., том 2, стр. 328.

² И. В. Сталин. Соч., том 11, стр. 338.

НАУЧНЫЕ СЕССИИ

23—25 сентября 1952 г. Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории и Чувашский педагогический институт провели научную сессию, посвященную 400-летию присоединения Чувашии к Русскому государству и 400-летию основания города Алатыря.

С докладом *„Присоединение Чувашии к Русскому государству и его историческое значение“* выступил директор Чувашского научно-исследовательского института, кандидат исторических наук Т. Г. Гусев. Докладчик подробно охарактеризовал тяжелое положение чуваш под игом Золотой Орды, а затем—Казанского ханства. В этих условиях, говорит он, чувашский народ все свое внимание стал обращать на быстрорастущее Русское государство, стоявшее на высоком экономическом и культурном уровне.

В конце XV века, при Иване III, отмечает докладчик, освободившись от татарского ига, русский народ выступил в роли объединителя мелких народностей, в том числе и народов Поволжья. Чуваш, жившие по соседству с русским народом и имевшие давние экономические и культурные связи с ним, должны были встать и действительно встали на путь объединения с русским народом. Поэтому чуваш встречали русские войска, следовавшие на Казань, с большой радостью и всеми средствами оказывали им помощь и содействие.

Таким образом, утверждает далее докладчик, во второй четверти XVI века происходило не завоевание чувашских земель, а присоединение их к Русскому государству, которое завершилось в 1552 году. Присоединение Чувашии к Русскому государству имело прогрессивное значение.

В заключительной части своего доклада Т. Г. Гусев подробно осветил вопрос о совместной борьбе русского и чувашского народов против своих внутренних и внешних врагов, о борьбе трудящихся Чувашии за освобождение от социального и национального гнета.

С докладом *„Заселение края русскими и влияние русского народа на экономическое и культурное развитие чувашского народа“* выступил сотрудник Чувашского научно-исследовательского института Н. Р. Романов. Докладчик на основе многочисленных архивных документов и других материалов подробно охарактеризовал, в каких условиях и формах происходили экономические и культурные сношения русских и чуваш. Говоря о переселении русских крепостных крестьян и посадских людей из центральных областей в Среднее Поволжье, Н. Р. Романов показал, что русские беглые люди проникали во все районы Чувашии и проживали в чувашских селениях по не-

сколько лет. В свою очередь, чуваша также переходили в русские деревни. В результате роста культурно-экономической связи вырабатывалась взаимная солидарность угнетенных людей разных народов, которая с наибольшей силой проявилась во время крестьянских войн под руководством Булавина, Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачева.

В следующем разделе своего доклада тов. Романов подробно изложил роль и значение городов и торгово-промышленных центров Среднего Поволжья для развития экономики и культуры Чувашии, разнообразные связи между населением городов с сельским населением Чувашии. Проникновение русских кустарей и ремесленников (кузнецов, красильщиков, пимокатов, шерстобитов, плотников, кожевников и др.) в чувашский край происходило издавна. Отходники и кустари прибывали в чувашские деревни из Нижегородской, Владимирской, Костромской и др. губерний, а также из местных городов. Многовековая связь чувашских крестьян с торгово-промышленными центрами Нижегородской губернии: Ватрас, Лысково, Б. Мурашкино, Павлово и др. подтверждается многочисленными архивными документами.

В последнем разделе доклада подробно было описано отходничество чувашских крестьян на заработки в города, на Волгу, на уральские заводы и др. промышленные районы России. Отходники оказали значительное влияние на ускорение процесса усвоения чувашским населением русской речи, восприятия русских обычаев, трудовых навыков и т. п. Усваивая новое, прогрессивное, чуваша постепенно преодолевали косность старого быта, патриархальную замкнутость, отрешались от прадедовских обрядов, обычаев.

Доклад на тему *„400-летие Алатыря (история города до Октябрьской социалистической революции)“* сделал старший научный сотрудник Чувашского научно-исследовательского института, кандидат исторических наук П. Г. Григорьев.

Город Алатырь был основан в августе 1552 года Иваном IV во время его последнего похода на Казань, указывает докладчик, об этом сохранились многие исторические документы. Основным назначением г. Алатыря в XVI веке и в последующий период была защита юго-восточных границ Русского государства от набегов кочевников как с юга, так и с востока. В дальнейшем Алатырь, населенный главным образом русскими, сыграл большую роль как центр русского, прогрессивного экономического и культурного влияния на соседние народы: чуваш, мордву и другие мелкие народности Поволжья.

Вся история города, указывает докладчик, связана с историей борьбы русского народа и народов России против своих внутренних и внешних врагов.

В начале XVII в. трудящиеся Алатыря и крестьяне Алатырского уезда приняли активное участие в крестьянской войне под руководством Ивана Болотникова. В 1611—1612 гг. г. Алатырь и уезд приняли активное участие в борьбе против польско-шведских интервентов. Позже Алатырь и уезд явились одним из важнейших центров крестьянской войны под руководством Степана Разина. Большим событием в истории дореволюционного Алатыря является участие трудящихся города в крестьянской войне под руководством Емельяна Пугачева. Перейдя с небольшим отрядом реку Волгу, 23 июля

1774 г. Пугачев вступил в Алатырь, где он пробыл два дня. Здесь к Пугачеву примкнули многие тысячи русских и чувашских крестьян.

Рабочие Алатыря и крестьяне уезда принимали участие в революционных выступлениях в XIX веке.

В XIX в. происходит усиленный процесс развития торговли и промышленности города. В конце XIX века, в связи с проведением железной дороги через г. Алатырь, увеличивается число рабочих в городе и начинается рабочее движение против буржуазии и крепостников. Крупные выступления рабочих Алатыря под руководством большевиков происходили в период первой буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. и в годы первой мировой войны и февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.

В заключение своего доклада Григорьев П. Г. подчеркнул, что рабочие Алатыря явились активной революционной силой в период Великой Октябрьской социалистической революции. Под руководством партии Ленина—Сталина они шли в авангарде борьбы трудящихся масс уезда за победу власти Советов.

Старший преподаватель Педагогического института, кандидат исторических наук И. Е. Петров выступил с докладом *„Борьба трудящихся города Алатыря с белогвардейцами в гражданской войне 1918—1920 гг.“*

Алатырские рабочие под руководством симбирских большевиков принимали самое активное участие в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, отмечает докладчик. В авангарде революционной борьбы рабочих и беднейших крестьян Алатырского уезда в октябрьские дни 1917 г. шли рабочие паровозо-ремонтных мастерских и депо станции Алатырь. Организаторами и руководителями революционной борьбы были симбирская большевистская организация, а также большевики самого Алатыря. В декабре 1917 г. в городе возникли первые большевистские парторганизации, которые позднее слились в одну общую городскую организацию.

Партийная организация Алатыря возглавляет борьбу трудящихся за установление и укрепление Советской власти в уезде, руководит борьбой рабочих и крестьян против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции в годы гражданской войны.

Громадную роль, подчеркивает докладчик, город Алатырь сыграл в первый период гражданской войны, т. е. в борьбе против чехословацкого мятежа и внутренней контрреволюции летом 1918 г. После падения Симбирска и Казани территория Чувашии и в особенности район Алатыря стали основным плацдармом организации революционных сил против белочехов. В районе Алатыря в это время были сосредоточены крупные воинские силы. Помимо того, Алатырь превратился в административно-политический центр Симбирской губернии. Огромное значение для подъема революционного энтузиазма и всеобщего патриотизма трудящихся имел приезд на территорию Чувашии близких соратников Ленина и Сталина товарищей М. И. Калинина и В. М. Молотова. М. И. Калинин дважды проезжал Алатырь и каждый раз выступал перед населением, призывая трудящихся встать на защиту Советской власти.

С докладом *„Город Алатырь в годы Советской власти“* выступил ученый секретарь Чувашского научно-исследовательского института В. Л. Кузьмин.

Великая Октябрьская социалистическая революция, проведенная под руководством Коммунистической партии, говорит докладчик, коренным образом изменила социально-экономический и культурный облик города. За годы Советской власти Алатырь стал одним из крупных промышленных и культурных центров Чувашии. Трудящиеся Алатыря приняли самое активное участие в социалистическом переустройстве Чувашии. В годы сталинских пятилеток произошел рост промышленности и транспорта, широко развернулось строительство культурно-просветительных учреждений, возросло коммунальное хозяйство города. К 1951 году объем всей промышленной продукции города по сравнению с 1913 годом возрос более, чем в 25 раз. В 1951 г. бюджет города составлял более 12 млн. руб., из них на благоустройство города израсходовано более 2 млн. руб., а на социально-культурное строительство—8 млн. руб. В городе имеются 6 средних школ, 3 техникума и др. учебные заведения.

Трудящиеся Алатыря вправе гордиться тем, отмечает далее докладчик, что они дали стране знатных стахановцев-передовиков социалистической экономики, известных ученых, работников искусств. Город Алатырь воспитал шесть Героев Советского Союза. Пять уроженцев Алатыря удостоены высокого звания—лауреатов Сталинской премии.

В заключение своего доклада В. Л. Кузьмин указал на новый подъем всенародного социалистического соревнования и всеобщего патриотизма, которым охвачены трудящиеся нашей страны, в том числе и города Алатыря, в честь XIX съезда Коммунистической партии.

* * *

30 октября состоялась научная сессия двух вышеуказанных институтов, посвященная 35-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

С докладом *„Великая Октябрьская социалистическая революция и её историческое значение“* выступил старший преподаватель Педагогического института А. П. Николаев.

Славная 35-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, говорит докладчик, почти совпала с историческим XIX съездом Коммунистической партии Советского Союза, который указал величественные перспективы строительства коммунизма в нашей стране.

Далее докладчик подробно изложил международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, проанализировал пути, пройденные нашей страной за 35 лет Советской власти.

Характеризуя крупные успехи, достигнутые в годы Советской власти Чувашской АССР, докладчик показал, что эти успехи достигнуты благодаря мудрой ленинско-сталинской национальной политике Коммунистической партии и Советского правительства.

Великие завоевания трудящихся нашей страны в результате Октябрьской революции и перспективы дальнейшего развития Советского государства докладчик характеризовал в свете труда товарища И. В. Сталина *„Экономические проблемы социализма в СССР“* и решений XIX съезда партии.

В заключение своего доклада А. П. Николаев остановился на задачах, стоящих перед советским народом по строительству коммунистического общества.

Доклад на тему „*Борьба трудящихся Чувашии за победу Великой Октябрьской социалистической революции*“ сделал ученый секретарь Научно-исследовательского института языка, литературы и истории В. Л. Кузьмин.

На основе исследования значительного количества архивного материала и исторических документов докладчик подробно изложил борьбу трудящихся Чувашии за победу Великой Октябрьской социалистической революции под руководством партии Ленина—Сталина. Большую помощь в этой борьбе трудящимся Чувашии оказали рабочие Казани, Нижнего-Новгорода, Симбирска, большевистские организации этих крупных в Поволжье пролетарских центров. Характеризуя дальнейшее революционизирование масс, докладчик останавливается на развитии и росте аграрно-крестьянского движения в Чувашии в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции.

На рост революционной борьбы крестьян, указывает докладчик, большое влияние оказали опубликованные в газете „Чебоксарская Правда“ (органа Чебоксарского Совета) „Апрельские тезисы“ Ленина, резолюции VII (Апрельской) партийной конференции, „Открытое письмо“ Ленина, адресованное делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов, и ряд других статей.

Революционная борьба трудящихся Чувашии за завоевание власти, подчеркивает докладчик, непосредственно переплеталась с национально-освободительным движением, а также борьбой трудящихся за мир и за хлеб.

Огромную роль в деле подготовки Великой Октябрьской социалистической революции сыграли решения VI съезда партии. В революционной борьбе трудящихся Чувашии в период организации штурма большое место занимало развернувшееся в конце августа широкое крестьянское движение в Козмодемьянском и Ядринском уездах, направленное против антинародной продовольственной политики Временного правительства. Для подавления выступления крестьян в чувашские уезды были командированы войска с общей численностью несколько сот человек. Однако органам Временного правительства не удалось задуть революционные выступления трудящихся масс.

С победой пролетарской революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. в Петрограде, продолжает докладчик, началось триумфальное шествие Советской власти по всей стране. Переход власти в руки Советов как в центре, так и в Казани, Н.-Новгороде и в других городах Поволжья ускорил победу социалистической революции и установление Советской власти в Чувашии. Докладчик на основе архивных данных характеризует борьбу за установление Советской власти в Чувашии: в Чебоксарах, Ядрине, Алатыре и показывает победу Советов на местах, указывая при этом на помощь, оказанную трудящимся Чувашии в борьбе за Советскую власть Казанским губкомом партии большевиков. Далее докладчик остановился на вопросах о борьбе трудящихся Чувашии против белочехов и внутренней контрреволюции, об организации комбедов и их деятельности, о борьбе рабочих и крестьян за упорядочение Советской власти.

С докладом „*Чебоксарский Совет рабочих и солдатских депутатов в дни Октября*“ выступил старший научный сотрудник Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кандидат исторических наук П. Г. Григорьев.

Возникшим в огне борьбы в результате творческой инициативы самих трудящихся, указывает докладчик, Советам суждено было стать главной формой диктатуры пролетариата первого в мире социалистического государства. Советы рабочих и крестьянских депутатов на территории Чувашии образовались не в одно время. Первый среди них был Чебоксарский Совет рабочих и солдатских депутатов. Далее докладчик подробно характеризует деятельность Чебоксарского Совета в период проведения Октябрьской социалистической революции.

Чебоксарский Совет рабочих и крестьянских депутатов сыграл большую роль в деле организации масс и руководства революционной борьбой трудящихся в период установления и упрочения Советской власти в Чувашии.

Научные сессии показали растущий интерес общественности города Чебоксар к разработке важнейших вопросов истории чувашского народа.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кузьмин В. Л.</i> Из истории реализации ленинского декрета о земле в Чувашии.	3
<i>Андреев М. А.</i> Подъем сельского хозяйства и укрепление общественного хозяйства колхозов Чувашской АССР в годы первых трех сталинских пятилеток.	25
<i>Егоров В. Г.</i> К вопросу о происхождении чуваш и их языка.	64
<i>Горский С. П.</i> Краткая история чувашской орфографии.	92
<i>Данилов Н. Ф.</i> Язык и стиль романа К. Турхана „Йӓмралӓ ял“ („Деревня в ветлах“).	100

Дискуссии и обсуждения

<i>Григорьев П. Г.</i> К вопросу об образовании чувашской буржуазной нации.	153
---	-----

Х р о н и к а

Научные сессии.	163
-------------------------	-----

Редакционная коллегия: *В. Л. Кузьмин*
(отв. редактор), *Н. А. Андреев,*
Т. Г. Гусев, М. Я. Сироткин.
Тех. редактор *И. Григорьев.*

НТ 01062. Подписано к печати 7-IV-1953 г.

Объем 10,75 п. л. 10,82 учетно-издат. л.

Бумага 60×92¹/₁₆. Заказ № 3375.

Тираж 1 600 экз.

Типография № 1 Чувашполиграфиздата
при Совете Министров Чувашской АССР

г. Чебоксары, ул. Володарского, 5.

Цена 8 руб.